

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

*Написанная с невероятной мощью
и удивительным остроумием...
обстоятельная критика всех аспектов
религии.*

Майкл Кинсли,
New York Times Book Review

К р и с т о ф е р Х и т ч е н с

Б о г н е л ю б о в ь

К а к
р е л и г и я
в с е
о т р а в л я е т

Спасибо, что скачали книгу в [Библиотеке скептика](#)
[Другие книги автора](#)
[Эта же книга в других форматах](#)

Для Кристофера Хитченса, одного из самых влиятельных интеллектуалов нашего времени, спор с религией — источник и основа всех споров, начало всей полемики о добродетели и справедливости. Его фундаментальные возражения против веры и непримиримость со всеми главными монотеизмами сводятся к неумолимой убежденности:

«Религия отравляет все, к чему прикасается».

Светский гуманист Хитченс не просто считает, что нравственная жизнь возможна без религии, но обвиняет религию в самых опасных преступлениях против человечности. Российский читатель, во всем его мировоззренческом и поколенческом многообразии, имеет возможность согласиться или поспорить с доводами автора, в любом случае отдавая должное блеску его аргументации, литературному таланту, искренности и эрудиции.

- [Кристофер Хитченс](#)
  - [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [Глава девятая](#)
  - [Глава десятая](#)
  - [Глава одиннадцатая](#)
  - [Глава двенадцатая](#)
  - [Глава тринадцатая](#)
  - [Глава четырнадцатая](#)
  - [Глава пятнадцатая](#)
  -
  - [Жертвенная кровь](#)
  - [Искупление грехов](#)
  - [Вечное наказание и невыполнимые заповеди](#)
  - [Глава шестнадцатая](#)
  - [Глава семнадцатая](#)
  - [Глава восемнадцатая](#)
  - [Глава девятнадцатая](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

•

- [Кристофер Хитченс](#)

Кристофер Хитченс

Бог не любовь: Как религия все отравляет

Глава первая

Мягко говоря

Если читатель, которому адресована эта книга, не удовлетворится простым несогласием с автором и начнет выяснять, какие грехи и пороки подвигли меня взяться за перо (а мой опыт подсказывает, что проповедники милосердия, сострадания и великодушия часто действуют именно таким образом), он не только бросит вызов непостижимому и совершенному творцу, который, надо полагать, сознательно сделал меня таким. Он осквернит память доброй, честной и простодушной женщины по имени миссис Джин Уоттс, чья вера была непоколебима и чиста.

Когда мне было лет девять и я ходил в школу на окраине Дартмура на юго-западе Англии, в обязанности миссис Уоттс входило посвящать меня в тайны природы и Священного Писания. Она водила меня и моих одноклассников на прогулки по особенно чудесному уголку моей прекрасной родины и учила нас названиям птиц, деревьев и трав. Неожиданное богатство, скрытое в живой изгороди; волшебная горстка яиц в причудливом гнезде; спасительный щавель, который всегда оказывался под рукой, если наши ноги обжигала крапива (нам полагалось ходить в шортах) — все это осталось в моей памяти, как и тот «музей егеря», где местные крестьяне выставляли напоказ тушки крыс, хорьков и других мелких хищников, поставляемых, надо полагать, менее дорым божеством. Если вы читали бессмертную деревенскую лирику Джона Клэра, вы узнаете очарование, которое я пытаюсь передать.

Потом, на уроках, нам вручали листок с печатным текстом, озаглавленный «Знатоки Писания» и рассылавшийся министерством, которое отвечало за преподавание религии. (Как и ежедневные молитвы, это входило в обязательную программу и насаждалось государством.) Листок содержал избранный стих из Ветхого или Нового Завета, и нашей задачей было отыскать этот стих и рассказать классу или учителю, устно или письменно, о чем там речь и в чем мораль. Я обожал это упражнение и так в нем преуспел, что (подобно Берти Вустеру) нередко оказывался лучшим «знатоком Писания». Для меня это стало введением в критический анализ. Я читал все главы, которые предшествовали заданному стиху, и все главы, следовавшие за ним, чтобы правильно понять его «смысл». Я и сейчас могу это сделать, к великому неудовольствию некоторых моих противников, и до сих пор испытываю уважение к тем, чей стиль пренебрежительно называют «всего лишь» талмудическим, кораническим или «фундаменталистским». Такие упражнения полезны для интеллекта и литературных навыков.

Однако в один прекрасный день бедная милая миссис Уоттс переусердствовала. Стремясь соединить роль учительницы природоведения с ролью наставника в Писании, она сказала:

«Посмотрите, ребята, как велик и щедр Бог. Он сделал все травы и деревья зелеными, потому что именно зеленый цвет наиболее приятен нашим глазам. Вообразите, как было бы ужасно, если бы вся растительность была красной или оранжевой».

И чу, полюбуйте, что натворила эта богобоязненная старая калоша. Мне нравилась миссис Уоттс: она была бездетной вдовой, любящей детей, и жила вместе с ласковой старой овчаркой, которую звали Ровер, и после уроков она приглашала нас на сладости в свой слегка обветшалый дом у железной дороги. Сатана — если это он избрал ее, чтобы совратить меня с пути истинного, — был намного изобретательней, чем коварный змей из садов Эдема. Миссис Уоттс никогда не повышала голоса и не прибегала к рукоприкладству — в отличие от некоторых других учителей — и, в целом, была одним из тех людей, о которых писала Джордж

Элиот в «Миддлмарче»: если «дела у нас с вами не так плохи, как могло бы стать», это «наполовину заслуга тех, кто достойно прожил свою неприметную жизнь и лежит на забытом погосте».

Тем не менее в тот день слова миссис Уоттс ужаснули меня. Ремешки моих сандалий скукожились от стыда за нее. В своем девятилетнем возрасте я не имел никакого представления ни о телеологическом доказательстве бытия Божия, ни о теории Дарвина, его сопернице, ни о связи между фотосинтезом и хлорофиллом. Тайны генетики были так же сокрыты от меня, как были они сокрыты в то время от всех остальных. Тогда я еще не наблюдал картин природы, в которых почти все пропитано омерзительным равнодушием или враждебностью к человеческой жизни, если не к жизни вообще. Я просто знал, словно у меня был прямой доступ к высшему авторитету в этом вопросе, что моя учительница двумя предложениями умудрилась поставить все с ног на голову. Я знал, что глаза были приспособлены к природе, а не наоборот.

Не стану притворяться, что помню это озарение во всех подробностях, но какое-то недолгое время спустя я начал замечать и другие несуразности. Если все на свете создал бог, почему мы должны непрестанно «восхвалять» его за то, что не стоило ему особого труда? В этом, по меньшей мере, было какое-то подобострастие. Если Иисус мог исцелить любого слепца, который попадался ему на пути, почему бы не исцелить всех слепых сразу? Чем было так уж замечательно его изгнание демонов, если те переселились в стадо свиней? В этом было что-то зловещее, похожее на черную магию. К чему все эти постоянные, ни к чему не ведущие молитвы? Почему я должен снова и снова публично повторять, что я несчастный грешник? Почему тема секса была такой взрывоопасной? Эти робкие, детские сомнения, как я обнаружил позднее, посещают очень многих, отчасти потому что ни одна религия не дает на них удовлетворительного ответа. Но пришло время и более серьезных возражений. (Я говорю «пришло время», потому что такие возражения не только непреодолимы, но и неизбежны.) Директор школы — он проводил наши ежедневные службы и молитвы и держал Библию, а также был немного садистом и скрытым гомосексуалистом (я давно его простил, потому что именно он пробудил во мне интерес к истории и одолжил мне моего первого Вудхауза), — как-то раз произносил нравоучительную речь. «Сейчас, может быть, вам непонятно, зачем нужна вся эта религия, — сказал он нам. — Но однажды, когда начнут умирать ваши близкие, вы все поймете».

И я снова испытал прилив негодования, смешанного с недоумением. С таким же успехом директор мог сказать, что религия, может быть, и ложь, но кому какое дело, если она надежный источник утешения. Какая низость. Мне тогда было почти тринадцать, и я превращался в типичного несносного умника. Я еще не слышал о Фрейде (хотя знакомство с Фрейдом помогло бы мне понять поведение директора), но в ту минуту мне словно пригрезилось его эссе «Будущее одной иллюзии».

Это затянувшееся вступление призвано убедить вас, что я не из тех, кто потерял всякий шанс на здоровую религиозную веру из-за психологической травмы или топорной промывки мозгов. Я знаю, что миллионам людей пришлось пережить подобное, и считаю, что религия может и должна нести ответственность за причиненные страдания. (Совсем недавно мы видели, как католическая церковь запятнала себя чудовищным грехом сексуального насилия над детьми.) Однако и другие, нерелигиозные организации виноваты в похожих или даже в более страшных преступлениях.

Остаются четыре фундаментальных возражения против религиозной веры. Во-первых, она представляет в ложном свете происхождение человека и вселенной. Во-вторых, из-за этого исходного заблуждения она умудряется скрещивать верх раболепия с верхом нарциссизма. В-третьих, она одновременно является результатом и причиной опасного подавления

сексуальности. И, наконец, в ее основе лежит элементарное стремление выдать желаемое за действительное.

Не вижу никакой самонадеянности в утверждении, что я открыл для себя все четыре возражения (а также заметил одно более вульгарное и очевидное обстоятельство: люди, оказавшиеся у власти, используют религию для ее укрепления) еще до того, как у меня начал ломаться голос. Я убежден, что миллионы других людей пришли к таким же выводам примерно таким же путем. Я встречал таких людей в сотнях городов и десятках стран. Многие из них никогда не верили в бога; многие оставили веру после трудной борьбы. Многие из них пережили мгновения ослепляющего сомнения, которые наступили столь же молниеносно, как прозрение апостола Павла по дороге в Дамаск, хотя и меньше напоминали эпилепсию и содержали меньше апокалипсических видений (и позднее оказались более обоснованны и с рациональной, и с нравственной точки зрения). Главная отличительная черта моих единомышленников в том, что наша вера — не вера. Наши принципы — не религия. Мы не полагаемся исключительно на науку и разум, ибо они лишь необходимые, а не достаточные условия, но мы с подозрением относимся ко всему, что противоречит науке или оскорбляет разум. Мы можем во многом не соглашаться, но нас объединяет уважение к свободе мысли, непредвзятости и поиску ответов ради самих ответов. Мы не догматичны в наших убеждениях: расхождения во взглядах профессора Стивена Гулда и профессора Ричарда Докинза на «квантовую эволюцию» и пробелы в последарвиновской теории могут быть сколь угодно велики и глубоки, но мы разрешим эти противоречия при помощи фактов и логики, а не путем взаимного отлучения от церкви. (Мои собственные претензии к профессору Докинзу и Дэниелу Деннету, вызванные их тошнотворным предложением, что атеисты должны самодовольно присвоить себе имя «светлые головы» (brights), — тоже часть продолжающегося спора.) Нам знакома сила чуда, тайны и благоговения: у нас есть музыка, живопись и литература, и мы находим, что Шекспир, Толстой, Шиллер, Достоевский и Джордж Элиот справляются с глубокими нравственными вопросами гораздо лучше, чем нравоучительные мифы из священных книг. Разум и — за неимением лучшей метафоры — душу питает литература, а не Писание. Мы не верим ни в рай, ни в ад, но никакая статистика не покажет, что без этих посулов и угроз мы совершаем больше преступлений на почве жадности или больше актов насилия, чем верующие. (Более того, если бы сбор точной статистики по этому вопросу вообще был возможен, я уверен, факты показали бы обратное.) Мы понимаем, что жизнь конечна и что наше единственное бессмертие — в наших детях, и мы рады уступить им свое место в этом мире. Мы не исключаем, что люди, осознавшие, как коротка и тяжела их жизнь, возможно, будут добрее друг к другу, а не наоборот. Мы можем сказать с уверенностью, что нравственная жизнь возможна без религии. Мы также знаем, что верно и обратное: под властью религии слишком многие не просто вели себя не лучше других, но присуждали себе право совершать поступки, которые вызвали бы негодование даже у владельца борделя или военного преступника.

Важнее всего, пожалуй, то, что нам, неверным, не нужно постоянно подстегивать свое неверие. Именно нас имел в виду Блез Паскаль, обращаясь к тем, кто говорит: «Я так устроен, что не способен верить в бога». В деревне Монтелье, во время очередного разгула средневековой инквизиции, одну из обвиняемых спросили, кто ее научил еретическим сомнениям по поводу ада и воскрешения. Женщина, вероятно, понимала, что ей грозит долгая мучительная смерть от рук блюстителей веры, но все же ответила, что никто ее не учил, и до всего она додумалась сама. (Нередко слышишь, как верующие воздают хвалу простоте своих братьев, но естественное здравомыслие и ясность рассудка этой женщины остаются без похвалы. Эти качества были затоптаны и выжжены каленым железом у такого числа людей, что на одно их перечисление не хватит целой жизни.)

Нам нет нужды собираться каждый день или каждый седьмой день, или в какой бы то ни было знаменательный день, чтобы вещать о своей праведности или каяться, упиваясь собственным ничтожеством. Нам, атеистам, не требуются ни священники, ни церковная иерархия, следящая за чистотой догмы. Нам отвратительны жертвоприношения и ритуалы, а с ними мощи и поклонение любым изображениям или предметам (даже если эти предметы имеют вид одного из самых полезных человеческих изобретений — книги). Ни один уголок Земли для нас не более «свят», чем другой. Тщеславной нелепости паломничества и откровенному ужасу кровопролития во имя какой-нибудь священной стены, пещеры, гробницы или камня мы противопоставляем то неспешные, то нетерпеливые шаги по залам библиотек и галерей или обед с хорошим другом — всегда в поисках красоты и истины. Если мы ищем всерьез, некоторые из наших прогулок среди книжных полок и картин, некоторые из наших обеденных бесед непременно сведут нас с верой и верующими: от великих художников и композиторов, черпавших вдохновение в религиозной тематике, до святого Августина, Фомы Аквинского, Маймонида и Джона Ньюмана. Эти могучие умы могли писать мерзости и глупости, могли быть до смешного невежественны в том, что касается истинной причины болезней или места Земли в Солнечной системе, не говоря уже о вселенной, но именно по этой причине подобных им больше нет и никогда не будет. Последние слова, в которых еще был смысл, благородство или вдохновение, религия произнесла очень давно. В лучшем случае, она переродилась в достойный восхищения, но расплывчатый гуманизм таких людей, как Дитрих Бонхеффер, храбрый лютеранский пастор, повешенный нацистами за нежелание им пособничать. Мы больше не увидим никого, подобного пророкам и мудрецам древности. Культы наших дней всего лишь отголоски дней минувших, иногда доходящие до крика, в попытке заглушить ужасающую пустоту веры.

Некоторые апологеты религии (можно вспомнить Паскаля) по-своему блистательны; некоторые (здесь нельзя не упомянуть Клайва Льюиса) занудны и нелепы. Но и тех, и других объединяет непосильная тяжесть их ноши. Какие нужны усилия, чтобы обосновать невероятное! Ацтеки каждый день вспарывали по грудной клетке, чтобы солнце не передумало всходить. Монотеистам полагается кланяться милости у своего божества еще чаще, возможно, по причине глухоты последнего. Сколько плохо скрытого тщеславия нужно, чтобы мнить себя центром божественного плана? Сколько собственного достоинства нужно принести в жертву, чтобы без усталости ползать на брюхе, вымаливая отпущение грехов? Сколько требуется ненужных допущений и натяжек, чтобы «подстраивать» каждое новое научное открытие под откровения древних идолов, придуманных самим человеком? Сколько святых, сколько чудес, соборов и конклавов необходимо, чтобы сначала провозгласить догму, а затем — после бесчисленных страданий, утрат, абсурда и жестокости — эту догму отвергнуть? Бог не создавал человека по образу и подобию своему. Все было как раз наоборот. Отсюда повсеместное обилие богов и религий (и межконфессионального братоубийства), столь замедлившее развитие нашей цивилизации.

Преступления на религиозной почве происходили и происходят не потому, что мы порочны, а потому, что наш вид, по своей биологической природе, лишь отчасти рационален. Эволюция оставила наши предлобные доли слишком маленькими, а наши надпочечники слишком большими; наши репродуктивные органы, судя по всему, разрабатывала правительственная комиссия. Такая гремучая смесь, сама по себе или вместе с другими ингредиентами, не может не привести к несчастьям и расстройствам. И все же есть огромная разница между усердием верующих и не менее ревностным трудом таких людей, как Дарвин, Хокинг и Крик. Даже их заблуждения, их неизбежные предрассудки открывают нам больше, чем любой верующий, который в своей ложной скромности тщится обуздать квадратуру круга и

объяснить, каким образом ему, простому созданию Творца, известны замыслы этого Творца. У нас — светских гуманистов, атеистов, агностиков — могут быть эстетические разногласия, но никто из нас не хотел бы отнять у человечества волшебство или утешение. Ни в коем случае. Найдите минутку для потрясающих фотографий, сделанных телескопом «Хаббл», и вы увидите вещи более грандиозные, загадочные и прекрасные — а также более хаотичные, грандиозные и пугающие, — чем любой миф о сотворении мира или о его конце. Прочтите, что пишет Хокинг о «горизонте событий» — теоретической кромке «черной дыры», за которую в теории можно нырнуть и увидеть прошлое и будущее (проблема только в том, что на это, по определению, не хватит «времени»), и вас вряд ли когда еще потрясет Моисей с его жалкой «неопалимой купиной». Полюбуйтесь красотой и симметрией двойной спирали ДНК, закажите полную расшифровку своего генетического кода, и вас ошеломит почти безупречное совершенство, составляющее саму суть вашей жизни. В то же время вам (надеюсь) будет приятно убедиться, как много общего у вас с другими человеческими племенами (место «расы» в одной мусорной корзине с «сотворением мира»). Вам будет интересно узнать, сколько всего роднит вас и с животным миром. Вы наконец сможете испытать подлинное смирение перед лицом своего творца, который, как выясняется, вовсе не личность, а процесс мутаций, включающий гораздо больше случайностей, чем хотелось бы нашему самолюбию. Всех этих тайн и чудес с лихвой хватит любому млекопитающему. Самый образованный человек в современном мире вынужден признать, что знает все меньше и меньше, но, по крайней мере, о все большем и большем.

Что до утешения (раз уж приверженцы религий так настаивают, что вера удовлетворяет эту якобы насущную потребность), я скажу лишь, что продавцы мнимого утешения — мнимые друзья. Кроме того, критики религии ведь не просто отрицают, что религия способна утешать боль. Они предостерегают против эффекта плацебо и подкрашенной водицы. Пожалуй, самое ходовое злоупотребление цитатой в новейшей истории (во всяком случае, в данном контексте) — это утверждение, что Маркс пренебрежительно называл религию «опиумом народа». На самом деле отпрыск рода раввинов прекрасно понимал силу религиозной веры и в статье «К критике гегелевской философии права» писал следующее:

Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа.

Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях. Критика религии есть, следовательно, в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия.

Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы — не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком.^[1]

Как видим, дело тут не в искажении цитаты, а в довольно грубой попытке представить в ложном свете философские аргументы против религии. Тех, кто до сих пор верил рассказам священников, имамов и раввинов о том, что думают неверующие, в моей книге ждет еще немало сюрпризов. Возможно, они научатся сомневаться в том, что им говорят, — научатся не принимать услышанное «на веру». В чем, собственно, и заключается решение проблемы.

Маркс и Фрейд, надо признать, не были ни врачами, ни представителями точных наук. Лучше воспринимать их как великих, хотя и часто заблуждавшихся эссеистов с прекрасным воображением. Иными словами, когда картина мира меняется, я не считаю зазорным критиковать свои былые заблуждения. И я принимаю то, что некоторые противоречия останутся противоречиями, некоторые проблемы окажутся не по силам коре больших полушарий млекопитающего под названием «человек», а некоторые вещи просто непознаваемы. И конечность, и бесконечность вселенной, если они когда-нибудь будут доказаны, для меня одинаково непредставимы. Я встречал немало людей гораздо мудрее и умнее себя, но не знаю никого, чьей мудрости или интеллекта в этом вопросе оказалось бы достаточно.

Таким образом, самый умеренный аргумент против религии одновременно и самый радикальный, и самый обезоруживающий: религия — человеческое изобретение. Ее изобретатели не могут договориться даже о том, что же на самом деле сказали или сделали их спасители, пророки и гуру. И уж тем менее способны они объяснить нам «значение» позднейших открытий, которые поначалу тормозились или проклинались их религиями. Однако послушайте современных верующих: они по-прежнему знают! Да не просто знают, а знают все. Не просто знают, что бог существует, что он создал и держит под контролем все на свете, но знают, чего «он» хочет от нас, включая наш рацион, ритуалы и взгляды на секс. Иными словами, в необозримой, запутанной дискуссии, благодаря которой мы узнаем все больше и больше о все меньшем и меньшем, при этом робко надеясь на постепенное просветление, есть сторона, которая сама состоит из враждующих групп, но имеет наглость утверждать, что вся необходимая информация у нас уже есть. Одного такого сочетания клинической глупости с гордыней вполне достаточно, чтобы исключить «веру» из обсуждения. Тот, кто претендует на божественную истину в последней инстанции, болен детской болезнью вида гомо сапиенс. Прощание с детством может быть долгим, но оно уже началось и, как всякие проводы, затягивать его не следует.

По мне едва ли скажешь, что я придерживаюсь таких взглядов. Я, пожалуй, чаще засиживался допоздна с верующими друзьями, чем с любыми другими. (Друзья эти часто называют меня «ищущим человеком», что, конечно, раздражает. Даже если я «ищущий человек», ищу я совсем не то, что они думают.) Если бы я вернулся в Девон, где лежит в забытой могиле миссис Уоттс, я бы непременно присел помолчать в уголке какой-нибудь кельтской или саксонской церквушки. (Стихотворение Филипа Ларкина «В церкви» прекрасно передает мои чувства.) Когда я писал книгу о Джордже Оруэлле — человеке, который был бы моим героем, будь у меня герои, — меня огорчила черствость, с которой он говорит о сожжении церквей в Каталонии в 1936 году. Задолго до торжества монотеизма Софокл показал, что отвращение Антигоны к святотатству — свидетельство человечности. Пусть правоверные сами жгут друг другу церкви, мечети и синагоги. За ними дело не станет. А я разубаюсь, когда вхожу в мечеть. Я покрываю голову, когда иду в синагогу. Как-то раз в Индии я даже соблюдал правила ашрама, хотя это и было для меня настоящим испытанием. Мои родители не навязывали мне никакой религии. Наверное, мне повезло, что у отца не было особо теплых воспоминаний о его строгом баптистско-кальвинистском воспитании, а мать (отчасти ради меня) предпочла ассимиляцию своему иудейскому наследию. Моего знакомства со всеми человеческими верованиями хватит с лихвой, чтобы всегда и везде оставаться неверным, но все же мой атеизм имеет протестантский привкус. Когда я впервые не согласился с религией, я не согласился с дивной литургией на стихи из Библии короля Якова и молитвенника Кранмера (современная англиканская церковь в приступе кренинизма отказалась от них). Мой отец похоронен в часовне с видом на Портсмут — в той самой, где накануне высадки в Нормандии молился о победе генерал Эйзенхауэр. В день похорон отца я говорил с кафедры часовни. Я выбрал отрывок из послания

Савла Тарсянина (впоследствии названного «святым Павлом») Филиппийцам (глава 4, стих 8):

Наконец, братья мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте.^[2]

Я выбрал это наставление за его недосказанность, которая не отпускает меня и будет со мной в последний час, за его в целом светский характер и за то, что оно так выделяется на безжизненном фоне проклятий, стенаний, вздора и угроз, которые его окружают.

Спор с религией — источник и основа всех споров, потому что в нем начало (но не конец) философии, науки, истории и познания человеческой природы.

В нем же начало (но отнюдь не конец) всей полемики о добродетели и справедливости. Религия неискоренима именно потому, что наша эволюция продолжается. Религия не отомрет, пока мы не перестанем бояться смерти, темноты, неизвестности и друг друга. Поэтому я не стал бы запрещать ее, даже если бы мог. Какое великодушие, скажете вы. Но подумайте: будут ли правоверные столь же снисходительны ко мне? Я задаю этот вопрос, потому что между мной и моими верующими друзьями есть одно существенное отличие, и настоящим друзьям хватает честности признать его. Я не прочь ходить на бар-мицвы их детей, восхищаться их готическими соборами, «уважать» их веру в то, что Коран был надиктован (пускай исключительно по-арабски) неграмотному торговцу, и интересоваться воззрениями виккан, индуистов и джайнов. Более того, я буду делать это, даже не настаивая на том, чтобы они, в порядке ответной любезности, не мешали жить мне. Религия, увы, не способна на такую любезность. Пока я пишу эти слова, пока вы их читаете, правоверные изобретают новые способы уничтожить и меня, и вас, и добытые тяжким трудом достижения человеческой цивилизации, о которых я здесь говорил. Религия отравляет все, к чему прикасается.

Глава вторая

Религия убивает

Его отвращение к религии в общеупотребительном смысле сего слова было сродни отвращению Лукреция: он питал к ней чувства, какие надлежит испытывать не просто к заблуждению, но к великому злу. Он видел в ней величайшего врага нравственности. Во-первых, полагал он, религия провозглашает фальшивые доблести — веру в догмы, набожность и церемонии, не служащие благу человечества, — и насаждает их вместо подлинных добродетелей. Хуже того, она полностью выхолащивает мерило нравственности, отождествляя его с исполнением воли существа, каковое хотя и осыпает всеми выраженьями подобострастия, но на самом деле рисует совершенным чудовищем.

Джон Стюарт Милль о своем отце в «Автобиографии»

Tantum religio potuit suadere malorum.^[3]

Тит Лукреций Кар. О природе вещей

Представьте, что вы способны на интеллектуальный кульбит, который никак не дается мне. Представьте, иными словами, что вы способны вообразить бесконечно благого и всемогущего творца, который вас придумал, создал, поместил в приготовленный для вас мир, и теперь следит за вами и думает о вас, даже когда вы спите. Далее, представьте, что при условии соблюдения правил и заповедей, которые он вам заботливо предписал, вы заслужите вечное блаженство и покой. Не скажу, что вера в такое вызывает у меня зависть (на мой взгляд, она слишком похожа на тоску по вечной диктатуре), но меня гложет искреннее любопытство. Почему эта вера не приносит счастья тем, кто ее исповедует? Разве они не считают себя обладателями чудесного секрета, за который, как за спасительную соломинку, можно уцепиться даже в самую трудную минуту?

Поверхностному взгляду иногда кажется, что так оно и есть. Я видел евангелические богослужения — и в белых, и в афроамериканских приходах — которые напоминали один сплошной вопль восторга по поводу спасения, божественной любви и всего остального. У всех христиан и почти у всех язычников найдется немало обрядов, задуманных, как всеобщий праздник (именно поэтому я нахожу их подозрительными). Есть, конечно, и другие моменты, более сдержанные, более утонченные и трезвые. Когда я был прихожанином греческой православной церкви, я и не веруя чувствовал радость слов, которыми обмениваются верующие в пасхальное утро: «Христос анести!» («Христос воскрес») — «Алитос анести!» («Воистину воскрес!») Стоит добавить, что прихожанином греческой православной церкви я был по причине, которая многих заставляет соблюдать те или иные религиозные обряды: я хотел угодить своей греческой теще и своему греческому тестю. Архиепископ, который крестил и венчал меня в один и тот же день, заработав таким образом вдвое больше обычного, позднее активно поддерживал и собирал деньги для единоверцев и военных преступников по имени Радован Караджич и Ратко Младич, чьими стараниями заполнены бесчисленные братские могилы по всей Боснии. Когда я женился в следующий раз, меня венчал раввин-реформист,

имевший слабость к Эйнштейну и Шекспиру. С этим человеком у меня было немного больше общего. Но даже он отдавал себе отчет в том, что его гомосексуализм, в принципе, есть тяжкое преступление, за которое основатели его религии забивали людей камнями. Что до англиканской церкви, в которой я прошел свое первое крещение, то в наши дни она может показаться жалкой овечкой. Но как прямая наследница организации, всегда имевшей тесные связи с монархией и получавшей финансовую поддержку от государства, она несет историческую ответственность за крестовые походы, за гонения на католиков, евреев и диссентеров, а также за борьбу против научного познания.

Градус религиозного пыла колеблется в зависимости от страны и эпохи, но можно смело утверждать, что религия никогда не довольствуется, да и не может довольствоваться своими замечательными догмами и грандиозными обещаниями. Природа религии вынуждает ее вмешиваться в жизни неверующих, еретиков и последователей других вероучений. Она может разглагольствовать о блаженстве в мире ином, но хочет власти в мире этом. Здесь нет ничего удивительного. Религию, как мы помним, придумали люди. Недостаток уверенности в собственной пропаганде она компенсирует нетерпимостью к конкурентам.

Для примера возьмем одну из наиболее почитаемых фигур современной религии. В 1996 году в Ирландии прошел референдум по одному вопросу: должна ли конституция республики и впредь запрещать развод. Большинство политических партий все более светской страны призывали избирателей поддержать отмену запрета. У них было два превосходных аргумента. Во-первых, говорили они, несправедливо навязывать всем гражданам католическую мораль; во-вторых, о воссоединении страны не может быть и речи, пока значительное протестантское меньшинство в Северной Ирландии продолжает опасаться клерикального правления. Мать Тереза прилетела прямо из Калькутты, чтобы помочь церкви вести кампанию за сохранение запрета. Из этой кампании выходило, что ирландка, которую бьет муж-пропойца, насилюющий собственных детей, не достойна лучшей доли и рискует угодить в ад, если будет вымаливать шанс начать все сначала. Что до протестантов, они могли выбрать благословение Рима или оставаться за пределами страны. То, что католики могут соблюдать наказания своей церкви, не навязывая их всем остальным, даже не обсуждалось. И это, заметьте, Британские острова, конец XX века. Сторонники изменения конституции все-таки победили, но с минимальным перевесом. (В том же году мать Тереза публично выразила надежду, что принцесса Диана вздохнет с облегчением, вырвавшись из явно неудачного брака. Впрочем, мало кто удивляется, если церковные правила оказываются строже к бедным, чем к богатым.)

За неделю до 11 сентября 2001 года я участвовал в публичной дискуссии с Деннисом Прагером, одним из известнейших религиозных телеведущих в Америке. Он спросил, готов ли я «дать прямой ответ на прямой вопрос». Я с радостью согласился. Прекрасно, сказал он, и попросил меня представить, что я нахожусь в незнакомом городе. Вечереет. Навстречу мне движется большая группа мужчин. Итак, вопрос: чувствовал бы я себя безопасней, зная, что мужчины эти возвращаются с вечерней молитвы? Как видите, на этот вопрос трудно дать прямой ответ. Однако мне удалось вывести его из гипотетической плоскости:

«Не заходя дальше первых букв алфавита, я бывал в такой ситуации в Белфасте, Бейруте, Бомбее, Белграде, Багдаде и Вифлееме. Я абсолютно уверен, и у меня есть на то причины, что в каждом городе я бы напугался до смерти, попадись мне в сумерках мужчины, идущие с религиозной службы».

Здесь уместно краткое описание боговдохновенной жестокости, свидетелем которой я был в этих шести городах. В Белфасте я видел улицы, выжженные двумя враждующими

христианскими сектами. Я разговаривал с людьми, родных и друзей которых похитили отряды смерти, чтобы убить или пытать, нередко за одну лишь принадлежность к другой церкви. В Белфасте ходит старый анекдот про человека, которого останавливают на дороге и спрашивают, в какую церковь он ходит. Когда он отвечает, что он атеист, его спрашивают: «А какой атеист? Протестантский или католический?» Этот анекдот, на мой взгляд, показывает, насколько религиозная истерия отравила даже знаменитое ирландское чувство юмора. Более того, мой знакомый однажды попал в такую ситуацию на самом деле, и смею вас заверить: ему было не до смеха.

Считается, что конфликт в Северной Ирландии имеет национальные причины, но во время уличных столкновений враждующие стороны обзывают друг друга по конфессиональной принадлежности. В течение многих лет протестантская элита мечтала о католических гетто. Идея независимого Ольстера родилась под лозунгом «Протестантский парламент для протестантского народа!» Сектантство заразительно и неизбежно плодит ответное сектантство, и католическая элита была согласна с протестантами в главном. Она требовала сегрегации и школ под церковным патронажем, т.е. упрочения своей власти. Так, во славу Господню, застарелая вражда вдалбливалась и продолжает вдалбливаться в головы новых поколений школьников. (Мне делается дурно уже от одного слова «вдалбливать»: оно напоминает мне о раздробленных коленных чашечках тех, кто перешел дорогу религиозным бандитам.)

Бейрут, каким я впервые увидел его летом 1975 года, еще подходил на роль «Парижа Востока». Однако этот кажущийся Эдем кишел всеми мыслимыми видами змей. Бейрут страдал от явного избытка религий, и каждая из этих религий имела свое место в конституции. Пост президента, согласно конституции, должен был занимать христианин, чаще всего католик-маронит, спикером был мусульманин, и т.д. Эта система никогда толком не работала, поскольку законодательно закрепляла не только вероисповедание, но также положение в обществе и национальность (мусульмане-шииты находились на самом дне социальной лестницы, а курдам вообще не было места).

Главной христианской партией была вооруженная католическая группировка под названием «Фаланга», основанная маронитом по имени Пьер Жемайель, который в 1936-м побывал на гитлеровской Олимпиаде в Берлине и вернулся под большим впечатлением.

Впоследствии «Фаланга» прославилась резней палестинских беженцев в Сабре и Шатиле, осуществленной по приказу генерала Шарона. Сотрудничество генерала-еврея с фашистской партией может показаться абсурдом, но их объединил общий враг: мусульмане. Израильское вторжение в Ливан в том же году привело к рождению «Хезболлы». Новое движение скромно именовало себя «Партией Бога», мобилизовало шиитскую бедноту и постепенно поставило ее под контроль иранской теократии, воцарившейся тремя годами ранее. Именно там, в прекрасном Ливане, научившись у организованной преступности искусству похищать людей, правоверные не остановились на достигнутом и познакомили нас с прелестями терроризма в исполнении смертников. Никогда не забуду оторванную голову на дороге у полуразрушенного французского посольства. В общем, завидев мужчин, идущих с молитвы, я обычно переходил на другую сторону улицы.

Как и Бейрут, Бомбей, с его величественной колониальной архитектурой, в ожерелье огней вдоль серпантина улиц, когда-то считался жемчужиной Востока. Немногие индийские города могли сравниться с ним в культурном многообразии. Его богатая палитра изобретательно отражена в романах Салмана Рушди (прежде всего, в «Прощальном вздохе мавра») и фильмах Миры Наир. В Бомбее и раньше вспыхивало религиозное насилие, а именно в 1947–1948 годах, когда историческое движение за независимость Индии пало жертвой сепаратистских требований мусульман и того, что во главе Индийского национального конгресса стоял истово

верующий индуист. Но и во время этого приступа религиозной кровожадности Бомбей, вероятно, приютил столько же беженцев, сколько породил. Разные культуры и после мирно жили бок о бок, как это часто бывает в городах, открытых морю и влияниям извне. Заметную роль в жизни города играли парсы (потомки зороастрийцев, некогда бежавших от гонений в Персии), а также исторически значимая еврейская диаспора. Но такое положение дел не устраивало г-на Бала Теккерей и националистов из его движения «Шив Сена Хинду». В 1990-е годы г-н Теккерей решил, что управлять Бомбеем должен он и его братья по вере, и спустил с цепи армию бандитов и головорезов. В порядке демонстрации собственной власти он приказал переименовать город в Мумбай, и отчасти поэтому Бомбей фигурирует в моем списке под своим традиционным названием.

Белград до конца 1980-х был столицей Югославии, страны южных славян, а значит столицей государства, которое населяли люди разных национальностей и вероисповеданий. Но один хорватский интеллигент светского толка как-то сказал мне с горьким юмором вполне в ирландском духе:

«Когда я говорю, что я атеист и хорват, люди спрашивают, а чем я докажу, что не серб».

Иными словами, быть хорватом значит быть католиком. Быть сербом значит быть православным. В 1940-е годы это разделение вдохновляло политику марионеточного правительства, организованного нацистами в Хорватии под покровительством Ватикана. Помимо естественного стремления истребить всех местных евреев, хорватские нацисты вели политику принудительного обращения православных в католичество. Десятки тысяч православных были убиты или депортированы, а возле городка Ясеновац возник гигантский концентрационный лагерь. Режим генерала Анте Павелича и его усташей отметился такими мерзостями, что даже многие немецкие офицеры не желали иметь с ним ничего общего.

К 1992 году, когда я посетил место бывшего лагеря у Ясеноваца, эстафету перехватила другая сторона. Войска Сербии, где у власти стоял Слободан Милошевич, незадолго до того подвергли жестокому обстрелу хорватские города Вуковар и Дубровник. Они же взяли в кольцо Сараево, город с преимущественно мусульманским населением, и круглые сутки засыпали его снарядами. По другим городам Боснии и Герцеговины — прежде всего вдоль реки Дрины — катилась волна разбоя и массовых убийств, которую сами же сербы называли «этнической чисткой». «Религиозная чистка», впрочем, была бы ближе к истине. Из коммунистического аппаратчика Милошевич переродился в оголтелого шовиниста, и крестовый поход против мусульман, которым он прикрывал включение Боснии в состав «Великой Сербии», в значительной степени осуществлялся силами неофициальных бандформирований под его «недоказанным» контролем. Банды эти состояли из религиозных фанатиков и нередко действовали с благословения православных священников и епископов. Попадались в них и православные «добровольцы» из Греции и России. Они целенаправленно уничтожали любые следы оттоманской цивилизации: динамит под исторические минареты в Баня-Луке был заложен во время перемирия, а не в ходе боевых действий.

Немногие теперь помнят, что католики при этом ни в чем не уступали православным. Движение усташей, возродившееся в Хорватии, пыталось захватить Герцеговину с тем же варварством, что и во время Второй мировой. Мостар, прекрасный город, тоже подвергся обстрелам и блокаде; по знаменитому Старому мосту, построенному еще в османскую эпоху и занесенному в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО, палили, пока он не обрушился в реку. Не будет ошибкой сказать, что кровавый раздел и «зачистку» Боснии и Герцеговины

католические и православные экстремисты проводили вместе. Их вина до сих пор не признана широкой общественностью, поскольку мировые СМИ предпочли более простые ярлыки: «сербы» и «хорваты». Религия упоминалась только в связи с «мусульманами». Однако триада «хорваты — сербы — мусульмане» затемняет дело, ставя на одну доску две национальности и одну религию. (Репортажи из Ирака грешат тем же, но с перекосом в другую сторону: «сунниты — шииты — курды».) На протяжении блокады в Сараево находилось не менее десяти тысяч сербов. Сербом был один из руководителей обороны города, генерал Йован Дивьяк, с которым я имел честь познакомиться под артиллерийским огнем. Местная еврейская община, возникшая еще в 1492 году, по большей части также поддерживала правительство Боснии и боснийскую независимость. Репортажи из Югославии были бы гораздо ближе к действительности, если бы пресса и телевидение сообщали нам, что «сегодня православные войска возобновили обстрел Сараево», а «накануне католические вооруженные группировки разрушили Старый мост». Но идентификация по религиозному признаку так и осталась уделом «мусульман», несмотря на то, что их убийцы старательно обвешивались здоровенными православными крестами поверх патронташей или же обклеивали приклады винтовок образами Девы Марии. Мы снова видим, как религия отравляет все, к чему прикасается, включая нашу способность называть вещи своими именами.

Что до Вифлеема, здесь я готов уступить господину Прагеру. В иные дни, оказавшись на закате в окрестностях Базилики Рождества Христова, я бы не опасался за свою жизнь. Многие верят, что именно там, недалеко от Иерусалима, при участии непорочно оплодотворенной девственницы бог стал отцом.

«Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочetaлись они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго».

Конечно. А греческий полубог Персей родился после того, как Зевс, приняв вид золотого дождя, посетил и обрюхатил девственницу Даная. Бог Будда появился на свет из отверстия в боку своей матери. Коатликуэ в змеином платье поймала комочек перьев, упавший с неба, и спрятала у себя на груди: так был зачат ацтекский бог Уицилопочтли. Нимфа-девственница сорвала гранат с дерева, политого кровью поверженного Агдистиса, и родила Аттиса. Девственная дочь монгольского хана проснулась однажды ночью в покоях, залитых неземным светом, и родила Чингисхана. Кришну родила девственница Девака. Хора родила девственница Исида. Меркурия родила девственница Майя. Ромула родила девственница Рея Сильвия. По непонятной причине многие религии видят в родовом канале улицу с односторонним движением. Даже Коран говорит о Деве Марии с благоговением. Последнее обстоятельство, впрочем, не имело значения во времена крестовых походов, когда папская армия пришла отвоевывать Иерусалим и Вифлеем у мусульман, по дороге уничтожив немало еврейских поселений и разграбив прозябавшую в ереси Византию. Крестоносцы устроили жуткую бойню на узких улочках Иерусалима: по словам злорадствующих летописцев, потоки пролитой крови доставали до конских уздечек.

Некоторые бури ненависти и кровожадного фанатизма уже улеглись, и, хотя в тех краях никогда не бывает безоблачно, на Ясельной площади Вифлеема, ставшей живым воплощением туристического китча, можно не особенно опасаться за свою жизнь. Когда я приехал в этот несчастный городок в первый раз, он находился под номинальным контролем палестинской администрации, по преимуществу христианской и связанной с политической династией семьи Фрейдж. Во время моих последующих визитов в Вифлеем там, как правило, стоял строгий

комендантский час, введенный израильскими войсками. Их присутствие на Западном берегу Иордана тоже не в последнюю очередь объясняется верой в небезызвестные древние пророчества, хотя на этот раз речь идет о другом обещании другого бога другому народу. И перечень религий на этом не заканчивается. В последние годы бойцы группировки ХАМАС, которая объявила всю Палестину «вакуфом», священной землей ислама, начали теснить вифлеемских христиан. Один из лидеров ХАМАС, Махмуд аз-Захар, провозгласил, что все жители Палестины будут обязаны следовать законам шариата. Немусульманское население Вифлеема предлагается обложить особым налогом, который «зимми», неверные, платили в Османской империи. Женщинам, работающим в городской администрации, запрещено здороваться за руку с мужчинами. В апреле 2005 года в Секторе Газа девушка по имени Юзра была застрелена за то, что сидела в машине в преступном уединении со своим женихом. Жених отделался жестокими побоями. Вожаки летучего отряда «борьбы с пороком во имя добродетели» оправдали свое зверство «подозрением в безнравственном поведении». По поручению ХАМАС в некогда светской Палестине шайки сексуально неудовлетворенных молодых людей рыщут по припаркованным автомобилям и наказывают «порок» так, как им заблагорассудится.

Я вспоминаю нью-йоркское выступление покойного Аббы Эбана, одного из наиболее виртуозных и вдумчивых государственных деятелей Израиля. Самое поразительное в арабо-израильском конфликте, сказал он, это легкость его решения. Начав с такого интригующего заявления, бывший глава израильского МИДа и представитель Израиля в ООН объяснил, что суть проблемы предельно проста. Два народа, примерно одинаковые по численности, претендуют на один и тот же участок земли. Выход, естественно, в том, чтобы создать на этой земле два государства. Столь очевидное решение вполне по силам человеческому разумению, не правда ли? Так бы и порешили уже десятки лет назад, если бы не раввины, имамы и священники. Священнослужители по обе стороны конфликта с пеной у рта ссылаются на свои божественные откровения, а некоторые христиане, помешанные на видениях Армагеддона, подливают масла в огонь и торопят Апокалипсис (который наступит только после истребления или крещения всех евреев). Общими усилиями они завели дело в тупик и сделали все человечество заложником раздора, среди возможных последствий которого теперь фигурирует атомная война. Религия отравляет все. Она не просто угрожает человеческой цивилизации; она стала угрозой выживанию человека как вида.

Остался Багдад, один из величайших центров мировой науки и культуры. Именно здесь хранили и переводили утраченные труды Аристотеля и других греческих авторов («утраченные», потому что христианские власти часть их сожгли, часть запретили, а также закрыли философские школы, ибо до прихода Христа не могло быть никаких полезных размышлений о нравственности). Позднее эти труды вернулись через Андалузию в невежественную «христианскую» Европу. Багдад славился своими библиотеками, поэтами и архитекторами. Значительная часть этого расцвета пришлась на правление исламских калифов, которые то позволяли, то преследовали науки и искусства, но в Багдаде оставили свой след и христиане (халдеи и несториане), и еврейская диаспора. До конца 1940-х годов Багдад был домом для такого же числа евреев, что и Иерусалим.

Я не собираюсь отстаивать какую-либо позицию относительно свержения Саддама Хусейна в апреле 2003 года. Ограничусь простым замечанием: те, кто считает его режим «светским», обманывают себя. Да, партию Баас основал христианин Мишель Афляк, известный своими симпатиями к фашизму. Да, вступить в партию могли люди любого вероисповедания (хотя что-то мне подсказывает, что евреев в ней было не слишком много). Но, по крайней мере, с момента катастрофического вторжения в Иран в 1979 году, когда иранские теократы объявили

Саддама «неверным», он рядил свое правление (в любом случае основанное на племенном меньшинстве внутри суннитского меньшинства) в одежды набожности и джихада. (Сирийская ветвь Баас, созданная алавитами, другим религиозным меньшинством, напротив, не первый год поддерживает лицемерные связи с иранскими муллами.) Саддам написал на иракском флаге «Аллах Акбар». Он организовал и финансировал гигантский съезд имамов и воинов ислама. Он же поддерживал теснейшие связи с другим государственным спонсором — правительством Судана, виновном в геноциде собственного народа. Он построил крупнейшую мечеть в регионе, дал ей имя «Мать всех битв» и поместил в нее копию Корана, которую, по собственному утверждению, написал своей кровью. Развязывая геноцид против (преимущественно суннитского) населения Курдистана, Саддам назвал его «Операция Анфаль», ссылаясь тем самым на восьмую суру Корана, где речь идет о грабеже и убийстве неверных с прилагающейся «добычей». Когда силы Международной коалиции перешли иракскую границу, армия Саддама таяла перед ними, как сахар в горячем чае, но вооруженная группировка под названием «Федаины Саддама», подкрепленная приезжими джихадистами, оказала ожесточенное сопротивление. В ее задачи входила казнь всякого, кто открыто приветствовал западную интервенцию. Вскоре появились общедоступные видеозаписи публичных повешений и отрубавших членов.

Все, пожалуй, согласятся с тем, что народ Ирака пережил немало бед за тридцать пять лет войн и диктатуры, и что режим Саддама не мог бесконечно игнорировать законы мирового сообщества. Все согласятся, что, какие бы нарекания ни вызывал способ смены этого режима, иракское общество заслуживало передышки на восстановление страны и примирение. Но ему не дали ни минуты передышки.

Все знают, что случилось дальше. Сторонники Аль-Каиды под предводительством иорданского уголовника Абу Мусаба аль-Заркави принялись за расправы и саботаж. Они убивали светских журналистов, учителей и женщин с непокрытыми волосами. Они подкладывали бомбы в христианские церкви (примерно 2% населения Ирака — христиане) и охотились на христиан, производивших и продававших алкоголь. Они сняли на видео массовый расстрел и перерезанные глотки рабочих из Непала, которых считали индуистами и потому вообще не держали за людей. Но все эти зверства могут показаться более или менее традиционными. Главный удар своей кровавой кампании устрашения люди аль-Заркави направили на братьев по вере, мусульман.

В мечетях и на похоронных процессиях шиитов, традиционно угнетаемого большинства, начали рваться бомбы. Посещение вновь открытых святынь в Карбале и Наджафе могло стоить паломнику жизни. В письме своему лидеру Усаме бен Ладену, Заркави назвал две причины столь кровавой политики. Во-первых, объяснил он, шииты суть еретики, отвергнувшие единственно верный салафистский путь праведности. Это делает их законной добычей для истинно правоверных. Во-вторых, если в Ираке удастся разжечь религиозную войну, планы западных «крестоносцев» пойдут прахом. Заркави явно рассчитывал спровоцировать шиитов на ответную жестокость в отношении суннитов, на помощь которым тут же подоспели бы «защитники» из Аль-Каиды. Увы, несмотря на благородные попытки великого шиитского аятоллы Систани призвать единоверцев к сдержанности, ответная реакция не заставила себя ждать. Очень скоро банды шиитских палачей, часто одетых в полицейскую форму, уже убивали и пытали подвернувшихся суннитов. Было трудно не заметить ползучее влияние соседней «Исламской республики» Иран: в некоторых шиитских районах тоже начались нападения на женщин без хиджаба и неверующих. На протяжении столетий в Ираке нормой были смешанные браки и сотрудничество между религиозными общинами. Хватило нескольких лет взаимных зверств, чтобы погрузить страну в атмосферу несчастья, недоверия, вражды и сектантской

политики. В очередной раз религия отравила все.

В каждом из описанных мною случаев были и те, кто протестовал от имени религии, кто пытался преградить путь лавине фанатизма и смерти. Я могу припомнить несколько священников, имамов и раввинов, которые ставят человечность выше своих сект и догм. В истории можно найти немало подобных примеров, и я еще вернусь к ним. В этом, однако, заслуга гуманизма, а не религии. Если уж на то пошло, и я, и многие другие атеисты поднимали голос в защиту католиков, притесняемых в Ирландии, боснийских мусульман, истребляемых на христианских Балканах, иракских и афганских шиитов, которых предавали мечу суннитские воины джихада (и наоборот), а также во время других бесчисленных конфликтов подобного рода. Выразить свое возмущение в таких случаях — элементарная обязанность любого уважающего себя человека. Отвращение вызывает повсеместное нежелание религиозных авторитетов (будь то Ватикан в случае хорватских католиков или власти Ирана и Саудовской Аравии в случае шиитов и суннитов соответственно) недвусмысленно осуждать религиозные зверства. Столь же отвратительна готовность каждой «паствы» отвечать пещерной жестокостью на малейшую провокацию.

Нет, господин Прагер, до сих пор я не находил разумным искать защиты у тех, кто возвращается с молитвенного собрания. И это, не забывайте, только самое начало алфавита. Во всех этих случаях каждому, кого заботит безопасность и человеческое достоинство, остается только истово надеяться на массовую эпидемию демократической и республиканской секуляризации.

Чтобы увидеть религиозный яд в действии, я мог бы и не путешествовать по экзотическим городам. Еще задолго до 11 сентября 2001 года я чувствовал, что религия начинает новое наступление на гражданское общество. Когда я не выступаю в роли зарубежного корреспондента-любителя, я веду довольно спокойную и размеренную жизнь: пишу книги и эссе, учу своих студентов любить английскую литературу, езжу на приятные конференции, где собираются профессора и писатели, принимаю участие в академических и литературных спорах, о которых на завтра уже никто не помнит. Но даже в мою книжную жизнь прорываются возмутительные оскорбления и угрозы. 14 февраля 1989 года мой друг Салман Рушди был приговорен одновременно к смерти и к пожизненному заключению — за то, что написал роман. Говоря точнее, глава иностранной теократии, иранский Аятолла Хомейни, лично пообещал денежное вознаграждение за убийство писателя и гражданина другого государства. Тем, кто был готов привести в исполнение ряд проплаченных убийств (приговор распространялся на «всех так или иначе вовлеченных в процесс издания» «Сатанинских стихов») посулили не только мзду, но и прямую дорогу в райские кущи. Трудно представить более чудовищное нарушение свободы слова. Аятолла не читал и, скорее всего, не мог прочитать книгу Рушди, и, в любом случае, запретил читать ее всем остальным. При этом ему удалось поднять волну отвратительных демонстраций в Великобритании и по всему миру, во время которых мусульмане жгли роман и вопили о геенне огненной для автора.

Разумеется, причины этого инцидента — леденящего кровь и в то же время гротескного — лежали в «реальном» мире. Аятолла отправил на смерть сотни тысяч молодых иранцев, пытаясь затянуть войну, начатую Саддамом Хусейном, и подать ее как победу своей реакционной идеологии. В конце концов, ему пришлось смириться с реальностью и подписать ту самую резолюцию ООН о прекращении огня, про которую он говорил, что скорее выпьет яду, чем подпишет. Иными словами, ему срочно требовалась «проблема». Группа исламских реакционеров в марионеточном парламенте, организованном режимом апартеида, к тому моменту уже объявила, что Рушди будет убит, если приедет на книжную ярмарку в Южной Африке. Фундаменталисты в Пакистане уже устроили уличное кровопролитие. Хомейни не мог

никому позволить обставить его по части религиозного фанатизма.

Стоит пояснить, что пророку Мухаммеду приписывают ряд высказываний, которые плохо совмещаются с исламским вероучением. Толкователи Корана попытались решить квадратуру круга, предположив, что в этих случаях пророк вместо гласа Божьего случайно прислушался к нашептываниям Сатаны. Эта уловка, вполне достойная самых изворотливых схоластов христианского Средневековья, — для писателя настоящий подарок, позволяющий исследовать связь между священными писаниями и литературой. Однако буквалисты не способны понять иронию и всегда видят в ней угрозу. Кроме того, Рушди вырос в мусульманской семье и знал Коран, т.е., по сути, являлся отступником. «Отступничество» же, согласно Корану, карается смертью. Ни у кого нет права менять религию, и все религиозные государства неизменно предусматривают суровые наказания для тех, кто забывает об этом.

Религиозные зондеркоманды под опекой иранских посольств совершили несколько покушений на Рушди. Итальянский и японский переводчики его книги подверглись нападению; одного из них зверски изуродовали перед смертью. Судя по всему, в одном случае убийцы воображали, что переводчик знает местонахождение самого автора. Кто-то может наивно подумать, что террор, бесстыдно спонсируемый государством и направленный против одинокого и безобидного человека, посвятившего жизнь литературе, вызовет всеобщее осуждение. Но этого не случилось. В своих взвешенных заявлениях и Ватикан, и епископ Кентерберийский, и верховный сефардический раввин Израиля выразили дружное сочувствие... аятолле Хомейни. Их примеру последовал католический кардинал Нью-Йорка и множество менее заметных религиозных деятелей. Как правило, они выдавливали из себя несколько слов сожаления по поводу насилия, но тут же отмечали, что главная проблема не в наемных убийцах, а в богохульстве «Сатанинских стихов». Ряд общественных деятелей, не принимавших святых обетов, в частности, писатель-марксист Джон Бергер, историк-консерватор Хью Тревор-Роупер и классик шпионского романа Джон Ле Карре, также заявили, что Рушди напрашивался на неприятности, «оскорбляя» одну из великих монотеистических религий. Они не нашли ничего фантастического в том, что британская полиция вынуждена защищать рожденного в Индии экс-мусульманина от целенаправленной кампании по его истреблению во имя Аллаха.

Сюрреализм этой ситуации ненадолго проник даже в мою тихую гавань. В 1993 году, на День благодарения, Салман Рушди приехал в Вашингтон, чтобы встретиться с президентом Клинтоном, и на пару ночей остановился в моей квартире. Чтобы это произошло, понадобились умопомрачительные меры безопасности, а по окончании визита меня пригласили в Госдепартамент. Там высокопоставленный чиновник сообщил мне, что перехвачены правдоподобные «разговоры» о намерениях отомстить мне и моей семье. Он посоветовал сменить адрес и номер телефона, но я так и не понял, каким образом это поможет избежать возмездия. Тем не менее этот совет напомнил мне о том, что я уже знал. Я не могу сказать:

«Дорогие шииты, пожалуйста, размышляйте о своем сокрытом имаме, а я буду размышлять о Томасе Пейне и Джордже Оруэлле, и нам всем хватит места в этом мире».

Истинно верующий не успокоится, пока весь мир не преклонит колени перед его верой. Неужели не очевидно, скажут вам правоверные, что религия превыше всего, а те, кто не признает ее власти, не имеют права на существование?

Так вышло, что несколько лет спустя внимание мира на эту простую истину обратили те, кто убивал шиитов. Режим талибов был настолько одиозен, что в 1999 году, когда они уничтожали шиитов-хазарейцев, даже Иран рассматривал возможность вторжения в

Афганистан. В приступе чудовищного варварства талибы методично обстреливали и в конце концов разрушили один из величайших памятников человеческой культуры: две гигантские статуи Будды в Бамианской долине, величественные образцы сплава эллинистического стиля и других отголосков афганского прошлого. Однако, несмотря на явно доисламское происхождение, статуи одним своим присутствием оскорбляли талибов и визитеров из Аль-Каиды. Щебенка, оставшаяся от бамианских будд, предвосхитила уничтожение двух других строений-близнецов (а также почти трех тысяч человек) в центре Манхэттена осенью 2001 года.

У каждого есть история про одиннадцатое сентября. О своей скажу лишь, что среди тех, чей самолет обрушили на Пентагон, была одна моя знакомая. Она успела позвонить мужу и описать внешность и действия своих убийц (и узнать от него, что это не обычный угон самолета, и что ее ждет смерть). С крыши моего дома в Вашингтоне я видел дым, поднимавшийся на той стороне реки. С тех пор я не могу пройти мимо Капитолия или Белого дома, не вспомнив о том, что могло бы случиться, если бы не храбрость и находчивость пассажиров четвертого самолета, сумевших оборвать полет над Пенсильванией, за двадцать минут до цели.

Что ж, позднее написал я Деннису Прагеру, вот вам и ответ на ваш вопрос. Девятнадцать террористов-самоубийц, вне всякого сомнения, были самыми истовыми верующими среди всех, кто находился на борту самолетов, упавших в Нью-Йорке, Вашингтоне и Пенсильвании. Может, это немного поумерит пыл тех, кто твердит нам о моральном превосходстве «людей веры». А какие выводы мы должны сделать из ликования и восторженной пропаганды, которыми исламский мир встретил этот богоугодный подвиг? Тем временем министр юстиции США по имени Джон Эшкрофт заявил, что у Америки «нет царя, кроме Иисуса» (он сказал ровно на два слова больше, чем нужно). Президент тем временем собирался отдать малоимущих американцев на попечение организаций, «основанных на вере». Тут-то бы, казалось, и вспомнить о свете разума, и встать на защиту светского государства и свободы слова.

Разочарование было и остается горьким. Уже через несколько часов после падения самолетов «преподобные» Пэт Робертсон и Джерри Фолуэлл объявили, что расправа над их соотечественниками есть не что иное, как божья кара, отмеренная светскому обществу, позволяющему гомосексуализм и аборт. На панихиде по жертвам, которая проходила в прекраснейшем Национальном соборе Вашингтона, слово предоставили Билли Грэму. Одного приспособленчества и антисемитизма у этого человека хватит на национальный позор средних размеров. В своей абсурдной проповеди он утверждал, что все погибшие ныне в раю и не вернулись бы к нам, даже если бы могли. Я говорю «абсурдной», поскольку даже при самом снисходительном подсчете среди жертв Аль-Каиды наверняка нашлось бы немало грешников. Кроме того, нет никаких оснований полагать, что Билли Грэму было известно местонахождение их душ, не говоря уже об их посмертных желаниях. А главное, от уверенности, с которой он говорил о делах в раю, бежал мороз по коже. С такой же уверенностью о райских кущах для убийц говорил Усама бен Ладен.

В период между изгнанием талибов и свержением Саддама Хусейна положение только ухудшилось. Генерал Уильям Бойкин, высокопоставленный военный чиновник, объявил, что во время провальной операции в Сомали ему было ниспослано видение. Оказывается, аэрофотосъемка обнаружила на территории Могадишу лик самого Сатаны, но это лишь укрепило уверенность генерала, что его бог сильнее злобного божества противника. Стало известно, что «заново родившиеся» во Христе кадеты военно-воздушной академии в Колорадо безнаказанно измываются над сокурсниками-евреями и агностиками под предлогом того, что только принявшие Христа годны к воинской службе. Заместитель директора академии рассылал электронную почту с пропагандой национального дня (христианской) молитвы. Стоило

капеллану Мелинде Мортон пожаловаться на это мракобесие, как ее перевели от греха подальше на базу в Японии. В то же время обстановку усугубил и ложно понятый культурный плюрализм, в результате которого, в частности, по американским тюрьмам начали распространять дешевые саудовские издания Корана. Эти ваххабитские переводы обошли оригинал по части проповеди священной войны против христиан, евреев и неверующих. Наблюдать за этим было равносильно присутствию при самоубийстве цивилизации — своего рода эвтаназии, в которой с радостью участвовали как верующие, так и неверующие.

Кто-то должен был немедленно указать на то, что все это тянет на обвинения не просто в безнравственности и непрофессионализме, но, скажем прямо, в антиамериканизме и нарушении Конституции. Джеймс Мэдисон, автор Первой поправки к Конституции (той, что запрещает любое законодательное закрепление религии), также был одним из авторов Статьи четвертой, где недвусмысленно говорится, что «принадлежность к какой-либо религии не может быть условием для отправления какой-либо государственной должности или общественной обязанности». Из его «Пояснительных записок» очевидно, что он был против участия капелланов как таковых и в вооруженных силах, и на открытии заседаний Конгресса. «Введение должности капеллана в Конгрессе есть явное отступление от равенства религий пред законом, а также от конституционных принципов». Относительно присутствия священников в армии Мэдисон писал:

«Цель сего нововведения желанна, а мотивы, к нему побуждающие, достойны похвалы. Но не надежней ли следовать верному принципу, полагаясь на его благотворность, нежели дозволить благими посылками склонить себя к принципу неверному? Взгляните на армии и флотилии мира и ответьте: духовные ли нужды паствы блюдут их священнослужители, или же заботятся о земном интересе пастыря?»

Тот, кто вздумает цитировать Мэдисона в наши дни, рискует прослыть радикалом или безумцем. Однако без него и без Томаса Джефферсона, соавторов «Виргинского статута о свободе вероисповедания», США так и остались бы страной, где одни штаты запрещали занимать государственные должности евреям, другие — католикам, а Мэриленд — протестантам (в том же Мэриленде «богохульная речь о Святой Троице» была наказуема пытками, клеймением, а на третий раз — «смертью без исповеди»). Без Мэдисона «протестантство», возможно, и поныне оставалось бы официальной религией Джорджии — какой бы из многочисленных лютеранских гибридов при этом ни имелся в виду.

По мере того, как дискуссия вокруг войны в Ираке становилась все более ожесточенной, с церковных кафедр потекли реки форменного вздора. Большинство священников выступали против свержения Саддама Хусейна, а папа запятнал себя личным приглашением военного преступника Тарика Азиза — человека, на совести которого санкционированное государством убийство детей. Азиза, как «своего» католика в верхушке правящей фашистской партии, не только тепло приняли в Ватикане (таких приемов фашисты удостаивались и прежде), но и отвезли в Ассизи для персональной молитвы у гробницы Святого Франциска, который, как известно, читал проповеди птичкам. Тарик Азиз, должно быть, не уставал поражаться, как замечательно все складывается.

На другом конце конфессионального спектра некоторые американские евангелисты с воодушевлением голосили о победе над исламским миром во имя Иисуса. (Говорю «некоторые», потому что одна секта фундаменталистов взяла в привычку пикетировать похороны американских солдат, погибших в Ираке, и твердить, что их смерть — это божья кара

за американских гомосексуалистов. На одном особенно человечном плакате, которым они размахивают на глазах у скорбящих, написано:

«Слава Богу за самодельную взрывчатку».

Такой взрывчаткой исламские фашисты, столь же люто ненавидящие гомосексуалистов, минируют дороги. Не мне решать, какая из двух теологий верна, но, по-моему, шансы у них примерно одинаковые). Под словами Чарлза Стэнли, чьи воскресные проповеди в Первой баптистской церкви Атланты смотрят миллионы телезрителей, мог бы подписаться любой имам:

«Мы должны сделать все возможное для победы в этой войне. Бог против тех, кто не на его стороне, кто объявил войну ему и его пастве».

«Бэптист-пресс», информационная служба Чарлза Стэнли, опубликовала статью, в которой некий миссионер ликует по поводу того, что «американская внешняя политика и военная мощь возвращают Благую весть на землю Авраама, Исаака и Иакова». Тим ЛаХэй решил пойти еще дальше. Известный, прежде всего, как соавтор серии дешевых бестселлеров «Оставленные», готовящих среднего американца к «вознесению» и Армагеддону, ЛаХэй объявил Ирак «центром событий конца света». Другие библейские энтузиасты пытались найти сходство между Саддамом Хусейном и злым вавилонским царем Навуходоносором. Сам Саддам, вероятно, был бы доволен такой аналогией, учитывая, что он восстановил городскую стену Вавилона из кирпичей, на каждом из которых было написано его имя. Таким образом, вместо рациональной дискуссии о том, как лучше сдержать и нейтрализовать фанатиков, восторжествовал порочный круг религиозной паранойи: воины джихада вызвали из могилы кровавый призрак крестоносцев.

В этом отношении религия сродни расизму. Одна ее разновидность вдохновляет и провоцирует другую. В надежде вытащить на свет мои скрытые предрассудки меня как-то попросили (чуть более настойчиво, чем Деннис Прагер) представить такую ситуацию: Нью-Йорк, станция метро, поздний вечер, на платформе ни души. Внезапно появляется десяток чернокожих мужчин. Останусь ли я на своем месте или направлюсь к выходу? И опять я ответил, что уже был в такой ситуации. Я ждал поезда на ночной платформе, и мое одиночество внезапно нарушила группа ремонтных рабочих, выходивших из тоннеля с инструментами в руках. Все они были чернокожими. Мне тут же стало спокойней, и я пошел им навстречу. Религиозные взгляды тех рабочих мне неизвестны. Но во всех остальных случаях, о которых говорилось в этой главе, религия многократно усугубила межплеменное недоверие и ненависть мракобесием и ханжеством. Христиане едят богомерзкую свинину и заодно с евреями хлещут ядовитый алкоголь. Буддисты и мусульмане Шри-Ланки обвиняли христиан в том, что в конце 2004 года те накликали цунами своими рождественскими возлияниями. Католики живут в грязи и рожают слишком много детей. Мусульмане плодятся, как кролики, и подтираются не той рукой. У евреев вши в бороде, а маца у них заправлена кровью христианских младенцев. И так до бесконечности.

Глава третья

Немного о свиньях, или «Почему бог так не любит ветчину»

Все религии любят диктовать верующим правила питания. Католикам прежде полагалось есть рыбу по пятницам. Индусы чтят и берегут коров (индийское правительство даже предлагало вывезти и взять под свою защиту весь скот, который европейцы собирались забить во время вспышки губчатой энцефалопатии, или «коровьего бешенства», в 1990-е годы). Некоторые восточные культы запрещают употреблять в пищу плоть животных вообще, равно как и причинять вред любому живому существу, будь то крыса или блоха. Однако древнейший и самый живучий предрассудок — отвращение к свиньям, местами переходящее в ужас. Впервые оно возникло в доисторической Иудее и много веков оставалось, наряду с обрезанием, отличительной особенностью евреев.

Несмотря на то, что сура 5.60 приговаривает всех неверных вообще и евреев в частности к превращению в свиней и обезьян (животрепещущая тема в современном салафизме), а мясо свиньи описывается в Коране как нечистое, если не «мерзостное», мусульмане, похоже, не видят никакой иронии в принятии однозначно еврейского табу. Во всем исламском мире свинина вызывает неподдельный ужас. Яркий пример — до сих пор не снятый запрет на «Скотный двор» Джорджа Оруэлла: исламские дети лишены возможности читать одну из самых прелестных и поучительных притч современности. Арабские министерства образования, чьи циркуляры мне довелось видеть, в своей непроходимой тупости даже не замечают, что свиньям в книге отведена роль зловещих диктаторов.

После неудачной попытки сделать карьеру мелкого фермера Оруэлл и в самом деле не любил свиней. Его отвращение часто разделяют вполне взрослые люди, которым приходилось работать на свиноферме. Запертые в тесных свинарниках, свиньи ведут себя, так сказать, по-свински и устраивают потасовки, шумные и омерзительные. Бывает, они пожирают своих поросят или даже собственные испражнения, а их пристрастие к беспорядочному спариванию не для щепетильных наблюдателей. В то же время хорошо известно: если свиньям отвести достаточно места и оставить их в покое, они держат себя в чистоте, устраивают себе уютные лежанки, заводят семьи и образуют сообщества. Кроме того, свиньи сообразительны, а масса мозга в пропорции к массе тела у них почти такая же, как у дельфинов. Способность свиней приспособливаться к окружающей среде поразительна: сравните кабанов и «диких свиней» с апатичными мясными хряками и резвыми поросятами, которых мы обычно представляем при слове «свинья». Но для пугливых мира сего раздвоенное копытце стало символом нечистой силы, и догадаться, кто появился раньше — дьявол или свинья, — по-моему, не представляет особой трудности. Гадать же, зачем творец всего сущего сначала придумал столь разносторонних тварей, а затем повелел своему более мозговитому млекопитающему творению под страхом вечной кары держаться от них подальше, — скучнейшее и довольно идиотское занятие. Тем не менее немало в целом разумных людей верят, что бог ненавидит ветчину.

Надеюсь, вы уже догадались, что как бы там ни было, эти прекрасные животные относятся к числу наших ближайших родственников. В их генетическом коде много общего с нашим, и в последние годы кожу, сердечные клапаны и почки свиней успешно пересаживают людям. Если бы (хотя я истово надеюсь, что этого не случится) современный доктор Моро сумел извратить последние достижения в клонировании и скрестить человека с животным, многие опасаются, что наиболее вероятным результатом был бы «свиночеловек». Почти все в свинье приносит нам пользу: от ее вкусного и питательного мяса до дубленой шкуры, идущей на кожу, и щетины для щеток. В «Джунглях», откровенном романе Эптона Синклера о скотобойне в Чикаго, есть

леденящий душу отрывок о том, как кричащих свиней поднимают на крюках и вспарывают им горло. Даже самые закаленные работники с самыми крепкими нервами не остаются безучастными. Есть что-то в этом крике...

Можно еще добавить, что дети, если не отдавать их на растерзание муллам и раввинам, тянутся к свиньям, особенно к пороссятам, а пожарные, как правило, не любят жареную свинину. Жареную человечину в Новой Гвинее и некоторых других местах варварски называли «длинной свиньей»; мне не доводилось дегустировать этот продукт, но говорят, что в жареном виде мы действительно сильно напоминаем свинину.

Все эти факты демонстрируют вздорность бытующих «светских» объяснений древнего еврейского запрета. Утверждается, что первоначально табу носило рациональный характер, поскольку в жарком климате свинина быстро протухает, и в ней заводятся черви-трихинеллы. Этот аргумент (возможно, справедливый в отношении некошерных моллюсков) на практике оказывается нелепицей. Во-первых, трихинеллез встречается в любом климате и, если уж на то пошло, более распространен на севере, чем на юге. Во-вторых, археологи легко отличают древние еврейские поселения в Ханаане от поселений других племен по отсутствию свиных костей среди отбросов, в противоположность их наличию в отходах других общин. Иными словами, неевреи не болели и не гибли от поедания свинины. (Помимо всего прочего, если бы они действительно умирали по этой причине, богу Моисея не пришлось бы их истреблять при помощи тех, кто свинины не ел.)

Истинная причина, таким образом, должна быть в другом. Я предлагаю свою собственную гипотезу, хотя должен признаться, что не додумался бы до нее без помощи сэра Джеймса Фрейзера и великого Ибн Варрака. Согласно многим древним источникам, семитские племена испытывали к свиньям не только отвращение, но и почтение. Поедание свиной плоти считалось особым событием, порой даже привилегией или ритуалом. (Это безумное смешение священного и дьявольского присутствует во всех религиях во все времена.) Причиной одновременного влечения и отвращения был антропоморфизм: внешний вид свиньи, вкус мяса свиньи, предсмертные крики свиньи, ее очевидная сообразительность, — все это слишком напоминало человека. Таким образом, свинофобия, как и свинофилия, скорее всего, восходит к кошмарным временам человеческих жертвоприношений и даже канныализма; «священные писания» полны более чем прозрачных намеков и на то, и на другое. Ничто дозволенное не становилось бы наказуемым — от гомосексуальности до адюльтера, — если бы инициаторы запрета не испытывали подавленное желание заняться тем же самым. Как сказал Шекспир в «Короле Лире», страж порядка, бичующий шлюху, сгорает от желания совершить с ней то самое преступление, которое карает его плеть.

Так и свинофилия может служить инструментом угнетения. В средневековой Испании, где евреев и мусульман под страхом пыток и смерти обращали в христианство, религиозные власти вполне резонно подозревали, что вера многих новообращенных не была искренней. Одной из причин появления Инквизиции был священный страх перед участием неверных в мессе (во время которой, разумеется, разыгрывался отвратительный фарс поглощения человеческой плоти и крови, а именно тела Христова). Среди обычаев, порожденных этим страхом, было подношение блюда со свиной нарезкой во время официальных и неофициальных мероприятий. Те, кто имел счастливую возможность посетить Испанию или хороший испанский ресторан, сразу узнают традиционный жест гостеприимства: десятки ломтиков свинины, по-разному приготовленной и нарезанной. Но мрачные истоки этого блюда в неустанной охоте на ересь, в пристальных взглядах, ждущих, когда неверные выдадут себя невольным отвращением. В рьяных руках христианских фанатиков даже аппетитный хамон иберико стал орудием пытки.

Сегодня освященный веками идиотизм снова с нами. Ревнителю ислама в Европе требуют,

чтобы «Трех поросят», Мисс Пигги, Пятачка и других героев классических детских книжек убрали подальше от невинных глаз их детей. Кретины джихада с их ампутированным чувством юмора вряд ли слышали об Императрице Блэндингской и неиссякаемом наслаждении, с которым лорд Эмсворт перечитывал несравненный труд г-на Уиффла «Уход за свиньей», но, как только они доберутся до книг Вудхауза, жди неприятностей. Старинная статуя кабана в одном английском дендрарии уже стала объектом безмозглого исламского вандализма.

Этот фетиш, на первый взгляд незначительный, наглядно демонстрирует, насколько религиозная вера и суеверия извращают нашу картину мира. Свиньи так близки к нам и польза от них так многообразна, что слова гуманистов, призывающих отказаться от тесных свиноферм, не разлучать свиноматок с молодняком и не заставлять свиней жить в собственном навозе, звучат вполне убедительно. И если уж на то пошло, рыхлое розовое мясо, производимое на нынешних свинофермах, не вызывает особого аппетита. Однако к отказу от свинины нас могут вести разум и сострадание не только к человеку, но и к родственным ему существам, а не заклятия, родившиеся у костров каменного века, когда люди с радостью совершали гораздо худшие преступления во имя своих богов. «Свиная голова на палке», — говорит нервный, но отважный Ральф облепленному мухами, гноящемуся идолу (сначала убитому, а затем обожествленному), которого создали жестокие, перепуганные мальчишки из «Повелителя мух». «Свиная голова на палке». Он и сам не подозревал, как верны его слова, и насколько он мудрей не только осатанелых мальчишек, но и взрослых.

Глава четвертая

Религия опасна для вашего здоровья

Во времена мрака людей вела религия, ибо в непроглядную ночь слепой — лучший проводник. Он знает пути и тропы лучше любого зрячего. Но в свете дня глупо по-прежнему идти за слепыми старцами.

Генрих Гейне. Gedanken und Einfalle

Осенью 2001 года я оказался в Калькутте вместе с гениальным бразильским фотографом Себастио Сальгадо. Его камера рассказывает о жизни мигрантов, жертв войны и тех, кто тяжким трудом добывает промышленное сырье в лесах, шахтах и каменоломнях. В тот раз он представлял ЮНИСЕФ и вел крестовый поход (в хорошем, переносном смысле) против полиомиелита. Благодаря работе Джонаса Салка и других талантливых и неравнодушных ученых, детей можно прививать от этой кошмарной болезни за символическую стоимость: несколько центов или пенсов, которые стоит введение двух капель вакцины в рот младенца. Прогресс медицины избавил нас от оспы, и многие с уверенностью предсказывали, что для победы над полиомиелитом понадобится не больше года. Казалось, ради этой цели сплотилось все человечество. В нескольких странах — в частности, в Сальвадоре — воюющие стороны заключили перемирие, чтобы не мешать врачам, осуществлявшим вакцинацию. Беднейшие, наиболее отсталые государства нашли ресурсы на то, чтобы донести благую весть до каждой деревни: страшная болезнь больше не будет убивать детей, больше не будет превращать их в несчастных калек. У нас в Вашингтоне, где многие еще боялись выходить из дома после 11 сентября, моя дочь в Хэллоуин бесстрашно ходила от дома к дому, требуя тоненьким голоском пожертвований на ЮНИСЕФ: «Откупись, а то хуже будет!», и каждая пригоршня мелочи в ее кулачке спасала детей, с которыми она никогда не познакомится. У меня было редкое ощущение участия в безусловно добром деле.

Жители Бенгалии, в особенности женщины, проводили вакцинацию с энтузиазмом и изобретательностью. Помню одно собрание, на котором почтенные жительницы Калькутты без тени смущения планировали сотрудничать с городскими проститутками, чтобы довести вакцинацию до самых темных закоулков общества. Приводите своих детей, и без лишних вопросов им дадут проглотить две капли жидкости. Кто-то знал об одном слоне где-то в пригородах и предложил привлечь его к шествию, посвященному вакцинации. Все шло, как надо: один из беднейших городов, одно из беднейших государств мира вот-вот должно было победить страшную болезнь. И в этот момент до нас стали доходить слухи. В некоторых отдаленных районах фанатичные мусульмане поговаривали о том, что капли — часть коварного заговора. Тех, кто принимает зловерное западное лекарство, поразит импотенция и понос (сочетание столь же пугающее, сколь и угнетающее).

Это осложняло дело. Капли нужно было принимать повторно — для усиления и закрепления иммунитета. Горстки непривитых достаточно, чтобы болезнь выжила и снова начала расползаться через прикосновения и питьевую воду. Как и в случае оспы, заразу требуется искоренить целиком и полностью. Уезжая из Калькутты, я гадал, удастся ли Западной Бенгалии уложиться в срок и избавиться от полиомиелита к концу следующего года. В этом случае оставалось только исцелить Афганистан и еще один или два труднодоступных региона, уже разоренных религиозным рвением. Тогда мы могли бы отпраздновать конец вековой тирании еще одной болезни.

В 2005 году я узнал, что случилось в северной Нигерии (Нигерия к тому моменту была в списке стран, временно свободных от полиомиелита). Группа исламских авторитетов издала фетву, в которой вакцинация объявлялась тайной атакой Соединенных Штатов и (что особенно поразительно) ООН против ислама. Прививки, заявили муллы, делают правоверных бесплодными. Вакцинация — умышленный геноцид. Всем предписывалось ни в коем случае не глотать капли и не давать их младенцам. Уже через несколько месяцев полиомиелит вернулся, и вернулся не только в северную Нигерию. Путешествующие нигерийцы довели его до Мекки и вернули в ряд других стран, освобожденных от полиомиелита, включая три африканских государства и далекий Йемен. Булыжник скатился обратно к подножию горы.

Если вы думаете, что это «одиночный» случай, вы заблуждаетесь. Могу предложить вам посмотреть видеозапись того, как кардинал Альфонсо Лопес де Трухильо, председатель Папского совета по делам семьи, тщательно разъясняет своей аудитории, что все презервативы тайно производятся с микроскопическими дырочками, сквозь которые проникает вирус СПИДа. Закройте глаза и спросите себя: что еще можно сказать, чтобы причинить максимум страданий минимальным количеством слов? Подумайте об ужасных последствиях таких утверждений: резонно предположить, что дырочки пропускают не только СПИД, но и кое-что другое, а если так, то какой смысл пользоваться презервативами? Преступно заявлять такое в Риме, но гораздо более бесчеловечно переводить это на языки бедных стран, в которых свирепствуют болезни. Во время карнавального сезона Рафаэль Льяно Сифуэнтес, помощник епископа Рио-де-Жанейро, сказал в своей проповеди:

«Церковь против использования презервативов. Сексуальные отношения мужчины и женщины должны быть естественными. Я никогда не видел, чтобы собачка надевала презерватив перед половым актом с другой собачкой».

Высокопоставленные церковные чиновники в других странах — кардинал Обандо Браво в Никарагуа, архиепископ Найроби в Кении, кардинал Эммануэль Вамала в Уганде — объясняют своей пастве, что презервативы переносят СПИД. Кардинал Вамала, кроме того, провозгласил святыми великомученицами всех женщин, которые умирают от СПИДа вместо того, чтобы пользоваться изделиями из латекса (хотя стезя великомученицы при этом не должна уводить за пределы законного брака).

Исламское священство ведет себя ничуть не лучше, а иногда и хуже. В 1995 году совет улемов Индонезии потребовал продавать презервативы только семейным парам и только по рецепту. В Иране носителю ВИЧ легко потерять работу, а врачи и больницы имеют право отказать в лечении тем, кто болен СПИДом. В 2005 году чиновник пакистанской «Программы по борьбе со СПИДом» заявил в интервью журналу *Foreign Policy*, что, благодаря «исламу и высокой общественной морали», в Пакистане проблема стоит не так остро. И это, заметьте, в стране, где уголовное законодательство позволяет приговорить женщину к групповому изнасилованию за преступление, совершенное ее братом (таким образом искупается «позор»). Перед нами старый как мир религиозный коктейль из подавления и замалчивания: о СПИДе непозволительно говорить вслух, потому что в Коране уже все сказано о том, как бороться с добрачными половыми отношениями, супружеской неверностью и проституцией. Даже недолгое пребывание, скажем, в Иране убедит любого, что это не так. Наибольшую выгоду от лицемерия получают сами муллы, выдающие лицензии на «временное супружество», т.е. брачные свидетельства на несколько часов, иногда в специально отведенных домах, с готовым свидетельством о разводе, как только дело сделано. Не правда ли, чем-то напоминает проституцию? В последний раз такую выгодную сделку мне предлагали прямо у безобразного

мавзолея аятоллы Хомейни на юге Тегерана. Однако женщины в платках и бурках, заразившиеся вирусом от своих мужей, должны умирать молча. Вне всякого сомнения, в результате этого мракобесия погибнут еще миллионы ни в чем не повинных людей.

Миллионы мучительных смертей, которых можно было избежать.

Отношение религии к медицине, как и отношение религии к науке, всегда характеризуется закономерной неприязнью и очень часто — закономерной враждебностью. Современный верующий может говорить и даже верить, что его религия вполне совместима с наукой и медициной, но неудобная правда заключается в том, что и наука, и медицина нередко нарушают монополию религии, встречая при этом ожесточенное сопротивление. Что будет с шаманами и знахарями, когда последний бедняк увидит, как эффективно действуют лекарства и операции безо всяких заклятий и церемоний? Примерно то же самое случается с заклинателем дождя, когда приходит климатолог, или с толкователем небесных знамений, когда в школах появляются первые примитивные телескопы. Когда чуму считали божьей карой, она немало способствовала укреплению власти священства и сожжению еретиков и неверных, которые, согласно еще одной версии, сеяли болезнь при помощи колдовства или же отравляли колодцы.

Еще можно как-то понять, почему массовые припадки глупости и жестокости случались раньше, когда человечество не знало, что причина инфекционных заболеваний в микроорганизмах. Большинство «чудес» Нового Завета связаны с исцелением, имевшим особое значение в эпоху, когда даже легкое заболевание нередко означало смертный приговор. (Сам святой Августин говорил, что не принял бы христианство, если бы не чудеса.) Дэниел Деннетт и другие научные критики религии великодушно признают, что на первый взгляд бесполезное лечение даже могло способствовать выздоровлению. Бодрость духа, как известно, неоценимый помощник в борьбе тела с ранами и болезнями. Но такое оправдание возможно только задним числом. Как только Эдвард Дженнер обнаружил, что прививка коровьей оспы помогает избежать оспы человеческой, это оправдание стало неприемлемым. И все же Тимоти Дуайт, ректор Йельского университета, по сей день почитаемый, как один из главных «духовников» Америки, был противником прививок против оспы, ибо считал их вмешательством в божий замысел. Такой склад мышления процветает и сейчас, хотя невежество, что его породило и оправдывало, осталось в далеком прошлом.

Аналогия с собаками, которую привел архиепископ Рио-де-Жанейро, любопытна и наводит на размышления. Собаки действительно не утруждают себя использованием презервативов, и кто мы такие, чтобы ставить под сомнение их верность «природе»? Во время недавнего раскола в Англиканской церкви в связи с разногласиями по поводу рукоположения гомосексуалистов несколько епископов скудоумно заявили, что гомосексуализм «противоестествен», потому что не встречается у других видов животных. Оставим в стороне фундаментальную нелепость этого аргумента: являются ли люди частью «природы»? А те из них, кому выпало быть гомосексуалистами, — сотворены ли они по образу и подобию божьему? Оставим в стороне тот многократно засвидетельствованный факт, что бесчисленные виды птиц, млекопитающих и приматов на самом деле демонстрируют гомосексуальное поведение. Кто дал святошам право интерпретировать природу? Они показали свою полную неспособность в этом деле. Презерватив — это необходимое, хотя и не достаточное условие для того, чтобы не заразиться СПИДом, не больше и не меньше. На этом сходятся все специалисты, включая тех, кто считает, что воздержание еще лучше. Гомосексуализм встречается во всех человеческих сообществах, и, судя по всему, является частью человеческой «природы». Эти факты должны быть приняты такими, какие они есть. Мы знаем теперь, что разносчиками бубонной чумы были не грех и распутство, а крысы и блохи. Во время знаменитой «Черной смерти» в Лондоне в 1665 году архиепископ Ланселот Эндрюс обескураженно заметил, что болезнь одинаково поражает и тех,

кто молится, и тех, кто не молится. Он и не подозревал, на какое опасное расстояние подошел к истине.

Пока я писал эту главу, в Вашингтоне разразился скандал. Давно известно, что вирус папилломы человека (ВПЧ) передается половым путем и, в худшем случае, может привести к раку шейки матки. Существует вакцина (в наши дни разработка вакцин занимает все меньше времени), которая не излечивает само заболевание, но обеспечивает женщин иммунитетом против него. Однако в нынешней^[4] администрации есть силы, выступающие против массового применения этой вакцины на том основании, что она снимает потенциальное препятствие для доброго секса. И с нравственной, и с интеллектуальной точки зрения, отказаться от предупреждения рака шейки матки во имя Господа Бога все равно, что резать женщин на каменном жертвеннике и благодарить божество за то, что оно сначала наделило нас половым инстинктом, а затем прокляло его.

Мы не знаем, сколько людей в Африке уже умерли или еще умрут от вируса СПИДа, который был оперативно выявлен и стал поддаваться лечению благодаря самоотверженному труду ученых-медиков. В то же время нам хорошо известно, что секс с девственницей — одно из любимых местных «целебных средств» — не может ни предотвратить, ни изгнать болезнь. Мы также знаем, что презервативы как минимум способствуют профилактике болезни и сдерживанию эпидемии. Что бы ни говорили первые миссионеры, сейчас наша проблема не в колдунах и дикарях, которые отказываются от миссионерских даров. Наша проблема в правительстве президента Буша. В светской республике, в XXI веке, оно отказывает зарубежным благотворительным организациям и клиникам в финансовой помощи, если те предоставляют населению информацию о противозачаточных средствах. Как минимум две мировые религии, имеющие миллионы последователей в Африке, учат, что лекарство гораздо хуже самой болезни. Кроме того, в эпидемии СПИДа они видят своеобразный приговор небес сексуальным отклонениям, прежде всего гомосексуальности. Один взмах могущественной бритвы Оккама уничтожает эту несуразную дикость: гомосексуальные женщины не только не болеют СПИДом (конечно, если им не переливают зараженную кровь и не делают уколов зараженными шприцами), но и вообще гораздо меньше подвержены любым венерическим заболеваниям. Тем не менее священство упорно отказывается вести честный разговор даже о существовании лесбиянок. Это лишний раз показывает, что религия по-прежнему представляет прямую угрозу здоровью людей.

Представьте себе следующую ситуацию. Меня, мужчину пятидесяти семи лет, застанут за сосанием пениса новорожденного мальчика. Представьте свое негодование и отвращение. У меня, впрочем, есть объяснение, к которому не придерешься. Я моэль: специалист по обрезанию и удалению крайней плоти. Мой авторитет основан на одном древнем тексте, который предписывает мне сжать пенис мальчика, сделать круговой надрез, а в завершение процедуры взять пенис в рот, всосать крайнюю плоть и выплюнуть этот ампутированный клочок мяса вместе с кровью и слюной. Большинство современных евреев отказались от этого негигиеничного ритуала, вызывающего самые неприятные ассоциации, но он до сих пор встречается среди хасидов-фундаменталистов из числа тех, что уповают на восстановление Второго храма в Иерусалиме. Для них примитивный ритуал «мецица» — часть изначального и нерушимого «завета» с богом. В 2005 году стало известно, что 57-летний моэль из Нью-Йорка, выполняя священное отсасывание, заразил нескольких мальчиков генитальным герпесом. По крайней мере двое из них скончались. При обычных обстоятельствах после такой информации департамент здравоохранения запретил бы процедуру, а мэр города недвусмысленно осудил бы ее. Но в столице свободного мира в первом десятилетии XXI века не случилось ни того, ни другого. Мэр Блумберг проигнорировал заключения видных медиков-евреев об опасности

обычая и приказал своим чиновникам из департамента здравоохранения повременить с решением. Самое главное, отметил он, никоим образом не ущемить свободу вероисповедания. Петер Стайнфелс, католик и либеральный «редактор по вопросам религии» в *New York Times*, во время публичной дискуссии сказал мне то же самое.

В том году в Нью-Йорке были выборы, что нередко объясняет подобное поведение. Но аналогичные случаи встречаются снова и снова в других религиозных общинах, в других городах и штатах, в других странах. Во многих районах Африки, населенных анимистами и мусульманами, маленьких девочек подвергают чудовищному обряду женского обрезания. Сначала девочке срезают часть половых губ и клитора (иногда это делается острым камнем), а затем зашивают вход во влагалище грубой нитью, разорвать которую полагается мужу в брачную ночь. Из сострадания и с учетом биологических нужд оставляют небольшое отверстие для выхода менструальной крови. Зловоние, боль, унижение и страдания, к которым приводит эта процедура, не поддаются описанию и неизбежно заканчиваются инфекциями, бесплодием, стыдом и гибелью многих женщин и младенцев при родах. Никакое общество не стало бы мириться с таким преступлением против женщин, а, следовательно, и против собственного выживания, если бы мерзкий обычай не был «священным». Впрочем, и жители Нью-Йорка не позволили бы никому измываться над младенцами, если бы в деле не была замешана религия. Родителей, верящих бредовому учению «христианской науки», привлекают к суду за то, что они отказывают своим детям в экстренной медицинской помощи. Родители, воображающие себя «свидетелями Иеговы», не позволяют делать своим детям переливание крови. Родители-«мормоны», воображающие, что некто Джон Смит услышал глас божий и откопал набор золотых табличек, выдают своих несовершеннолетних дочерей замуж за любимых дядюшек, у которых иногда уже имеются другие жены, постарше. Шиитские фундаменталисты в Ираке снизили возраст половой «зрелости» до девяти лет, следуя завидному примеру «пророка» Мухаммеда и его младшей «жены». В Индии девочек-невест порют, а иногда и сжигают заживо, если их жалкое приданое не удовлетворяет принимающую сторону. Ватикану и его бесчисленным епархиям только за последние десять лет пришлось сознаться в замалчивании настоящей вакханалии надругательства и сексуального насилия над детьми, преимущественно (но отнюдь не только) гомосексуального характера. Заведомых педерастов и садистов укрывали от уголовного преследования и переводили в другие приходы, где они нередко находили еще более богатый выбор невинных, беззащитных жертв. В одной лишь Ирландии, некогда беспрекословной слуге Матери-Церкви, ученики церковных школ, не испытывавшие сексуального насилия, вероятно, оказались в меньшинстве.

Здесь надо отметить, что религия претендует на особое место в защите и воспитании детей. «Горе оскорбившему младенца», говорит старец Зосима в «Братьях Карамазовых». Христос в Новом Завете сообщает нам, что повинному в таком злодеянии лучше было бы оказаться на дне моря, причем с мельничным жерновом на шее. Однако и в теории, и на практике религия использует невинных и беззащитных детей как подопытных кроликов. Пусть богобоязненные взрослые евреи кладут свои кровоточащие пенисы в рот раввину. (Это не противозаконно — по крайней мере, в Нью-Йорке.) Пусть взрослые женщины, боящиеся своего клитора и половых губ, позволяют другим убогим женщинам кромсать их гениталии. Пусть Авраам обещает сыноубийством доказать, что предан Господу и доверяет голосам, раздающимся в его голове. Пусть набожные родители отказываются от медицинской помощи, мучаясь от боли. Пусть — какое мне до этого дело? — священник, давший обет безбрачия, спит с каждым подвернувшимся мужчиной. Пусть конгрегация взрослых, верящих в изгнание бесов поркой, раз в неделю выбирает из своих рядов очередного грешника и до крови охаживает его кнутом. Пусть креационисты просвещают своих коллег во время обеденного перерыва. Но вовлекать во все это

беззащитных детей — низость, которую даже самый убежденный атеист смело может назвать грехом.

Я не претендую на роль эталона нравственности. Взбреди мне такое в голову, меня бы тут же поставили на место. Но если бы меня заподозрили в том, что я насилую или мучил ребенка, или заразил ребенка венерическим заболеванием, или продал ребенка в сексуальное или иное рабство, я, возможно, покончил бы с собой независимо от истинности обвинения. Если бы я на самом деле совершил такое преступление, я был бы только рад расстаться с жизнью — любым возможным способом. Мое естественное отвращение разделяет любой здоровый человек; прививать его нет необходимости. Религия же умудряется нарушить единственный нравственный постулат, который можно назвать универсальным и абсолютным. Полагаю, напрашиваются три предварительных вывода. Во-первых, религия и церковь придуманы людьми, и этот очевидный факт нельзя игнорировать. Во-вторых, этика и нравственность никак не связаны с верой в бога и не могут основываться на ней. В-третьих, оправдывая свои ритуалы и догмы божественным происхождением, религия не просто находится за пределами нравственности — она противоречит ей. Невежественный психопат или изувер, измывающийся над детьми, должен быть наказан, но, по крайней мере, причину его действий можно понять. Однако души тех, кто мучает детей от имени своего бога, черны по-настоящему, и опасность, исходящая от таких людей, гораздо серьезней.

В психиатрической больнице в Иерусалиме есть палата для тех, кто представляет особую опасность для себя и окружающих. Находящиеся в ней пациенты — жертвы «иерусалимского синдрома». Полицейских и охранников специально обучают выявлять таких больных. Это не всегда легко: их безумие часто прячется за маской блаженного спокойствия. Они прибыли в Иерусалим, чтобы объявить себя мессиями или чтобы провозгласить конец света. С точки зрения толерантности и «плюрализма культур», связь между религиозной верой и психическим расстройством, явно подразумевается, но ни в коем случае не обсуждается. Того, кто убьет своих детей и объявит, что так ему приказал бог, могут признать душевнобольным и потому невиновным, но, тем не менее, изолируют от общества. Того, кто живет в пещере и рассказывает о своих видениях и пророческих снах, возможно, оставят в покое, пока не выяснится, что он замышляет стать вполне реальным террористом-самоубийцей. Тот, кто объявляет себя помазанником божьим и начинает закупать цианид и оружие, а также тащить в постель жен и дочерей своих приверженцев, вызывает чуть больше, чем мимолетную озабоченность. Но если подобные откровения преподносятся в рамках признанной религии, нам полагается принимать их за чистую монету. Наиболее очевидный пример: все три монотеистические религии восхваляют готовность Авраама слушать голоса в своей голове, а затем волоочь собственного сына Исаака в долгий, безумный, жестокий поход. Каприз, который в последнее мгновение останавливает занесенную руку сыноубийцы, при этом именуется божественным милосердием.

Хорошо известно, что взаимодействие между психическим и физическим здоровьем тесно связано с половой функцией и ее нарушениями. Можно ли, в таком случае, назвать случайностью то, что все религии претендуют на право регулировать вопросы секса? Главная пытка, которой верующие издревле подвергают себя, друг друга, а также неверующих, — претензия на монополию в этой сфере. Большинству религий не стоит особых усилий поддерживать запрет на кровосмешение (за исключением немногочисленных культов, которые разрешают или поощряют инцест). Подобно убийству и воровству, оно, как правило, без дополнительных разъяснений вызывает у людей отвращение. Но даже краткий обзор истории религиозного ужаса перед сексом и связанных с ним запретов обнаруживает тревожащее родство между крайней одержимостью и крайним вытеснением. Почти каждый аспект сексуального поведения служил поводом для проклятий, стыда и позора. Мастурбация,

оральный секс, анальный секс, отклонения от «миссионерской позиции» — что ни назови, обнаружишь строжайший запрет. Даже в современной гедонистической Америке законы нескольких штатов определяют все, что не является гетеросексуальным соитием лицом к лицу, как «противоестественные половые сношения».

Такие взгляды напрямую противоречат представлениям о «творении», называть его разумным или нет. Очевидно, что экспериментирование в области секса — часть нашей природы. Не менее очевидно и то, что священники прекрасно знают об этом. Когда Сэмюэл Джонсон составил первый настоящий словарь английского языка, его посетила делегация респектабельных пожилых дам, желавших похвалить его за то, что он не включил в словарь неприличные слова. Ответ Джонсона — как это интересно, что дамы искали в словаре именно такие слова — почти исчерпывает тему. Евреи-ортодоксы принуждают своих женщин совершать ритуальные омовения, чтобы очиститься от менструальной скверны. Мусульмане подвергают прелюбодеев публичной порке. Христиане облизывались, разыскивая на телах женщин приметы колдовства. Мне нет нужды продолжать в том же духе: любой читатель этой книги сам вспомнит какой-нибудь яркий пример или и так поймет, что я имею в виду.

Еще одно убедительное доказательство, что религия — творение человеческое и антропоморфное, заключается в том, что под «человеком» в ней, как правило, понимается исключительно мужчина. Талмуд, древнейшее из до сих пор используемых священных писаний, велит верующему каждый день благодарить бога за то, что не родился женщиной. (И снова возникает настоятельный вопрос: кто, кроме раба, станет благодарить хозяина за поступок, о котором раб совсем не просил?) В Ветхом Завете, как его снисходительно называют христиане, женщину клонируют из ребра мужчины, для его пользы и удовлетворения. В Новом Завете Святой Павел говорит о женщинах со страхом и презрением. По текстам всех религий разлит примитивный страх перед тем, что половина рода человеческого грязна и полна скверны, но при этом представляет собой непреодолимый соблазн. Быть может, этим объясняется истерический культ девственности и Девы Марии, а также ужас перед телом и детородными функциями женщины? Кто-нибудь, возможно, сумеет объяснить религиозную жестокость в сексуальной и прочих сферах без упоминания одержимости идеей воздержания, но только не я. Мне откровенно смешно, когда я читаю Коран, с его бесконечными запретами на секс и извращенными посулами бесконечных оргий на том свете: это все равно, что наблюдать за игрой ребенка в понарошку, только без умиления, которое вызывает детская невинность. Безумные убийцы, устроившие 11 сентября репетицию геноцида, могли польститься на райских девственниц, но еще отвратительней то, что они, подобно слишком многим братьям по джихаду, возможно, и сами были девственниками. Как монахов в былые времена, нынешних фанатиков рано забирают из семей, учат презирать своих матерей и сестер, и взрослыми они становятся, даже ни разу нормально не побеседовав с женщиной, не говоря уже о каких-либо отношениях. Иначе как болезнью это не назовешь. Христианство загнало секс слишком глубоко, чтобы сулить его в раю (вообще, христианству так и не удалось создать привлекательную картину небес), зато оно никогда не скупилось на обещания вечных садистских наказаний для сексуальных отступников, что выдает его фиксацию на сексе почти столь же беспощадно.

В современной литературе существует особый жанр: мемуары людей, испытавших на себе религиозное образование. Благодаря относительно светскому характеру современного общества, некоторые авторы пытаются с юмором писать о том, что им пришлось пережить и во что их учили верить. Однако, в силу очевидных причин, такие книги обычно пишут лишь те, кому хватило стойкости выдержать испытание. Невозможно измерить вред, причиненный десяткам миллионов детей рассказами о том, что от мастурбации слепнут, что наказание за грязные мысли — вечные муки, что последователи других религий, включая их родных, будут гореть в

аду, и что венерические болезни передаются через поцелуи. Так же невозможно измерить вред, причиненный учителями в рясах, которые вбивали эту ложь в детские головы и подкрепляли ее поркой, изнасилованиями и публичными унижениями. Быть может, некоторые из тех, кто «лежит на забытом погосте», сделали мир немного лучше. Но тем, кто проповедовал ненависть, страх и чувство вины, кто искалечил бесчисленные детские жизни, крупно повезло, что ад, которым они пугали детей, был всего лишь одной из их гнусных сказочек, и что их не отправили туда на вечную пытку.

Жестокая, иррациональная, нетерпимая, причастная к расизму, ксенофобии и ханжеству, основанная на невежестве и ненавидящая свободомыслие, презиращая женщин и угнетающая детей — на совести организованной религии немало пятен. К этому списку обвинений можно добавить еще одно. Обязательный элемент коллективного религиозного сознания — предвкушение конца света. Я называю его «предвкушением», ибо говорю не просто об эсхатологическом убеждении, что мир будет разрушен. Я имею в виду тайное или явное желание его разрушения. Быть может, религия догадывается, что ее голословные утверждения не слишком убедительны; быть может, ей не дает покоя собственная жажда власти и богатства на этом свете. В любом случае, религия не перестает твердить об Апокалипсисе и Страшном суде. Этот образ остался неизменным с тех самых пор, когда первые ведуны и шаманы научились предсказывать затмения и использовать свои куцые познания о небесах для устрашения невежд. Обещания конца света тянутся от посланий Святого Павла (который явно думал и надеялся, что дни человечества уже сочтены) и больных фантазий из Откровения Иоанна Богослова (написанного на греческом острове Патмос, и, по крайней мере, своеобразно) до серии развлекательных бестселлеров под названием «Оставленные». «Авторами» серии значатся Тим ЛаХэй и Джерри Дженкинс, но, судя по всему, на самом деле ее все же создали двое орангутангов, которым дали порезвиться с клавиатурой:

Кровь продолжала прибывать. Миллионы птиц слетелись сюда, чтобы полакомиться останками... за городом давили винодельный пресс, и кровь вытекала из-под пресса, и доставала до конских уздечек на тысячу шестьсот фарлонгов вокруг.

Перед нами чистой воды одержимость кровью, сдобренная полуцитатами. В более осмысленной (но едва ли менее прискорбной) форме ее можно встретить у Джулии Уорд Хоу в «Боевом гимне республики», где говорится о том же винодельном прессе, и у Роберта Оппенгеймера во время испытания первой атомной бомбы в Аламагордо, штат Нью-Мексико: «И вот я стал Смерть, разрушитель миров», — пробормотал он тогда слова из «Бхагавад-гиты».

Одна из многих связей между религиозной верой и зловещим, капризным, эгоистичным детством человечества заключается в тайном желании увидеть, как все разлетается вдребезги и идет прахом. Эта жажда разрушения идет в одной связке с двумя другими разновидностями злорадства. Во-первых, истребление других отменяет — или компенсирует — собственную смерть. Во-вторых, всегда можно лелеять эгоистическую надежду на личное спасение, на теплое местечко за пазухой Разрушителя, откуда можно наблюдать муки тех, кому не повезло. Тертуллиан, один из многочисленных отцов церкви, которым не удавались убедительные описания рая, пожалуй, не зря решил подойти к делу с противоположной стороны. Он обещал, что среди острейших загробных наслаждений будет вечное созерцание того, как пытаются грешников. Сыграв на человеческой природе религии, он, сам того не подозревая, вплотную подошел к истине.

Как и в любом другом вопросе, научные представления о конце света впечатляют гораздо сильнее любых проповедей. История космоса началась (насколько здесь вообще уместно

понятие «времени») около двенадцати миллиардов лет назад. (Стоит нам начать неверно использовать идею «времени», и мы докатимся до младенческих вычислений знаменитого Джеймса Ашшера, архиепископа Армагского, который подсчитал, что Земля — заметьте, «Земля», а не космос — появилась на свет в субботу 22 октября 4004 года до Рождества Христова, в шесть часов вечера. На судебных слушаниях в третьем десятилетии XX века эту датировку публично поддержал Уильям Дженнингс Брайан, бывший госсекретарь США, трижды кандидат в президенты от демократической партии.) Истинный возраст Солнца и его планет — только на одной из которых зародилась жизнь, — вероятно, составляет четыре с половиной миллиарда лет и пока уточняется. Нашей микроскопической Солнечной системе суждено гореть еще как минимум столько же: Солнце гарантированно проживет еще пять миллиардов лет. Но погодите закрывать свой календарь. Примерно через пять миллиардов лет Солнце последует примеру миллионов других солнц и взрывообразно раздуется до размеров «красного гиганта», в результате чего на Земле закипят океаны и погибнет всякая жизнь. Никакие пророки, никакие провидцы даже не могли представить ужасные масштабы и неотвратимость этого события. У нас есть, по крайней мере, одна жалкая шкурная причина его не бояться: согласно современным прогнозам, другие и более медленные процессы потепления и разогрева уничтожат биосферу еще раньше. По оценкам самых оптимистичных экспертов, нашему виду не суждена вечная жизнь на этой Земле.

А если так, то какого же презрения, какого недоверия заслуживают те, кому не терпится. Они морочит себя и других — прежде всего, как водится, детей — страшными видениями апокалипсиса и строгого суда, вершить который будет тот же, кто поместил нас в эту безвыходную ситуацию. Мы можем смеяться над забрызганными слюной проповедниками ада, которые упоенно коверкали детские души порнографическими описаниями вечных мук, однако этот феномен возродился в еще более опасной форме, когда правоверные начали присваивать и красть научные достижения. Вот что пишет Первез Худбой, профессор ядерной физики и физики высоких энергий Исламабадского университета в Пакистане, о нездоровом образе мыслей, преобладающем на его родине — в стране, которая одна из первых заложила религию в основу своей государственности:

В ходе публичной дискуссии накануне испытаний пакистанского ядерного оружия, генерал Мирза Аслам Бег, бывший пакистанский главнокомандующий, сказал:

«Мы можем нанести и первый удар, и второй, и даже третий».

Его не заботила перспектива атомной войны.

«Можно погибнуть, переходя улицу, — сказал он, — а можно в атомной войне. Все равно рано или поздно придется умереть».

Индия и Пакистан в значительной степени представляют собой традиционалистские общества, основанные на мировоззрении, требующем покорности и смирения с тем, что сильнее тебя. Фаталистическая вера индуистов в то, что нашу судьбу определяют звезды, и аналогичная вера мусульман в «кисмет», несомненно, являются частью проблемы.

Я могу только согласиться с отважным профессором Худбоем, который помог выявить несколько тайных сторонников Усамы бен Ладена среди чиновников пакистанской ядерной программы, а также разоблачил безумных фанатиков, надеявшихся использовать в военных целях силу мифических «джиннов», или демонов пустыни. В его мире враждующие стороны — индуисты и мусульмане. Однако и в «иудео-христианском» мире есть те, кто не прочь пофантазировать о последней битве, украшая свои грезы грибообразными облаками. Есть

трагическая и потенциально убийственная ирония в том, что люди, более всех презирующие научный метод и свободу познания, способны обворовать науку и пустить ее самые свежие плоды на удовлетворение своих больных фантазий.

Возможно, у каждого из нас есть тайное влечение к смерти или нечто похожее. На рубеже 1999 и 2000 годов немало образованных людей говорили и публиковали несусветную чушь о грядущих потрясениях и драмах. Разговоры эти были ничуть не лучше примитивной нумерологии, а точнее, немного хуже, ибо «2000» — всего лишь число на христианском календаре, и даже самые закоренелые сторонники правдивости библейских историй признают, что если Христос вообще когда-либо родился, то произошло это не раньше 4 г. н.э. Наступление нового тысячелетия было всего лишь лакмусовой бумажкой для выявления идиотов, алчущих дешевого адреналина в рассказах о конце света. Религия, однако, придает таким позывам легитимность. Она не только хочет монополии на воспитание детей в начале жизни, но и считает себя вправе распоряжаться ее финалом. Культ смерти и упорный поиск предвестий конца, вне всякого сомнения, суть плоды затаенного желания увидеть этот конец и избавиться от тревог и сомнений, что всегда подтачивают веру. Когда трясется земля, когда обрушивается цунами, когда вспыхивают башни-близнецы, на лицах и в голосах правоверных мелькает тайное удовлетворение. Торжествуя, они заводят свою песню: «Вот как бывает, когда вы нас не слушаете!» С елейной улыбкой на устах они предлагают спасение, которого у них нет, а в ответ на неудобные вопросы корчат угрожающую физиономию: «Ах так, вы отвергаете наш рай? Что ж, в таком случае у нас для вас найдется совсем другое местечко». Какое человеколюбие! Какая забота о ближнем!

Неприкрытую страсть к уничтожению можно найти в современных хилиастических сектах, которые расписываются в эгоизме и нигилизме, объявляя, сколько именно избранных «спасется» от последней катастрофы. Протестанты-фундаменталисты в этом вопросе мало чем уступают самым шальным мусульманам. В 1844 году случилось одно из крупнейших религиозных «возрождений» в Америке. Возглавлял его полуграмотный безумец по имени Джордж Миллер. Господину Миллеру удалось заселить вершины гор по всей Америке легковверными дураками (распродавшими по дешевке все свое имущество), убедив их, что конец света наступит 22 октября текущего года. Они взобрались на ближайшие возвышенности (чего, интересно, они хотели этим добиться?) или на крыши своих лачуг. Когда светопреставление прошло стороной, Миллер очень характерно отозвался о случившемся: он объявил его «Великим Разочарованием». Уже в наши дни Хал Линдси, автор бестселлера «Последние дни великой планеты», обнаружил аналогичную жажду массового истребления. Его поощряли видные американские консерваторы и приглашали серьезные телепередачи. Воодушевившись, господин Линдси назначил начало «Скорби» — семилетнего периода войн и бедствий — на 1988 год. Сам Армагеддон (заключительная фаза «Скорби»), в таком случае, наступил бы в 1995. Господин Линдси, конечно, шарлатан, но совершенно очевидно, что и он, и его последователи страдают от перманентного разочарования.

К счастью, у нашего вида есть и врожденные антитела к фатализму, самоубийству и мазохизму. Мне вспоминается знаменитая история, случившаяся в пуританском Массачусетсе в конце XVIII века. Во время заседания законодательного собрания штата, посреди бела дня, небо внезапно сделалось свинцовым и затянулось тучами. Грозная тьма, наступившая в полдень, убедила многих законодателей, что событие, занимавшее их дремучие умы, случится с минуты на минуту. Они попросили остановить заседание, чтобы разойтись по домам и умереть. Однако председатель собрания, Авраам Дэйвенпорт, сумел сохранить и спокойствие, и достоинство. «Господа, — сказал он, — либо Судный день наступил, либо нет. Если он не наступил, нам нет нужды стенать и суетиться. Если же наступил, я желаю, чтобы он застал меня при исполнении

моих обязанностей. А посему предлагаю послать за свечами». Слова господина Дэйвенпорта несут на себе печать эпохи, ограниченной и суеверной. И все же я поддерживаю его предложение.

Глава пятая

Нищета религиозной метафизики

Я человек одной книги.

Фома Аквинский

Интеллект мы приносим в жертву Богу.

Игнатий де Лойола

Разум — потаскуха дьявола. Все, на что он способен, это порочить и портить то, что говорит и делает Господь.

Мартин Лютер

*Глядя на звезды, я понял давно:
Будь я хоть в пекле — им все равно.*

Уистен Хью Одэн. Тот, кто любит сильнее

Как я уже писал выше, нам больше не придется спорить с достойной уважения верой Маймонида и Фомы Аквинского (в отличие от бездумной веры в «заповеди» или «последние дни» — ее запасы, похоже, не истощатся никогда). Причина проста. Их вера, способная выдержать хотя бы недолгое испытание разумом, в наше время невозможна. Первые отцы веры (они постарались, чтобы матерей у веры не было) жили в эпоху крайнего невежества и страха. В свой «Путеводитель растерянных» Маймонид не включил людей, на которых, по его мнению, не стоило тратить усилий, а именно «турок», чернокожих и кочевников, чья «природа подобна природе бессловесных тварей». Фома Аквинский полуверил в астрологию и был убежден, что каждый сперматозоид (он, разумеется, не был знаком с этим термином) содержит полностью сформировавшийся зародыш человека. Можно лишь с грустью гадать, скольких бредовых лекций о половом воздержании удалось бы избежать, если бы этот вздор опровергли немного раньше. Августин был эгоцентричным сказочником и геоцентричным невежей: он виновато полагал, что бога заботят какие-то жалкие груши, которые он банально стряс в чужом саду, и был убежден, что Солнце вращается вокруг Земли, центра вселенной. Он же измыслил безумную и жестокую доктрину, согласно которой души некрещеных младенцев отправляются в «лимб». Кто скажет, сколько страданий причинила эта почившая «теория» родителям-католикам за долгие годы своего существования, пока церковь стыдливо и лишь отчасти не отменила ее уже в наши дни? Лютер панически боялся чертей и полагал, что душевнобольные — дело рук дьявола. Мухаммед, по утверждению его последователей, разделял веру Иисуса в то, что пустыня кишит «джиннами», злыми духами.

Скажем прямо. Религия родом из того периода человеческой истории, когда никто — даже великий Демокрит, умозаключивший, что вся материя состоит из атомов, — не имел ни малейшего представления об устройстве мира. Религия родом из нашего младенчества, полного страха и плача. Она была нашей детской попыткой удовлетворить врожденную тягу к знанию (а также потребность в утешении и ободрении и другие детские нужды). Даже наименее образованные из моих детей знают о природе вещей больше, чем кто-либо из основателей

религий, и я склонен думать (пусть такую связь и трудно доказать), что именно по этой причине мои дети не увлекаются изобретением адских мук для своих братьев.

Вот почему любые попытки примирить веру с наукой и разумом заведомо обречены на неудачу и насмешки. К примеру, я читаю про некий экуменический съезд христиан, которые, желая показать широту своих взглядов, пригласили несколько физиков. При этом я невольно вспоминаю, что церкви этих христиан никогда бы не возникли, если бы наши предки не боялись погоды, темноты, чумы, затмений и множества других вещей, которые теперь легко объяснимы. И если бы нашим предкам не пришлось, под страхом жесточайшего возмездия, непомерными налогами и церковными десятинами оплатить величественные религиозные постройки.

Ученые бывают религиозны или, во всяком случае, суеверны. Исаак Ньютон, к примеру, был спиритуалистом и алхимиком самого смехотворного пошиба. Термин «большой взрыв» предложил Фред Хойл, кембриджский астроном и экс-агностик, одержимый идеей «замысла» в природе. (Это нелепое название, кстати говоря, он придумал в попытке дискредитировать ныне общепринятую теорию возникновения вселенной. Подобно «тори», «импрессионистам» и «суфражисткам», «большой взрыв» — уничижительный ярлык, с радостью принятый теми, кого он высмеивал.) Стивен Хокинг не верит в бога; когда его пригласили в Рим на встречу с папой Иоанном Павлом II, он попросил показать ему протоколы суда над Галилеем. Однако он без тени смущения говорит, что у физики есть шанс «познать замыслы Бога», и в наши дни это выглядит вполне безобидной метафорой, вроде «Бог его знает...» в песне «Бич Бойз» или моей собственной речи.

До того, как Чарлз Дарвин в корне изменил наши представления о собственной родословной, а Альберт Эйнштейн — о рождении космоса, хорошим тоном среди ученых и философов были всевозможные формы «деизма». Деисты признавали, что упорядоченность и предсказуемость вселенной свидетельствуют о разумном творце, хотя и не указывают на его участие в людских делах. Для своего времени такой компромисс был и логичен, и рационален. Особую популярность он имел среди таких интеллектуалов Филадельфии и Виргинии, как Бенджамин Франклин и Томас Джефферсон. Они сумели воспользоваться кризисной ситуацией и закрепить ценности эпохи Просвещения в самых первых законах Соединенных Штатов Америки.

Как замечательно сказал святой Павел, младенцу свойственно по-младенчески говорить и по-младенчески мыслить. Но взрослому подобает оставить младенческое. Нельзя сказать с точностью, в какой момент ученые мужи бросили гадать, что вероятнее — мгновенное сотворение мира или долгая извилистая эволюция. Нельзя сказать, когда именно они перестали идти на «деистские» компромиссы. Понемногу взрослеть человечество принялось на рубеже XVIII и XIX столетий. (Чарлз Дарвин родился в 1809 году в один день с Авраамом Линкольном, и совершенно очевидно, кто из них больший «освободитель».) Но если мы, подражая глупому архиепископу Ашшеру, попытаемся назвать день, когда мировоззренческая рулетка раз и навсегда перестала вертеться, то стоит, пожалуй, вспомнить визит Пьера-Симона Лапласа к Наполеону Бонапарту.

Лаплас (1749–1827), блестящий французский ученый, продолжил дело Ньютона. При помощи математических вычислений он доказал, что движение планет Солнечной системы есть систематическое вращение тел в безвоздушном пространстве. Затем, занявшись звездами и туманностями, он выдвинул идею гравитационного коллапса и схлопывания звезд — того, что мы легкомысленно зовем «черной дырой». Все это он изложил в пятитомном труде под названием «Небесная механика». Как и многие современники, он интересовался механическими планетариями, позволявшими впервые увидеть Солнечную систему со стороны. Мы привыкли к таким моделям, но тогда они были настоящим прорывом, и император пожелал встретиться с

Лапласом, чтобы получить от него набор книг или (здесь источники расходятся) механический планетарий. Я подозреваю, что могильщика Французской революции скорее интересовала механическая игрушка, а не книги: он жил в вечной спешке и уже заставил Церковь благословить его диктатуру венчанием на царство. Как бы то ни было, верный своей капризной натуре, а также императорскому сану, он спросил, почему в вычислениях Лапласа не фигурирует бог. И получил ответ — холодный, высокомерный и продуманный:

«Je n'ai pas besoin de cette hypothese».

Лапласу прочили звание маркиза, и он, пожалуй, мог бы выразиться поскромнее:

«Все сходится и так, Ваше Величество».

Однако он просто сказал, что ему не нужна эта гипотеза.

И нам тоже. Упадок и дискредитация религии начались не с драматического жеста, вроде напыщенного заявления Ницше, что бог умер. Ни знать, ни предполагать, что бог когда-то жил, Ницше не мог — так же, как не могут знать божьей воли священник с колдуном. Крах религии назревает постепенно и становится явным, как только она перестает быть обязательной, как только превращается лишь в одно из возможных учений. Никогда не следует забывать, что на протяжении почти всей человеческой истории такого «выбора» просто не было. Всегда оставались сомневающиеся — мы знаем о них из многочисленных фрагментов их обугленных, истлевших записок и признаний. Но участь Сократа, приговоренного к смерти за распространение вредного скептицизма, служила предостережением остальным. Более того, на протяжении тысячелетий миллиарды людей попросту не задавались подобными вопросами. Гаитянские почитатели Барона Субботы обладали такой же монопольной властью и поддерживали ее таким же грубым принуждением, что и приверженцы Жана Кальвина в Женеве или Массачусетсе. Эти примеры я выбрал потому, что они принадлежат истории человечества. Теперь многие религии встречают нас подобострастными улыбочками и распростертыми объятиями, как сладкоречивые торговцы на базаре. Они наперебой предлагают утешение, единение и радость. Но мы вправе помнить, как варварски они вели себя на пике своего могущества, когда отказаться от их предложения было невозможно. Если же мы часом забудем, как это было, достаточно бросить взгляд на те страны, где правила игры по-прежнему диктуют священники. В современном обществе жалкие остатки такого влияния сохранились и в попытках религии контролировать образование, не платить налоги или законодательно запретить оскорбление ее всемогущего и всеведущего божества, а то и его пророка.

В нашу половинчатую, полусветскую эпоху даже верующие нередко стыдятся того времени, когда теологи с фанатичным упорством обсуждали бессмысленные проблемы: точный размах ангельских крыльев или, скажем, сколько ангелов уместится на острие булавы. Разумеется, нельзя вспоминать без ужаса, сколько людей замучено и убито, сколько источников знания предано огню в пустых препирательствах о природе Святой Троицы или исламских хадисах, или о пришествии лжемессии. Однако не стоит грешить релятивизмом — тем, что Эдвард Томпсон назвал «чудовищным высокомерием потомков». Одержимые схоласты Средневековья делали то, что могли сделать в условиях безнадежно скудной информации, неотступного страха смерти и преисподней, крайне низкой продолжительности жизни и неграмотной аудитории. Страшась (часто искренне) последствий ошибки, напрягая свои умы на всю возможную тогда мощь, они разработали диалектический метод и впечатляющие логические системы. Такие люди, как Пьер Абеляр, не виноваты в том, что им приходилось

довольствоваться обрывками Аристотеля. Многие из трудов последнего были утрачены, когда император Юстиниан закрыл философские школы, но их арабские переводы сохранились в Багдаде и затем вернулись в одичавшую христианскую Европу через евреев и мусульман Андалузии. Когда схоласты получили доступ к этим текстам и вынужденно признали, что достойные внимания мысли об этике и нравственности высказывались и до «пришествия» Христа, они приложили все усилия, чтобы совместить несовместимое. Нам мало проку от того, что они думали, но есть немало поучительного в том, как они думали.

Уильям Оккам — один из средневековых философов и теологов, чье наследие по-прежнему актуально. По-видимому, прозванный так в честь своей родной деревни в английском графстве Суррей (ее название с тех пор не изменилось), Оккам родился в неизвестном нам году и умер — вероятно, в ужасе и мучениях и, вероятно, от страшной Черной Смерти — в 1349 году в Мюнхене. Он был францисканцем (иначе говоря, последователем вышеупомянутого млекопитающего, которое, как утверждают, проповедовало птицам) и потому усвоил радикальные взгляды на бедность священства, каковые в 1324 году привели его к столкновению с папским престолом в Авиньоне. Нам не так важна ссора между папой и императором из-за разделения светской и церковной власти (поскольку в конце концов «проиграли» обе стороны), но интересно, что чрезмерное обмирщение самого папы вынудило Оккама искать защиты у императора. Оккама обвинили в ереси и пригрозили отлучить от церкви, но он нашел в себе силы ответить, что еретик не он, а папа. Несмотря на это и благодаря тому, что он никогда не выходил за герметичные рамки христианской системы координат, даже самое консервативное священство признает в Оккаме оригинального и смелого мыслителя.

Его, к примеру, интересовали звезды. О туманностях он знал гораздо меньше, чем мы или даже Лаплас. Точнее, он вообще ничего о них не знал. Однако он использовал их для интересной гипотезы. Допустим, что бог может заставить нас ощущать несуществующие предметы. Допустим далее, что ему нет нужды прибегать к таким ухищрениям, если того же эффекта от нас можно добиться реальным присутствием этих предметов. И все же бог при желании мог бы заставить нас верить в существование звезд, даже если бы их на самом деле не было. «Всякое действие, каковое Бог производит посредством вторичной причины, он может произвести сам». Из этого, однако, не следует, что мы должны верить любым нелепостям, так как «Бог не может наделить нас знанием о несомненном присутствии отсутствующей вещи, ибо это противоречиво». Прежде чем воротить нос от неприкрытой тавтологии этого наблюдения, столь частой в богословии, ознакомьтесь с комментарием отца Коплстона, видного иезуита:

Даже уничтожив звезды, Бог мог бы вызвать в нас акт видения того, что было прежде (по крайней мере, если рассматривать этот акт субъективно), в той же мере, в какой он мог бы послать нам видение будущего. И то, и другое было бы актом непосредственного восприятия: того, что было, и того, что будет.

Наблюдение весьма впечатляющее, причем не только для того времени. Лишь через несколько столетий после Оккама мы поняли, что, глядя на звезды, мы нередко на самом деле видим свет далеких тел, которые уже давно прекратили существовать. И не так уж важно, что Церковь противилась телескопам и обсуждению того, что в них видно; в том нет вины Оккама, а в природе нет закона, обрекающего Церковь на подобный идиотизм. Непредставимое космическое прошлое, свет которого достигает нас через не укладывающиеся в голове расстояния, кое-что рассказало нам о будущем нашей собственной системы, включая скорость ее расширения и неизбежность ее кончины. Что наиболее существенно, мы можем представить все это, даже отказавшись от понятия «бог» (или, если угодно, сохранив его). В обоих случаях,

теория обходится без этого допущения. Можно верить в божественный перводвигатель, но это совершенно ничего не меняет, и потому среди астрономов и физиков религиозная вера стала делом частным и редким.

Оккам сам подготовил наши умы к такому прискорбному (для него) выводу. Он предложил «принцип экономии», широко известный как «лезвие Оккама». Действие лезвия Оккама основано на устранении лишних допущений и принятии первого достаточного объяснения или причины. «Не умножай сущностей без нужды». Этот принцип можно развить. «Все, что объясняется привлечением чего-то отличного от акта понимания, — писал Оккам, — объяснимо без привлечения таковой отдельной сущности». Он не боялся идти за своей логикой, куда бы она ни завела, и предвосхитил эру истинной науки, признав, что природу «сотворенных» вещей возможно постичь безо всякой ссылки на их «творца». Более того, Оккам утверждал: если определять бога как существо, наделенное всемогуществом, совершенством, единичностью и беспредельностью, то строгое доказательство его существования невозможно. Однако мы можем назвать «богом» первопричину существования мира, даже если истинная природа такой первопричины нам неизвестна. Но и с первопричиной не все так просто, поскольку у любой причины должны быть своя причина. «Трудно, если вообще возможно, — писал Оккам, — оспорить философов в том, что может существовать бесконечный регресс причин одного рода, каждая из которых может существовать помимо другой». Таким образом, допущение творца или создателя лишь ставит нас перед тупиковым вопросом о том, кто сотворил творца или создал создателя. От себя добавлю, что ни религия, ни теология, ни теодицея так и не сумели опровергнуть это возражение. Сам Оккам был вынужден бессильно сослаться на то, что бытие божие может быть «доказано» исключительно верой.

«Credo quia absurdum», — сказал «отец церкви» Тертуллиан. «Верую, ибо абсурдно». Обезоруживает вас такая точка зрения или раздражает — серьезно спорить с ней невозможно. Если истинность или существование чего-либо требуется принять на веру, тем самым умаляется и правдоподобие, и ценность предмета веры. Труд, которого требуют размышления и доказательства, приносит несравненно больше удовлетворения. Он подарил нам открытия, гораздо более «чудесные» и «трансцендентные», чем всякое богословие.

Если уж на то пошло, «прыжок веры», как метко окрестил его Сёрен Кьеркегор, — чистой воды надувательство. Как заметил сам Кьеркегор, такой «прыжок» нельзя совершить лишь однажды. Его нужно повторять снова и снова, преодолевая растущую гору опровергающих его доказательств. Этот труд не по силам человеческому разуму и потому ведет к одержимости и психическим расстройствам. Прекрасно понимая, что «прыжок» приносит все более жалкие дивиденды, религия на самом деле и не полагается на «веру», но вместо того извращает веру и оскорбляет разум, предлагая всевозможные доказательства и ссылаясь на состряпанные «факты». Среди этих фактов и доказательств можно найти ссылки на упорядоченность природы, на откровения, наказания и чудеса. Но в наши дни, когда религиозная монополия разрушена, любому человеку по силам увидеть, что все эти доказательства не что иное, как скудоумный вымысел.

Все мое нравственное и интеллектуальное естество проникнуто непоколебимым убеждением: даже самые необычайные явления, доступные нашим чувствам, не могут в своей природе отличаться от других воздействий видимого и осязаемого мира, мыслящей частью которого мы являемся. В мире живых и без того довольно загадок и чудес — загадок и чудес, действующих на наши эмоции и разум столь необъяснимо, что почти верным кажется представление о жизни, как о зачарованном состоянии. О нет, я хорошо знаком с прекрасным, и потому меня ничуть не интересует сверхъестественное. Оно (что бы под ним ни понимали) всего лишь выдумка: порождение умов, бесчувственных к сокровенным тонкостям наших отношений с мертвыми и живыми, в их неисчислимом множестве. Оно оскверняет наши самые заветные воспоминания. Оно оскорбляет наше человеческое достоинство.

Джозеф Конрад. Примечание автора к «Теневой черте»

В самом сердце религии скрыт парадокс. Три великих монотеизма учат нас самоуничижению, ибо все мы несчастные грешники на милости гневливого и ревнивого бога, слепившего нас, в зависимости от источника, то ли из праха и глины, то ли из сгустка крови. Молитвенные позы обычно имитируют поведение холопа в присутствии вспыльчивого монарха. Они демонстрируют вечное подчинение, благодарность и страх. Жизнь — невеселая штука, предназначенная для подготовки к тому свету или (второму) пришествию мессии.

В то же время, словно в порядке компенсации, религия учит крайней самовлюбленности. Она заверяет, что бог лично заботится о каждом человеке. Она утверждает, что космос был создан специально для нас. Этим объясняется надменность на лицах тех, кто верит с показным рвением: вы уж извините мою кротость и смирение, но у меня срочное задание от бога.

Поскольку люди в силу своего естества эгоцентричны, у любого суеверия есть изначальное преимущество. Мы в США всячески стараемся совершенствовать высотные здания и сверхзвуковые авиалайнеры (11 сентября 2001 года убийцы столкнули лбами эти достижения цивилизации), но с упорством, достойным жалости, не делаем в них тринадцатых этажей и тринадцатых рядов. Я знаю, что Пифагор опроверг астрологию простым указанием на то, что у близнецов неодинаковая судьба. Я также знаю, что знаки зодиака были придуманы задолго до открытия нескольких планет нашей системы, и, разумеется, я понимаю, что нельзя «предсказать» мне ни мое ближайшее, ни отдаленное будущее без того, чтобы оно изменилось. Каждый день тысячи людей читают в газетах свои гороскопы, чтобы затем стать жертвами не предсказанных инфарктов или аварий. (Штатный астролог одного лондонского таблоида однажды получил от редактора извещение об увольнении, начинавшееся словами: «Как вы, несомненно, предвидели...».)

Теодор Адорно в своем труде «Minima Moralia» назвал гадание по звездам апофеозом скудоумия. И все же, случайно пробежав глазами гороскоп как-то утром и увидев, что Овнам следует ждать «знаков внимания со стороны особы противоположного пола», я с трудом подавил в себе микроскопический прилив идиотской радости. В моей памяти эта радость

пережила последовавшее разочарование. И стоит ли говорить, что всякий раз, когда я выхожу из квартиры, на горизонте нет ни одного автобуса, а когда я захожу домой, автобус обязательно подъезжает к остановке. В плохом настроении я при этом бурчу «как назло», хотя часть моего маленького — килограмм-полтора — мозга напоминает мне, что график движения общественного транспорта в Вашингтоне составлялся без учета моих передвижений. (Замечу на всякий случай: если в день выхода этой книги меня собьет автобус, обязательно найдутся люди, которые скажут, что это произошло неслучайно.)

Так почему бы мне не уступить искушению, не отмахнуться от слов Уистона Одена и не уверовать, что все в небесах неким загадочным образом устроено ради меня? Или, если спуститься несколькими уровнями ниже, что перипетии моей судьбы заботят некое высшее существо? Один из недостатков моего устройства заключается в слабости к таким иллюзиям, и хотя мне, как и многим другим, хватает образования, чтобы понимать их ошибочность, я вынужден признать: это врожденное. Кк-то в Шри-Ланке я ехал в машине с группой тамилы. Мы направлялись в населенный тамилами район побережья, пострадавшего от мощного циклона. Все мои попутчики были членами секты Саи Бабы, очень влиятельной в Шри-Ланке и на юге Индии. Саи Баба лично утверждает, что воскрешает мертвых, и специально для телекамер устраивает представление с материализацией священного пепла в своих ладонях. («Почему именно пепел?» — гадал я.)

Как бы то ни было, поездка началась с того, что мои спутники разбили о камень несколько кокосов, чтобы по дороге с нами ничего не случилось. Трюк, судя по всему, не подействовал: на половине пути через остров наш водитель на полном ходу въехал прямо в мужчину, ковьявшего через деревенскую улицу. Пострадавший получил ужасные травмы. На месте происшествия — деревня была сингальской — немедленно собралась толпа, не слишком радушная к заезжим тамилам. Обстановка была очень взрывоопасной, но мне удалось несколько разрядить ее своей английской персоной в грязновато-белом костюме а-ля Грэм Грин и журналистским удостоверением, выданным лондонской полицией. Все это так впечатлило местного стража порядка, что он временно отпустил нас, и мои перепуганные спутники были крайне благодарны за мое присутствие и хорошо подвешенный язык. Они позвонили в штаб-квартиру своего культа и объявили, что с нами путешествует сам Саи Баба, временно принявший мое обличье. Со мной начали обращаться с настоящим трепетом. Мне больше не позволялось носить какой-либо груз или ходить за едой. Я же тем временем решил проверить, как дела у сбитого мужчины, и выяснил, что он скончался в больнице от полученных травм. (Интересно знать, что у него в тот день было в гороскопе.) Так я увидел религию в миниатюре: одно человеческое млекопитающее (я) внезапно начинает привлекать робкие взгляды, полные благоговения, а другое человеческое млекопитающее (наша незадачливая жертва) почему-то не попадает в милосердные замыслы Саи Бабы.

«Кабы не Божия милость, — сказал в XVI веке Джон Брэдфорд, увидев преступников, ведомых на казнь, — с ними шел бы и я». Настоящий смысл этого, на первый взгляд, сострадательного наблюдения (не то, чтобы у него есть какой-либо «смысл») такой: «Божией милостию, там идет кто-то другой».

Пока я писал эту главу, на угольной шахте в Западной Виргинии произошел взрыв. Тринадцать горняков остались живы, но оказались в подземной ловушке, приковав к себе горячее внимание СМИ. Когда прошло сообщение, что шахтеров нашли живыми и невредимыми, вся страна вздохнула с облегчением. Радостное известие оказалось преждевременным и сделало горе шахтерских семей еще невыносимей: они уже праздновали спасение своих мужей и отцов, когда выяснилось, что все шахтеры, кроме одного, погибли от удушья. Газеты и информационные программы, поторопившиеся с хорошими новостями,

оказались в очень неловком положении. А теперь попробуйте отгадать, какими заголовками они сообщали о ложном спасении. Совершенно верно: «Чудо!» С восклицательным знаком или без, но это слово использовали все. Оно продолжало глумливо маячить на газетных страницах и в памяти родных, усугубляя горечь утраты. Никакими словами не описать, насколько полным в этом случае было отсутствие божественного вмешательства. Однако склонность приписывать все хорошее божьей помощи, а все плохое валить на другие причины, по-видимому, присуща нам всем. В Англии, как известно, монарх является наследственным главой не только государства, но и церкви, и Уильям Коббет однажды заметил, что англичане потворствуют этому абсурдному раболепию, называя свой монетный двор «королевским», а долг — «государственным». Религия использует ту же уловку, таким же образом и прямо у нас на глазах. Когда я первый раз попал в церковь Сакре-Кёр на Монмартре, построенную в честь избавления Парижа от Пруссии и коммунаров в 1870–1871 годах, я обратил внимание на одну бронзовую панель. Она изображала, как в 1944 году многочисленные бомбы союзной авиации обошли церковь стороной и разорвались в кварталах по соседству...

Таким образом, и меня, и весь наш вид отличает столь всепоглощающая склонность к эгоизму и глупости, что любой проблеск разума вызывает некоторое удивление. Гениальный Шиллер ошибался, когда писал в «Орлеанской девице», что против глупости «и сами боги» «не в силах устоять». На самом деле как раз посредством богов мы превращаем нашу глупость и легкое верие в нечто неопределимое.

Телеологические доказательства — плоды все того же нарциссизма — делятся на два вида: макроскопические и микроскопические. Их самое известное изложение — книга Уильяма Пейли (1743–1805) «Натурфилософия». Именно там впервые встречается бесхитростная притча о первобытном человеке, наткнувшемся на тикающие часы. Даже не зная, для чего они предназначены, он способен понять, что это не камень и не овощ, а продукт труда, причем труда целенаправленного. Пейли хотел применить эту аналогию к природе и человеку. Джеймс Фаррелл в «Осаде Кришнапура» хорошо схватил самодовольное упорство Пейли в своих заблуждениях, отобразив его в портрете викторианского священника, увлеченного его идеями:

— Как объясните вы тонкое устройство глаза, несравненно более сложное, чем жалкие телескопы, изобретенные человеком? Как объясните вы прозрачную роговую пленку, что защищает глаз угря от камней и грунта? Как получилось, что рыбий зрачок не сокращается? Ах, бедный, заблудший юнец, все потому, что Всевышний приспособил глаз рыбы к сумраку в ее водяном обиталище! Как объясните вы индийского кабана? — воскликнул он. — Для чего, по-вашему, два загнутых клыка, длиной более ярда, что растут вверх из его верхней челюсти?

— Для самозащиты?

— Нет, молодой человек, для этой цели у него имеются два бивня, исходящие из нижней челюсти, как у обыкновенного кабана... Нет, дело в том, что индийский кабан спит стоя и, чтобы не уронить голову, цепляет верхние бивни за ветви деревьев... ибо Творец позаботился и о сне индийского кабана!

(Пейли не удосужился объяснить, зачем Творец наказал такому количеству своих двуногих созданий обращаться с вышеупомянутым животным, как если бы оно было чертом или страдало проказой.) Джон Стюарт Милль был гораздо ближе к истине в своей оценке природы:

Если бы десятая доля того усердия, с каким разыскиваются следы всемогущего благого бога, была затрачена на сбор свидетельств злонамеренности творца, чего

только не нашлось бы в животном царстве! Оно делится на пожирающих и пожираемых, и большинство тварей щедро наделено пыточными приспособлениями.

После того, как суды защитили американцев (по крайней мере, на какое-то время) от обязательного преподавания «креационистского» идиотизма в школах, мы можем повторить слова другого выдающегося викторианца — лорда Маколея: «Каждый школьник знает», что Пейли поставил свою скрипучую телегу впереди своей загнанной, хрипящей лошади. Плавники у рыб не для того, чтобы жить в воде, а птицы снабжены крыльями не для того, чтобы соответствовать своему определению в словаре. (Помимо всего прочего, слишком много видов птиц не способны к полету.) Все было с точностью до наоборот: приспособление к среде обитания и естественный отбор. Конечно, не стоит недооценивать силу первого впечатления. Уиттакер Чеймберс в своей эпохальной книге «Свидетель» описывает мгновение, когда он отверг исторический материализм, мысленно сбежал из коммунистического лагеря и начал дело дискредитации сталинизма в Америке. Однажды утром он обратил внимание на ушко своей маленькой дочери и молниеносно прозрел: прелестные изгибы и завитки этого внешнего органа не могут быть продуктом случая. Мочка столь неизъяснимой красоты должна иметь божественное происхождение. Я, разумеется, тоже не раз любовался симпатичными ушками своих дочек. При этом, правда, я всегда замечал, что: а) их не помешало бы немного почистить; б) они кажутся продуктами конвейерного производства даже по сравнению с менее совершенными ушами чужих дочерей; в) если смотреть на уши сзади, с возрастом они выглядят все более нелепо; г) у гораздо менее развитых животных — например, у кошек и летучих мышей — уши намного изящней, а слух острее. Вторя Лапласу, я сказал бы, что есть много, очень много причин не боготворить Сталина, но обличение сталинизма не нуждается в допущениях г-на Чеймберса, основанных на мочках ушей его потомства.

Форма ушей предсказуема и однотипна, а их мочки прелестны даже у глухих от рождения детей. В определенном смысле того же нельзя сказать о вселенной. В ней встречаются аномалии, загадки и изъяны (сдержанно выражаясь), которые не имеют признаков приспособления, не говоря уже об отборе. Томас Джефферсон в старости частенько уподоблял часовому механизму самого себя, когда, в ответ на расспросы о здоровье, писал друзьям, что старая пружина работает, а шестеренки изнашивались. Напрашивается неприятный (для верующих) образ производственного брака, не подлежащего ремонту. Считать ли брак частью «творения»? (Как водится, те, кто приписывает себе успехи, умолкают и смотрят в пол, как только речь заходит о неудачах.) Если же вспомнить о беспросветной космической пустыне, где кружатся красные гиганты, белые карлики и черные дыры, где взрываются и гибнут гигантские звезды, остается только с содроганием заключить, что «творение» еще не вполне закончено. Не это ли «подумалось» динозаврам, когда метеориты, просвистев сквозь земную атмосферу, положили конец бесцельному соперничеству среди доисторических болот?

Даже сравнительно надежная симметрия Солнечной системы, при всей очевидной нестабильности и энтропии, беспокоила Исаака Ньютона и побудила его предположить, что бог время от времени поправляет орбиты планет. Этим Ньютон навлек на себя насмешки Лейбница, спросившего, почему бог не смог все как следует настроить с самого начала. Именно благодаря страшной пустоте остального космоса нас так впечатляют уникальные, прекрасные условия, сделавшие возможной разумную жизнь на нашей планете. Учитывая наше тщеславие, как они могут нас не впечатлять? Тщеславие позволяет нам закрывать глаза на то неумолимое обстоятельство, что на всех остальных небесных телах даже в пределах нашей системы либо слишком холодно, либо слишком горячо для любых известных форм жизни. Более того, это относится и к нашей голубой планете. Жара и холод превращают обширные участки Земли в

бесплодные пустыни, и опыт научил нас, что мы живем на острие климатического ножа. Что до солнца, то оно рано или поздно раздуется и проглотит свои подопечные планеты, словно ревнивый вождь или племенной божок. Тоже мне «творение»!

С макроскопическим разобрались. Что сказать о микроскопическом? С тех пор, как верующие — вынужденно и с большой неохотой — вступили в этот спор, они пытаются вторить словам Гамлета о вещах, что и не снились нашим мудрецам. Наша сторона только рада согласиться: мы готовы к тому, что грядущие открытия могут потрясти наши умы еще сильнее, чем бездна знаний, накопленная со времен Дарвина и Эйнштейна. Однако мы знаем, что открытия эти, как и прежде, будут итогом терпеливых, скрупулезных и (будем надеяться, на этот раз) ничем не стесненных исследований. Пока же нам приходится упражнять свои умы опровержением очередных глупостей, придуманных правоверными. Когда в XIX веке начали выкапывать и изучать кости доисторических животных, нашлись такие, кто говорил, что эти останки создал бог, дабы испытать нашу веру. Такое не оспоришь. Нельзя оспорить и мою собственную любимую теорию: планета Земля, судя по наблюдаемому поведению ее обитателей, была, втайне от нас, задумана, как исправительная колония и приют для душевнобольных; далекие высшие цивилизации ссылают сюда отбросы своего общества. Однако Карл Поппер научил меня тому, что слаба та теория, которую в принципе нельзя экспериментально опровергнуть.

Теперь нам толкуют, что такие поразительные приспособления, как человеческий глаз, не могут быть продуктом, так сказать, «слепого» случая. Лучшего примера пропагандисты «разумного замысла» отыскать не могли. Современным биологам много известно и об устройстве глаз, и о том, у каких животных они есть, у каких нет, и почему так получилось. Предоставляю слово своему другу Майклу Шермеру:

Эволюция также предполагает, что современные организмы должны демонстрировать разнообразие простых и сложных структур, отражающих не одномоментное творение, а эволюционную историю. Человеческий глаз, к примеру, является продуктом сложного пути длиной в сотни миллионов лет. Сначала это было простое глазное пятно с небольшим количеством светочувствительных клеток, которые снабжали животный организм информацией о важном источнике света. Затем пятно превратилось в неглубокую глазную ямку, наполненную светочувствительными клетками, которые теперь могли определять направление света. Затем ямка стала глубже, и дополнительные клетки на ее дне начали собирать более точную информацию об окружающей среде. Затем ямка эволюционировала в камеру-обскуру, способную создать изображение на задней стороне глубоко лежащего слоя светочувствительных клеток; затем в глазной бокал с линзой, способной фокусировать изображение; затем в сложный глаз таких современных млекопитающих, как человек.

Все промежуточные стадии этого процесса уже найдены у животных. Разработаны сложные компьютерные модели, показывающие, что теория действительно «работает». Другое доказательство эволюционного развития глаза, как отмечает Шермер, — изъяны в его «конструкции»:

На самом деле анатомия человеческого глаза свидетельствует о чем угодно, только не о «разумности» его конструкции. Он располагается вверх тормашками и задом наперед, в результате чего фотонам света приходится проходить сквозь роговицу, хрусталик, глазную жидкость, кровеносные сосуды, ганглиозные клетки,

амакриновые клетки, горизонтальные клетки и биполярные клетки на пути к светочувствительным палочкам и колбочкам, преобразующим световой сигнал в нервные импульсы, которые далее посылаются в зрительную кору в задней части мозга и там становятся осмысленными картинками. Неужели разумный конструктор, добиваясь оптимального зрения, расположил бы глаз вверх тормашками и задом наперед?

Наша эволюция начиналась с незрячих бактерий (у которых, как мы теперь знаем, та же ДНК), и именно поэтому мы так близоруки. Через эту оптику, собранную кое-как и нарочно «оборудованную» слепым пятном на сетчатке, наши предки, по их утверждению, «видели» чудеса «собственными глазами». Источник таких видений, конечно же, находился совсем в другом участке коры головного мозга, однако мы не должны забывать отрезвляющие слова Чарлза Дарвина: даже наиболее развитые из нас всегда будут носить на себе «неизгладимую печать своего низменного происхождения».

К словам Шермера я бы добавил, что, несмотря на всю нашу развитость и смышленость, глаза скопы, по подсчетам биологов, в шестьдесят раз острее и сложнее наших, а слепота (нередко вызываемая микроскопическими паразитами, которые и сами устроены ничуть не менее изобретательно) принадлежит к числу наиболее древних и трагических недугов. К чему одаривать менее совершенных тварей более совершенными глазами (а в случае летучих мышей или кошек, еще и ушами)? Скопа может спикировать прямо на быстро плывущую под водой рыбу с большой высоты, маневрируя при помощи своих удивительных крыльев. Тем не менее скопа уже почти полностью истреблена человеком, а вы можете родиться слепым, как крот, и при этом вырасти глубоко верующим методистом.

«В высшей степени абсурдным, откровенно говоря, может показаться предположение, что путем естественного отбора мог образоваться глаз со всеми его неподражаемыми изобретениями для регуляции фокусного расстояния, для регулирования количества проникающего света, для поправки на сферическую и хроматическую аберрацию».^[5]

Так писал Чарлз Дарвин в параграфе, озаглавленном «Органы крайней степени совершенства и сложности». С тех пор эволюция глаза едва ли не превратилась в отдельную научную дисциплину. Собственно, почему бы и нет? В высшей степени интересно знать о параллельном, но самостоятельном развитии как минимум сорока, если не шестидесяти различных видов глаз. Дэниел Нилссон (вероятно, лучший специалист в этой области) установил, среди прочего, что у трех совершенно разных групп рыб независимо друг от друга образовалось четыре глаза. У *Bathylychnops exilis*, одной из этих обитательниц моря, одна пара глаз направлена наружу, а другая (посаженная прямо в стенку основной) смотрит строго вниз. То, что для большинства животных было бы обузой, имеет очевидные преимущества для обитателя глубин. При этом крайне важно отметить, что эмбриологическое развитие второй пары глаз не повторяет в миниатюре развитие первой, но является продуктом совершенно иного эволюционного процесса. Вот что говорит об этом Дэниел Нилссон в письме Ричарду Докинзу:

«Этот вид изобрел линзу заново, несмотря на то, что она у него уже была. Перед нами убедительное свидетельство того, что в эволюции линз нет ничего невероятного».

Разумеется, божественный демиург скорее продублировал бы имеющееся оптическое устройство, не оставив нам повода ломать голову. Или, как далее пишет Дарвин в том же параграфе:

Но когда в первый раз была высказана мысль, что Солнце стоит, а Земля вертится вокруг него, здравый человеческий смысл тоже объявил ее ложной; однако каждый философ знает, что старое изречение *Vox populi — vox Dei* (глас народа — глас Божий) не может пользоваться доверием в науке. Разум мне говорит: если можно показать существование многочисленных градаций от простого и несовершенного глаза к глазу сложному и совершенному, причем каждая ступень полезна для ее обладателя, а это не подлежит сомнению; если, далее, глаз когда-либо варьировал и вариации наследовались, а это также несомненно; если, наконец, подобные вариации могли оказаться полезными животному при переменах в условиях его жизни — в таком случае затруднение, возникающее при мысли об образовании сложного и совершенного глаза путем естественного отбора, хотя и непреодолимое для нашего воображения, не может быть признано опровергающим всю теорию.^[6]

Слова Дарвина о неподвижном Солнце и о «совершенстве» глаза могут вызвать у нас легкую улыбку, но лишь потому, что нам посчастливилось знать больше, чем было известно ему. Но и нам стоит отметить и взять на заметку, как правильно он использует здравый смысл в отношении того, что вызывает изумление.

Настоящее «чудо» в том, что, несмотря на генетическое родство с бактериями, положившими начало жизни на этой планете, мы сумели зайти так далеко в своей эволюции. У некоторых животных глаза либо не появились вовсе, либо остались чрезвычайно слабыми. В этом скрыт интригующий парадокс: у эволюции нет глаз, но она может их создавать. У гениального Фрэнсиса Крика, одного из первооткрывателей двойной спирали, был коллега по имени Лесли Орджел, сформулировавший этот парадокс более изящно, чем сумел бы я. «Эволюция, — сказал он, — умнее вас». Но этот комплимент «разумности» естественного отбора ни в коем случае не является уступкой нелепой идее «разумного замысла». Некоторые плоды эволюции — и сюда мы не можем не отнести себя — действительно впечатляют. («Что за мастерское создание — человек!»^[7] — восклицает Гамлет и тут же в некотором роде опровергает себя, называя человека «квинтэссенцией праха». Оба высказывания при этом замечательно точны.) Но процесс, приносящий эти плоды, медлителен, бесконечно труден и породил «цепочку» ДНК, в которой полно бесполезного генетического хлама и слишком много общего с гораздо более примитивными организмами. Печать низменного происхождения легко отыскать в нашем аппендиксе. Ее можно найти в ненужном волосяном покрове, которым мы обрастаем (и который затем теряем) после пяти месяцев в материнской утробе. Ее можно обнаружить в наших недолговечных коленных суставах, в наших рудиментарных хвостиках и в прихотливом устройстве нашего мочеполового хозяйства. Почему все вечно твердят, что «Бог в деталях»? В наших деталях его нет точно — если, конечно, дремучие креационисты из его фан-клуба не желают воздать должное его неуклюжести, неудачам и некомпетентности.

Те, кто принял — не без борьбы — неопровержимые доказательства эволюции, теперь пытаются наградить себя медалью за признание собственного поражения. Теперь они твердят, что грандиозность и изобретательность эволюции говорят в пользу направляющего разумного начала. Тем самым они выставляют своего мнимого бога безруким дурачком, халтурщиком, работающим на авось, бракоделом, потратившим миллионы лет на то, чтобы смастерить несколько действующих моделей, наворотив при этом горы негодных отбросов. Неужели они и

впрямь настолько не уважают свое божество? Они бездумно повторяют, что эволюционная биология — «всего лишь теория», обнаруживая полное непонимание того, что такое «теория». «Теория» — это, если позволите, продукт эволюции мысли, объясняющий известные факты. Если теория выдерживает появление доселе не известных фактов, она считается удачной. Если же теория позволяет делать точные предсказания о явлениях или событиях, которые еще не были открыты или еще не произошли, она становится общепринятой. На это может уйти время, и здесь тоже не обойтись без одной из версий процедуры Оккама. Звездочеты египетских фараонов умели предсказывать затмения даже несмотря на то, что считали Землю плоской, — просто им требовалось для этого очень много лишнего труда. Точное предсказание Эйнштейна о том, насколько гравитация преломляет звездный свет (оно подтвердилось в 1919 году во время солнечного затмения на западном побережье Африки), было намного изящней и стало подтверждением его «теории» относительности.

Среди тех, кто изучает эволюцию, немало разногласий о том, как именно протекал и как начался этот сложный процесс. Фрэнсис Крик даже не считал зазорным гадать, была ли жизнь на Земле «посеяна» бактериями с проходящей кометы. Однако если этим разногласиям суждено разрешиться, они будут разрешены научными и экспериментальными методами, доказавшими свою эффективность. Что же до креационизма или «разумного замысла» (интеллекта его приверженцев хватило лишь на это шулерское переименование), то его нельзя назвать даже теорией. Вся обильно финансируемая пропаганда креационистов ни разу даже не попыталась продемонстрировать преимущество «замысла» над эволюцией в объяснении хотя бы одного-единственного кусочка природы. Вместо этого она скатывается в тавтологию и ребячество. Одна «анкета», распространяемая креационистами, предлагает ответить «да» или «нет» на следующие вопросы:

Знаете ли вы дом, у которого не было строителя?

Знаете ли вы картину, у которой не было художника?

Знаете ли вы машину, у которой не было конструктора?

Если вы ответили «ДА» хотя бы на один из вопросов, приведите подробности.

Ответ на все три вопроса нам прекрасно известен: каждую из этих вещей долгим и кропотливым трудом (работая, как и эволюция, методом проб и ошибок) создал человек. К их созданию приложило руку немало людей, и их «эволюция» продолжается до сих пор. Невежественные насмешки креационистов, сравнивающих эволюцию с вихрем, который проносится по свалке запчастей и собирает из них авиалайнер, не стоят выеденного яйца, и вот почему. Начнем с того, что нет никаких «запчастей», валяющихся вокруг в ожидании сборки. Далее, процесс приобретения и утилизации «запчастей» (прежде всего, крыльев) можно сравнить с чем угодно, но только не с вихрем.

Его скорость под стать леднику, а не буре. Более того, реактивные самолеты не напичканы бездействующими, лишними «запчастями», тупо унаследованными у менее удачных летательных аппаратов. Почему мы так легко согласились именовать эту лопнувшую псевдотеорию новой, хитро затемняющей суть кличкой — «разумный замысел»? В ней нет ровным счетом ничего разумного. Как была ахинеей, так и осталась.

Самолеты «эволюционируют» — усилиями человека. Эволюционируем и мы, пускай и совсем иначе. В начале 2006 года в журнале *Science* были опубликованы итоги масштабного исследования, проведенного Орегонским университетом. При помощи реконструкции древних генов вымерших животных ученым удалось показать смехотворность псевдотеории «неуменьшаемой сложности». Они установили, что белковые молекулы медленно, методом

проб и ошибок, используя и видоизменяя уже существующие детали, научились включать и выключать различные гормоны. Эта генетическая эпопея была запущена вслепую 450 миллионов лет назад, еще до выхода жизни на сушу и до появления костей. Основателям религий и присниться не могло все то, что мы знаем теперь о собственной природе, а если бы приснилось, они прикусили бы свои самоуверенные языки. Как всегда, стоит отбросить лишние допущения, и гадание о том, кто создал нас созидателями, становится столь же бесплодным и бессмысленным, как и вопрос о создателе нашего создателя. Аристотель, чьи размышления о перводвигателе и первопричине послужили началом этого спора, умозаключил, что логика требует существования сорока семи или сорока пяти богов. Монотеистам есть за что благодарить лезвие Оккама. Начав с легиона перводвигателей, они доторговались до одного. Они все ближе и ближе к истинному, круглому числу.

Мы должны смириться с тем, что эволюция не только умнее нас, но также бесконечно более равнодушна, жестока и капризна. Исследования ископаемых животных и данные молекулярной биологии говорят о том, что около 98% всех видов, когда-либо живших на Земле, прекратили существование. В истории за периодами расцвета жизни всегда следовало великое «вымирание». Чтобы уцелеть на остывающей планете, жизнь сначала должна была появиться в фантастическом изобилии. Мы наблюдаем то же самое в миниатюре и в наших маленьких человеческих жизнях: мужчины производят неизмеримо больше семенной жидкости, чем необходимо для создания семьи, и мучаются — не без некоторого удовольствия — острой потребностью куда-нибудь ее пристроить или хоть как-то от нее избавиться. (Религия бесцельно усугубила муки, объявив грехом различные несложные способы облегчения этого зуда, который, надо думать, у нас от «творца».) Буйное, бьющее через край обилие насекомых, воробьев, лосося или трески есть титаническая растрата жизни, обеспечивающая, да и то не всегда, выживание достаточного количества особей.

Высших животных едва ли можно назвать исключением из этого правила. В силу очевидных причин известные нам религии появились среди известных нам людей. В Азии, Средиземноморье и на Ближнем Востоке непрерывная история человека прослеживается на тысячи лет в прошлое. Однако даже мифы рассказывают о периодах тьмы, чумы и великих бедствий, когда казалось, что против человека ополчилась сама природа. Судя по народной памяти, подтверждаемой последними археологическими данными, формирование Черного и Средиземного морей сопровождалось затоплением огромных пространств, и ужасающие масштабы этих катаклизмов еще долго жили в преданиях Месопотамии и других регионов. Каждый год христианские фундаменталисты снаряжают очередную экспедицию на гору Арарат в нынешней Армении, рассчитывая рано или поздно отыскать обломки Ноева ковчега. Их тщетные усилия ничего бы не доказали, даже увенчавшись успехом. Однако если этим людям случится прочитать реконструкцию того, что случилось на самом деле, им откроется картина гораздо более впечатляющая, чем банальный рассказ о Ноевом потопе: исполинская стена темной воды, с ревом несущаяся по густонаселенной равнине. Такая «Атлантида» уж наверняка запечатлелась бы в памяти доисторического человека ничуть не меньше, чем в нашей.

В то же время у нас нет никаких воспоминаний о судьбе большинства наших собратьев на американском континенте, — ни погребенных в земле, ни кое-как записанных. Когда в XVI столетии католические конкистадоры добрались до Западного полушария, они отметились такой беспорядочной жестокостью и страстью к разрушению, что один из них, Бартоломео де лас Касас, даже предложил официально осудить содеянное, извиниться и признать, что все предприятие было ошибкой. При всем благородстве намерений, его угрызения совести были вызваны представлением о том, что «индейцы» жили в нетронутom Эдеме, а испанцы с португальцами упустили возможность вновь обрести невинность Адама и Евы до грехопадения.

Эта идея была высокомерной и пустой фантазией: у ольмеков и других племен были свои боги (как правило, ублажаемые человеческими жертвоприношениями), а также развитая письменность, астрономия, сельское хозяйство и торговля. Они вели исторические хроники и разработали 365-дневный календарь, который был точнее европейских. Одна из доколумбовых цивилизаций, а именно майя, додумалась до прекрасной идеи ноля, на которую я ссылался выше и без которой математические операции крайне затруднительны. Не исключено, что средневековые папы не случайно отвергали эту идею как чуждую и еретическую. Быть может, виной тому было не якобы арабское (на самом деле, древнеиндийское) происхождение ноля. Быть может, ноль просто содержал в себе пугающую возможность.

Нам кое-что известно о цивилизациях Центральной Америки, но до недавнего времени мы даже не догадывались о многолюдных городах и путях сообщения, что некогда покрывали бассейн Амазонки и некоторые районы Анд. Мы только приступаем к серьезному изучению величественных цивилизаций, процветавших в то же время, когда зарождалось почитание Моисея, Авраама, Иисуса, Мухаммеда и Будды, но не принимавших никакого участия в этом религиозенезе и не попавших в бухгалтерские книги новоиспеченных монотеистов. Нет никакого сомнения, что и у тех людей были свои мифы о сотворении мира и свои никчемные божественные откровения. Но их страдания, их торжество, их гибель никогда не фигурировали в «наших» молитвах. Они вымерли в горькой уверенности, что никто не вспомнит, как они жили, да и жили ли вообще. Их «земли обетованные», их пророчества, их сокровенные предания и церемонии для нас все равно что с другой планеты. У человеческой истории нет никакого плана.

Мало кто теперь сомневается, что первых американцев извели не только европейские пришельцы, но также микроорганизмы, о которых даже не подозревали ни они сами, ни их завоеватели. И неважно, были ли то местные микробы или завезенные пришельцами, — конец одинаков. В который раз перед нами как на ладони вся пропасть человеческого невежества, породившая библейскую историю о сотворении мира. Как доказать одним абзацем, что Библию написал не бог, а темные люди? Человеку сказано «властвовать» над всеми тварями земными, птицами и рыбами. Ни динозавры, ни плезиозавры, ни птеродактили не упоминаются, поскольку авторы не знали об их существовании, не говоря уже об их, как нам говорят, особом и единовременном творении. Не упомянуты и сумчатые, поскольку Австралии (следующего после Центральной Америки кандидата на звание «Эдема») еще не было на картах. Что еще более показательно, человеку не сказано властвовать над микробами и бактериями. Никто еще не имел ни малейшего понятия о существовании этих незаменимых, но опасных маленьких тварей. Если бы о них было известно, очень скоро стало бы ясно, что эти формы жизни «властвуют» над нами, и власть их будет безраздельна, пока на пути у медицины стоят священники. Исход битвы между видом *homo sapiens* и «невидимой армией» микробов, как называл ее Луи Пастер, не решен до сих пор, но открытие ДНК, по крайней мере, позволило нам прочесть генетический код такого смертельного врага, как вирус птичьего гриппа, и выяснить, что у нас общего.

Мы — в какой-то степени разумные животные со слишком большими надпочечниками и слишком маленькими лобными долями. Пожалуй, наиболее сложная задача, стоящая перед нами, — осознать свое истинное значение в порядке вещей. Наше место в космосе настолько ничтожно, что мы, с нашей жалкой порцией мозгового вещества, не в силах даже как следует его себе представить. Ничуть не легче нам дается понимание того, что наше появление на Земле могло быть чистой случайностью. Да, мы осознали свое место на космической шкале, мы научились продлевать свои жизни, лечить свои болезни, уважать и получать выгоду от других племен и животных, ускорять общение при помощи ракет и спутников. Но в понимании того, что наша смерть неизбежна, и что за ней последует гибель нашего вида и тепловая смерть

вселенной, мало утешительного. И все же мы находимся в выгодном положении по сравнению с теми, кто умер, не рассказав о своей жизни, и с теми, кто умирает прямо сейчас, не пережив ничего, кроме нескольких минут крика, боли и животного страха.

В 1909 году в Канадских Скалистых горах, на границе Британской Колумбии, произошло событие неимоверной важности: были обнаружены так называемые «сланцы Бёрджесс». Эту естественную формацию, лишенную магических свойств, вполне можно сравнить с машиной времени или дверью в прошлое. Очень далекое прошлое: местные залежи известняка сформировались около 570 миллионов лет назад и запечатлели то, что палеонтологи называют «кембрийским взрывом». Эволюция знавала не только великие вымирания, но и периоды возрождения, когда жизнь внезапно становилась обильной и разнообразной. (Разумный «создатель», пожалуй, мог бы обойтись без хаотичной игры в «густо-пусто».)

Предки большинства современных животных появились в период кембрийского расцвета, однако до 1909 года мы ровным счетом ничего не знали об их первоначальной среде обитания. Нам приходилось довольствоваться преимущественно костями и раковинами, тогда как сланцы Бёрджесс содержат немало окаменелых останков мягких тканей, включая содержимое пищеварительных систем. С точки зрения расшифровки ископаемой жизни эта находка сравнима с Розеттским камнем.

Наш нарциссизм, часто облеченный в форму диаграммы или комикса, обычно изображает эволюцию в виде лестницы или прогрессии. Сначала мы видим рыбу, разевающую рот на берегу, потом ряд согбленных фигур с огромными челюстями и, наконец, перед нами постепенно выпрямляется мужчина в костюме, размахивающий зонтиком и кричащий «Такси!» Даже те, кто видел зубчатую кривую возникновения, уничтожения, повторного возникновения и повторного уничтожения, кто описал грядущую гибель вселенной, склонны думать, что в природе существует неуклонная тенденция к восходящей прогрессии. В этом нет ничего удивительного: неприспособленные твари либо вымрут сами, либо их уничтожат более приспособленные. Но прогресс не отменяет случайности. Осматривая сланцы Бёрджесс, выдающийся палеонтолог Стивен Джей Гулд пришел к чрезвычайно неутешительному выводу. После тщательного изучения окаменелостей и их развития он понял: если бы это дерево посадили заново, если бы этот бульон снова поставили на огонь, вышло бы, скорее всего, совсем не то, что нам «известно».

Стоит отметить, что этот вывод был столь же противен Гулду, как и нам с вами: в молодости он увлекался марксизмом, и понятие «прогресса» был для него реальностью. Но принципиальность ученого не позволила ему отрицать столь очевидные доказательства. Хотя некоторые исследователи эволюции склонны думать, что ее безжалостная черепашня поступь «вела» к разумной жизни в нашем лице, Гулд отрешивался от таких представлений. Согласно его выводам, если бы бесчисленные варианты эволюции кембрийского периода можно было записать и, так сказать, «перемотать» обратно, а потом проиграть запись с начала, нет никакой гарантии, что результат был бы таким же. Несколько ветвей на дереве эволюции (аналогия с веточками очень густого куста была бы точнее) оказались тупиковыми, но, получив еще один шанс, они могли бы расцвести, а те, что расцвели, вполне могли бы засохнуть и погибнуть. Ни для кого не секрет, что наличие позвоночника — краеугольный камень нашей природы и нашего существования. Первое известное позвоночное (или «хордовое») животное, найденное в сланцах Бёрджесс, — изящное создание длиной в два дюйма по имени *pikaia gracilens* (этим названием оно обязано вершине по соседству, а также собственной форме и красоте). Поначалу его ошибочно относили к червям (не стоит забывать, как недавно мы приобрели почти все свои знания), но его сегментарное устройство, мускулистость и гибкость спинного стержня выдают в нем нашего предка — необходимого, но не требующего никакого почитания. Миллионы других

видов канули в небытие еще до конца кембрийского периода, но этот маленький прототип выжил. Вот что пишет об этом Гулд:

Перемотайте кассету времени обратно до формирования Бёрджесс и проиграйте сначала. Если *pikaia* на этот раз не выживет, от нас в будущей истории не останется и следа — от всех нас, включая акул, малиновок и орангутангов. При этом сдается мне, что ни один букмекер, ознакомившись с информацией, собранной в Бёрджесс, не посоветовал бы ставить на выживание *pikaia*.

А если так, то важный элемент ответа на вечный вопрос (в той его части, которой вообще может заниматься наука) — «Почему существуют люди?» — вот в чем: потому что *pikaia* не вымерла вместе со всеми видами из Бёрджесс. Этот ответ не содержит никаких законов природы; он не описывает никаких предсказуемых эволюционных путей, никаких вероятностных выкладок на основе общих законов анатомии или экологии. Выживание *pikaia* является «просто историческим фактом». Не думаю, что может быть найден ответ какого-либо «высшего порядка», да и не могу представить себе более захватывающего решения проблемы. Мы отпрыски истории и должны сами проложить свой путь в этой разнообразнейшей, интереснейшей из вообразимых вселенных — во вселенной, равнодушной к нашим страданиям и потому дающей нам максимальную свободу процветать или погибнуть, как нам заблагорассудится.

Стоит добавить: «заблагорассудится» в строго определенных рамках. Так, без лишних эмоций, говорит настоящий ученый и гуманист. Мы и раньше смутно догадывались о чем-то подобном. Теория хаоса приучила нас к мысли, что незапланированное трепыхание бабочки, поднимающее легчайший зефир, может кончиться свирепым тайфуном. Как метко подметил Оги Марч у Сола Беллоу, «стоит затронуть что-то одно, как затрагивается и то, что с этим связано». Книга Гулда о сланцах Бёрджесс — шок и откровение под одной обложкой — называется «Чудесная жизнь». В ее названии слышно эхо самого любимого в Америке сентиментального кино. В ключевых эпизодах этого занимательного, но все же кошмарного фильма Джимми Стюарт проклинает день своего появления на свет, пока подоспевший ангел не показывает ему, каким был бы мир без него. Так нетребовательной публике преподносится наглядная демонстрация принципа неопределенности Гейзенберга: любая попытка что-либо измерить неуловимо меняет объект измерения. Лишь совсем недавно мы установили, что кит — более близкий родственник коровы, чем лошадь. Без сомнения, нас ждут и другие удивительные открытия. Если наше существование, в нашем нынешнем виде, действительно плод случайных обстоятельств, то мы, по крайней мере, вправе рассчитывать на продолжение эволюции наших слабеньких мозгов, а также на головокружительный прогресс в медицине и продление жизни в результате исследований стволовых клеток и клеток крови из пуповины.

Идя по стопам Дарвина, Питер и Розмари Грант из Принстонского университета на протяжении тридцати лет посещают Галапагосский архипелаг. Там они подолгу живут в экстремальных условиях на крошечном островке Дафне Майор и осуществляют динамическое наблюдение и замеры, отражающие эволюцию вьюрков и их адаптацию к меняющейся среде. Они убедительно показали, что размер и форма клюва вьюрков приспособляется к засухе и скудному питанию, подстраиваясь под размеры и свойства различных семян и жуков. За три миллиона лет своей истории популяция вьюрков менялась туда и обратно, следуя за жуками и семенами. В ходе тщательных наблюдений супруги Грант увидели, как это происходит. Полученные данные и доказательства они сделали достоянием общественности. Мы все у них в долгу. Им пришлось нелегко, но кто будет жалеть, что они не потратили жизнь на умерщвление

собственной плоти в отшельнических пещерах или на священных столпах?

В 2005 году группа ученых Чикагского университета провела важное исследование двух генов (известных как микроцефалии и ASPM), бездействие которых приводит к микроцефалиту. Дети, пораженные этой болезнью, рождаются с недоразвитой корой головного мозга. Вполне вероятно, это отголосок того времени, когда человеческий мозг был гораздо меньше, чем сейчас. Принято считать, что эволюция современного человека завершилась около 50–60 тысяч лет назад (для эволюции это миг), однако эти два гена, судя по всему, претерпели существенные изменения в последние тридцать семь тысяч лет. Иными словами, эволюция нашего мозга, возможно, еще не закончена. В марте 2006 года новые исследования в том же университете показали, что около семисот участков человеческого генома содержат гены, изменившиеся под действием естественного отбора от 5 до 15 тысяч лет назад. Среди них есть гены, отвечающие за наш «вкус и обоняние, пищеварение, строение костей, цвет кожи и работу мозга». (Одна из благих вестей геномики в том, что все «расовые» различия на поверку оказались недавними, поверхностными и обманчивыми.) Можно принять за аксиому, что до публикации моей книги в этой быстро растущей области будет сделано еще несколько открытий, проливающих свет на важнейшие вопросы. Не стоит спешить с заявлениями о неизбежности и благотворности прогресса, но развитие человека продолжается. Оно проявляется в том, как мы вырабатываем иммунитет к определенным болезням, и в том, что нам это не всегда удастся. Изучение человеческого генома выявило, что древние обитатели севера Европы одомашнили коров и выработали специальный ген переносимости молока, а более поздние выходцы из Африки (мы все родом из Африки) подвержены серповидной анемии, которая сама по себе вещь малоприятная, но восходит к более ранней мутации, защищавшей от малярии. Мы узнаем еще больше, если нам хватит скромности и терпения понять, из каких материалов природа строит жизнь, и принять свое земное происхождение. Нет никакой необходимости в божественном замысле, не говоря уже о вмешательстве ангелов. Все сходится и без этого допущения.

А потому (пускай мне и не по душе перечить великому человеку) Вольтер нес суший вздор, когда заявил, что если бы бога не было, его бы стоило выдумать. Проблема как раз в том, что люди выдумали бога. Теперь, проследив ход своей эволюции, в которой жизнь лишь временно опережает вымирание, мы приобрели знания, способные помочь нам распознать и преодолеть невежество. Конечно, религия до сих пор обладает гигантским преимуществом «первенства», и с этим трудно что-либо поделать. Однако, как подчеркивает Сэм Хэррис в «Конце веры», если бы приступ коллективной амнезии в духе Маркеса лишил нас всех знаний, всех норм этики и морали, добытых с таким трудом, и все необходимое пришлось бы восстанавливать с нуля, трудно представить, на каком этапе нам понадобилось вспомнить о непорочном зачатии Христа или убедить себя в нем.

Верующие с головой на плечах тоже могут вздохнуть с облегчением. Скепсис и научный прогресс освободили их от нелегкой обязанности защищать своего бога в образе несносного, неуклюжего, помешанного естествоиспытателя с нечесаными космами. Им больше не нужно отвечать на болезненные вопросы о том, кто насылает сифилис и проказу, кто плодит умственно отсталых детей, кто стоял за мучениями Иова. Такие обвинения больше не грозят верующим, ведь то, что перестало быть тайной, можно объяснить без всякого бога. Теперь, когда их вера утратила свое значение и стала личным делом каждого, никто не будет им мешать. Пока они воздерживаются от новых попыток навязать «свою» религию другим, нам нет до нее никакого дела.

Когда религия, вопреки собственным заявлениям, пытается подпереть слепую веру «доказательствами» в общепринятом смысле этого слова, она, среди прочего, ссылается на откровение. В очень особых случаях, утверждает она, бог выходит на связь с произвольно отобранными счастливыми и якобы поверяет им непреложные законы для последующей их передачи остальным.

Возникают очевидные вопросы. Во-первых, предполагаемое раскрытие божественных тайн происходило несколько раз в разных странах, в разные эпохи и через совершенно не похожих друг на друга пророков и медиумов. В некоторых случаях — прежде всего, в христианстве — одного откровения, судя по всему, мало; его требуется закреплять повторными явлениями вплоть до обещанного последнего пришествия. В других случаях, напротив, проблема в том, что божественные наставления сообщаются только один раз, и получает их ничем не примечательная личность, каждое слово которой затем превращается в закон.

Из того, что все эти откровения, зачастую и без того крайне непоследовательные, по определению не могут быть истинными одновременно, следует, что некоторые из них суть иллюзии и ложь. Другое возможное следствие в том, что одно из них настоящее. Однако это, во-первых, сомнительно, а во-вторых, определить, какое из откровений единственно верное, похоже, можно только при помощи религиозных войн. Дело осложняет очевидная склонность Всевышнего являться исключительно неграмотным, псевдоисторическим персонажем, жившим в ближневосточных пустынях, имеющих долгую историю суеверий и идолопоклонства и нередко «унавоженных» более ранними пророчествами.

Синкретическая природа монотеистических религий и общее происхождение их мифов на практике означают, что, опровергая одну из них, опровергаешь все. Несмотря на зверства и ненависть, с которыми иудаизм, христианство и ислам преследовали друг друга, они видят общие истоки в Пятикнижии Моисея. Коран признает евреев «народом книги», Иисуса Христа — пророком, а его мать — девственницей. (Любопытно, что, в отличие от одной из книг Нового Завета, Коран не обвиняет евреев в убийстве Христа. Правда, причина этого в оригинальном утверждении, что вместо Христа евреи распяли кого-то другого.)

Все три религии ведут свою историю от встречи Моисея с богом, что якобы состоялась на вершине горы Синай. Итогом встречи стали Десять заповедей. Это предание излагается в главах 20–40 второй книги Моисея, известной как «Исход». Глава 20 традиционно привлекает больше всего внимания, поскольку именно в ней приводятся заповеди. Казалось бы, в их пересказе и разоблачении нет особой нужды, но на самом деле оно того стоит.

Во-первых (я использую «авторизованную» Библию короля Якова — один из многочисленных вариантов, старательно переведенных простыми смертными с древнееврейского, греческого или латыни)^[8], так называемые заповеди не представляют собой упорядоченный список из десяти наказов и запретов. Первые три заповеди по-разному обыгрывают одно и то же: здесь бог говорит о своем превосходстве и исключительности, запрещает сотворение кумиров и возбраняет упоминание своего имени понапрасну. Эта затянута распевка сопровождается серьезными предостережениями, включая жуткое обещание наказывать детей за грехи отцов «до третьего и четвертого рода». Тем самым отрицается нравственное и вполне разумное правило, согласно которому дети не несут ответственности за преступления родителей. Четвертая заповедь предписывает святить день субботний и запрещает всем верующим (а также их рабам и прислуге) выполнять в этот день любую работу.

Поясняется, что, согласно книге Бытия, бог сотворил мир за шесть дней, а в день седьмой почил (остается только гадать, как он провел восьмой день). Далее предписания становятся более лаконичными. «Почитай отца твоего и мать твою» (не ради них самих, но «чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе»). Лишь после этого следуют четыре знаменитых «не», запрещающие убийство, прелюбодеяние, воровство и лжесвидетельство. Последним идет запрет на алчность: нельзя желать ни «дома ближнего твоего», ни его раба, рабыни, вола, осла, жены и прочего движимого имущества.

Трудно найти более явное свидетельство человеческого происхождения религии. Первым раздаётся монарший рык о почитании и страхе, сопровождаемый суровым напоминанием о всемогуществе и беспредельной мести; подобными словами вполне мог бы начинаться указ вавилонского или ассирийского императора. Далее идет приказ работать, отдыхая лишь тогда, когда угодно самодержцу. Следует краткий уголовный кодекс, часть которого обычно дается в искаженной интерпретации: оригинальный древнееврейский текст наказывает не «совершать убийства». Можно сколь угодно низко ценить еврейские предания, однако вряд ли стоит оскорблять соплеменников Моисея предположением, что до появления заповедей убийство, прелюбодеяние, воровство и лжесвидетельство были у них в порядке вещей. (Этот же сокрушительный аргумент применим к проповедям, которые приписывают Христу. В притче о добром самаритянине на иерихонской дороге он рассказывает о человеке, проявившем гуманность и великодушие, ничего не зная о христианстве и уж тем более не следуя безжалостным заповедям Моисеева бога, который вообще ни словом не упоминает человеческую солидарность и сострадание.) Никому еще не удалось найти человеческое общество, не оберегающее себя от очевидных преступлений, якобы открытых на горе Синай. Наконец, десятая заповедь вместо осуждения несправедливых деяний содержит странно сформулированное осуждение нечистых помыслов. Нетрудно заметить печать времени и общества, породившего запрет, который ставит «жену» в один ряд с волами, рабами и недвижимостью «ближнего твоего». Что еще более характерно, запрет невыполним — извечная проблема религиозных предписаний. Можно силой удерживать человека от совершения злодеяний, можно наложить на них запрет, но приказать не думать о них — это уже чересчур. Особенно глупо рассчитывать на то, что из человеческого сердца можно изгнать зависть к чужому имуществу, — уже хотя бы потому, что результатом зависти могут быть здоровые амбиции и желание самому добиться успеха. (Маловероятно, что американские фундаменталисты, желающие увесить Десятью заповедями все суды и школы, настолько заклятые враги капитализма.) Если бог действительно хотел, чтобы людей не посещали такие мысли, ему следовало бы создать другое человечество.

Другой закономерный вопрос касается того, чего нет в заповедях. Простите мою политкорректность, но почему там нет ни слова о защите детей, ни слова об изнасилованиях, ни слова о рабстве и ни слова о геноциде? Простите мою придирчивость и буквализм, но почему некоторые из этих преступлений откровенно поощряются пару страниц спустя? Во втором стихе следующей главы Моисей, со слов бога, сообщает своим последователям, на каких условиях продавать и покупать рабов (или прокалывать шилом их уши), а также излагает правила продажи дочерей. За этим следует печально известный наказ брать «душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб» и маниакально подробное описание должного обращения с бодливыми волами. Мелочная регламентация сельскохозяйственных споров ненадолго прерывается коротким приказом:

«Ворожей не оставляй в живых».

На протяжении столетий эти слова благословляли христианские пытки и костры, жертвой которых могла стать любая женщина, выделявшаяся из общей массы. Время от времени и здесь можно встретить наставления, отличающиеся высокой нравственностью и (по крайней мере, в версии короля Якова) меткостью слога. «Не следуй за большинством на зло» — это правило, впервые услышанное от бабушки, старый безбожник Бертран Рассел запомнил на всю жизнь. На язык, однако, просятся слова сочувствия к забытым Евеям, Хананеям и Хеттеям, которых безжалостно изгонят с собственной земли, расчищая место для неблагодарных и мятежных детей Израиля. (Именно на этом «завете» основаны территориальные претензии евреев на Палестину, впервые озвученные в XIX веке и кончившиеся нескончаемой головной болью для всех нас.)

Затем семьдесят четыре старейшины, в их числе Моисей и Арон, встречаются с богом лицом к лицу. Несколько глав подряд дотошно расписывают процедуру нескончаемых, обильных жертвоприношений, которых Господь требует от своего свежизбранного народа, но все это кончается слезами и крушением декораций: вернувшись с аудиенции на вершине горы, Моисей обнаруживает, что эффект близкого контакта с богом уже выветрился — по крайней мере, у Арона — и что дети Израиля отлили себе кумира из драгоценностей и побрякушек. Распиховавшись, Моисей разбивает скрижали с заповедями (что указывает на их небожественное происхождение; в одной из последующих глав приходится поспешно изготавливать новые экземпляры) и отдает следующий приказ:

Возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждого брата своего, каждого друга своего, каждого ближнего своего.

И сделали сыны Левины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек.

Не так уж и много, если вспомнить, сколько египетских младенцев бог уже перебил, чтобы довести дело хотя бы до этой стадии, но все вода на мельницу «антитеизма». Я имею в виду точку зрения, согласно которой следует только радоваться, что в религиозных мифах нет и крупинцы правды. Да, Библия благословляет торговлю людьми, этнические чистки, рабство, выкуп невест и массовые убийства, но поскольку ее написали дикие, невежественные млекопитающие, мы вовсе не обязаны ей следовать.

Стоит ли говорить, что жуткие, бессвязные события, описанные в Исходе, выдуманы от начала и до конца. Израильские археологи одни из лучших в мире, пусть в их исследованиях порой и сквозит желание доказать, что общение Моисея с богом имеет под собой некую историческую почву. Никто не копал и не искал с таким старанием и надеждой, как израильтяне в песках Синая и Ханаана. Первым в их ряду стоит Игаэль Ядин, наиболее известный раскопками в Масаде. Давид Бен-Гурион поручил ему извлечь из-под Святой земли доказательства того, что она принадлежит израильтянам. До недавнего времени его явно ангажированная деятельность имела налет научности. Однако ее опровергли более масштабные и объективные исследования, в частности, работа Исраэля Финкельштейна из Института археологии Тель-Авивского университета и его коллеги Нила Ашера Зильбермана. По мнению этих ученых, «еврейская Библия», или Пятикнижие, прекрасна, а новейшая история Израиля достойна подражания, с чем я осмелюсь не согласиться. Тем не менее их выводы окончательны, и уже одно то, что они идут вразрез с интересами самих исследователей, заставляет к ним

прислушаться. Не было никакого бегства из Египта, не было никакого блуждания по пустыне (не говоря уже о сорока годах, упомянутых в Пятикнижии), не было героического покорения Земли обетованной. Все это, попросту говоря, позднейшие и, к тому же, неумелые выдумки. Исход даже мельком не упоминается ни в одной египетской летописи, а ведь египетские гарнизоны стояли и в Ханаане, и в долине Нила как раз в то время, о котором говорит Библия. Многие находки прямо указывают на то, что его не было. Археология подтверждает, что еврейские поселения появились в Палестине несколько тысяч лет назад (такой вывод, в частности, можно сделать на основании отсутствия свинных костей среди отбросов), и что небольшое «царство Давида» действительно существовало, но все мифы Пятикнижия можно смело списать как фантазии. Не думаю, что в этом есть что-либо «редукционистское», как иногда называют такие выводы обиженные критики из религиозного лагеря. Археология и изучение древних текстов приносят огромное удовольствие и новые знания, позволяя нам еще чуть ближе подойти к истине. Кроме того, они дают пищу для антитеизма. В «Будущем одной иллюзии» Фрейд отметил очевидный и неизлечимый порок религии: в ней слишком явственно просматривается наше желание избежать смерти. Нет никакого сомнения в том, что религия выдает желаемое за действительное, однако такая критика не объясняет ужасов, жестокости и безумия Ветхого Завета. Кто, кроме древнего жреца, стремящегося упрочить свою власть старым добрым запугиванием, способен желать, чтобы все эти невразумительные побасенки имели какое-либо отношение к действительности?

Кто? Христиане, к примеру, с энтузиазмом разыскивали «доказательства» Ветхого Завета задолго до того, как археологи сионистской школы взялись за лопаты. Послание святого Павла Галатам распространило договоренности бога с еврейскими патриархами на всех христиан, и, как следствие, в конце XIX и начале XX века в Святой Земле шагу нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на истового копателя. Среди прочих выделялся генерал Гордон, библейский фанатик, позднее убитый силами Махди в Хартуме. Уильям Олбрайт из Балтимора без конца раскапывал стены Иерихона и другие мифические артефакты. При всей примитивности тогдашней археологии, удивительно, что некоторые из этих кладоискателей слыли серьезными исследователями, а не простыми искателями приключений. Встречались и серьезные моралисты. Ролан де Во, французский археолог-доминиканец, поставил на кон само будущее своего ордена: «если история веры Израиля не найдет исторического подтверждения, она ошибочна, а с ней ошибочна и наша вера». Прямота этого признания достойна восхищения. Не пора ли принять ставку отца де Во?

Еще задолго до современных научных методов, тщательных переводов и кропотливых раскопок мыслящему человеку было вполне по силам понять, что и «откровение» на Синайской горе, и все остальное Пятикнижие суть шитые белыми нитками сказки, сочиненные гораздо позднее описываемых «событий» и лишенные не только убедительности, но и всякого правдоподобия. Невинные вопросы смысленных школьников раздражают учителей и остаются без ответа с тех пор, как Библию стали изучать в школах. Самоучка Томас Пейн, подвергаясь жестоким преследованиям со стороны ненавидевших религию французских якобинцев, привел до сих пор не опровергнутые доказательства того, что эти книги лгут, и что они не были сочинены Моисеем; что написаны они были не во времена Моисея, но несколькими столетиями позже; что они суть попытка жизнеописания Моисея и летописания его эпохи, а также эпохи более ранней, предпринятая невежественными и лживыми глупцами через несколько столетий после смерти Моисея. Так и сегодня пишут истории событий, случившихся или будто бы случившихся столетия или тысячелетия тому назад.

Начнем с того, что срединные книги Пятикнижия (Исход, Левит и Числа; в книги Бытия Моисей не упоминается) говорят о Моисее в третьем лице:

«И сказал Господь Моисею».

Можно возразить, что он предпочитал говорить о себе в третьем лице, пусть такая привычка и ассоциируется сегодня с манией величия. Но подобная интерпретация выставляет в совершенно нелепом свете отрывки вроде Чисел 12:3, где мы читаем:

«Моисей же был человек кротчайший из всех людей на земле».

Помимо абсурдности претензий на кротость, превосходящую кротость всех остальных, не стоит забывать, что почти все остальные главы описывают поведение Моисея в самых авторитарных и кровавых тонах. Либо перед нами случай клинического нарциссизма, либо лживейшая из скромностей.

Впрочем, сам Моисей, возможно, не страдал ни тем, ни другим, ибо трудно представить, как он мог бы додуматься до хитросплетений Второзакония. В этой книге введение в тему прерывается прямой речью самого Моисея, записанной с середины, затем повествование возобновляется, затем идет еще одна речь Моисея, а после нее рассказ о смерти, похоронах и величии Моисея. (Напрашивается мысль, что рассказ о похоронах написал не тот, кого хоронили. Похоже, эта мысль не пришла в голову сочинителю текста.)

Совершенно ясно то, что рассказ о похоронах был записан много лет спустя. Нам говорят, что, дожив до ста десяти лет («зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась»), Моисей взойшел на вершину горы Нево, откуда открывался прекрасный вид Земли обетованной, путь в которую ему был заказан. На горе крепость в пророке внезапно истощается, он умирает в земле Моавитской, и там же его предают погребению. «До сего дня», замечает автор, никто не знает места погребения Моисея. У Израиля, добавляет автор, более не было такого пророка. Подобные обороты речи могут означать только одно: с тех пор прошло немало времени. Получается, мы должны поверить, что «некто» похоронил Моисея. Если это был сам Моисей и опять в третьем лице, тут явно есть что-то неправдоподобное; если же его погребением занимался лично бог, то откуда об этом знать автору Второзакония? В целом автор, похоже, очень смутно представляет себе подробности описываемых событий, чего и следует ожидать от попытки восстановить полузабытое прошлое. Это, разумеется, подтверждают и бесчисленные другие анахронизмы, где Моисей говорит о «событиях» (поедание «манны» в Ханаане, конфискация гигантского одра «великана» Ога, царя Васанского), которые могли и не происходить совсем, но даже в библейской хронологии произошли через многие годы после его смерти.

Высокая вероятность того, что эта интерпретация верна, далее подкрепляется четвертой и пятой главой Второзакония, где Моисей созывает свой народ и повторно выдает ему божественные заповеди. (Здесь нет ничего особенно удивительного: Пятикнижие содержит два противоречивых рассказа о сотворении мира, две разные генеалогии семени Адамова и два описания Потопа.) В одной из этих глав Моисей пространно говорит о себе, а в другой его речь пересказывается в третьем лице. В четвертой главе заповедь не создавать кумиров расширяется до абсолютного запрета на любые «изображения» или «изваяния» любого существа, будь то человек или животное. В пятой главе повторяется содержание двух каменных скрижалей; в общих чертах оно дублирует Исход, но есть одно важное отличие. На этот раз автор забывает, что субботу надо святить потому, что бог создал небо и землю за шесть дней, а на седьмой почил. Внезапно мы узнаем, что святить субботу надо потому, что бог вывел свой народ из египетского плена.

Можно только порадоваться, что некоторые из описываемых событий, скорее всего, не

происходили на самом деле. Во Второзаконии Моисей распоряжается, чтобы родители забивали своих детей камнями за непослушание (что нарушает по крайней мере одну из заповедей) и без конца произносит фразы, свидетельствующие о душевной болезни («У кого раздавлены ятра или отрезан детородный член, тот не может войти в общество Господне»). В Числах он распекает своих военачальников за то, что во время битвы те оставили в живых слишком много мирного населения:

[...] итак убейте всех детей мужского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте, а всех детей женского пола, которые не познали мужеского ложа, оставьте в живых для себя [...]

Это далеко не самое возмутительное подстрекание к геноциду в Ветхом Завете (израильские раввины по сей день серьезно спорят о том, не является ли требование истребить амалекийян завуалированным приказом расправиться с палестинцами), однако в этом отрывке есть привкус плотских удовольствий, слишком однозначно намекающий на то, какая добыча положена воину. По крайней мере, так кажется мне, и так казалось Томасу Пейну, целью которого было не опровергнуть религию как таковую, но очистить деизм от наносной скверны в Священном Писании. Пейн писал, что перед нами «приказ перебить сыновей, перерезать матерей и насиловать дочерей». Его слова оскорбили епископа Лландаффа, одного из видных священников того времени. Бравый валлийский епископ возразил, негодуя, что из контекста вовсе не очевидно, что девушек оставили в живых для греховных утех, а не в качестве бесплатной рабочей силы. С такой придурковатой невинностью было бы грешно спорить, если бы досточтимый отец не выдал своего равнодушия к судьбе мальчиков и их матерей.

Можно прочитать Ветхий Завет от корки до корки, порой отмечая лапидарную строчку («но человек рождается на страдание», сказано в книге Иова, «как искры, чтобы устремляться вверх») или изящный стих, но повсюду наталкиваясь на одни и те же проблемы. Люди доживают до фантастического возраста, не переставая производить детей. Ничем не примечательные личности идут в рукопашную или затевают споры с богом и его посланниками, ставя под сомнение не только божественное всемогущество, но и божественный здравый смысл. Кровь невинно убиенных хлещет нескончаемой рекой. Более того, все происходящее носит удушливо местечковый характер. Ни это провинциальное племя, ни его божок не имеют ни малейшего представления о том, что мир не ограничивается пустыней, овцами, волами и насущными потребностями кочевого образа жизни. Поведение племени еще можно понять, но как быть с его всевышним поводырем и тираном? Кто кого создал по образу и подобию своему?

Глава восьмая

«Новый» Завет почище «Ветхого»

Перечитывать Ветхий Завет порой утомительно, но всегда полезно, ведь именно там появляются первые зловещие предвестья. Авраам (еще один праотец всего монотеизма) готов принести в жертву своего первенца, и ходят слухи, что «Дева во чреве примет и родит Сына». Постепенно два мифа начинают сливаться в один. При чтении Нового Завета необходимо помнить об этом. Если открыть любое из четырех Евангелий на произвольной странице, очень скоро выяснится, что то или иное действие или высказывание, приписываемое Иисусу, имело своей целью исполнить древнее пророчество. (В Евангелии от Матфея, глава 21, стих 4, о прибытии Иисуса в Иерусалим верхом на ослике говорится следующее:

«Все же сие было, да сбудется реченное через пророка».

Относится это, по-видимому, к Захарии 9:9, где написано, что Мессия приедет верхом на осле. Евреи до сих пор ждут этого события, а христиане утверждают, что оно уже состоялось.) Если такое целенаправленное исполнение предсказаний кажется вам несколько странным, я с вами охотно соглашусь. Эта странность неизбежна, поскольку, подобно Ветхому Завету, «Новый» представляет собой сборник басен, состряпанный кое-как через много лет после описываемых событий и полный импровизированных попыток связать болтающиеся концы. Для краткости я в очередной раз обращаюсь за помощью к более талантливому автору. Вот неопровержимый вердикт Генри Менкена из «Трактата о богах»:

Правда же в том, что Новый Завет, каким мы его знаем, представляет собой винегрет из более или менее разрозненных текстов. Некоторые из них, вероятно, заслуживают доверия, но есть и откровенные апокрифы, причем и те, и другие содержат явные следы позднейшей правки.

Выводы Пейна и Менкена, по разным причинам взявших на себя труд добросовестно прочитать Библию, подтверждаются последующими исследованиями, многие из которых были инициированы с целью доказать, что библейские тексты остаются важными историческими документами. Но результаты исследований пролетают мимо ушей тех, кому не требуется ничего, кроме «слова Божьего». (Нельзя не вспомнить губернатора Техаса, которого спросили, нужно ли ввести изучение Библии на испанском. «Если Христа устраивал английский, он устраивает и меня». Поистине святая простота.)

В 2004 году австралийский фашист и бездарный актер по имени Мел Гибсон снял мыльную оперетку о смерти Христа. Г-н Гибсон принадлежит к полоумной секте католических отщепенцев, состоящей, главным образом, из него самого и его отца, у которого повадки уголовника выражены еще сильнее. Однажды г-н Гибсон высказал сожаление по поводу того, что его горячо любимая жена попадет в ад, потому что неправильно принимает причастие. (Он хладнокровно назвал этот чудовищный приговор «решением шефа».) Секта г-на Гибсона проповедует неприкрытый антисемитизм, а фильм от первого до последнего кадра возлагает на евреев вину за распятие. Некоторые более осмотрительные христиане подвергли критике столь откровенное мракобесие. Несмотря на это, многие «нормальные» церкви поспешили использовать «Страсти Христовы» для вербовки новых прихожан. На одном из екуменических собраний, приуроченных к выходу фильма, г-н Гибсон, спонсор мероприятия, оправдывал свою

кинобурду («Страсти Христовы», кроме всего прочего, нашпигованы гомосексуальной эротикой с садомазохистским уклоном, а главную роль исполняет бесталанный актер, родившийся, судя по внешности, то ли в Исландии, то ли в Миннесоте) тем, что он снят по показаниям «очевидцев». Помню, я был ошеломлен тем, что в основе блокбастера, собравшего миллионы долларов, лежит столь откровенно лживое утверждение, но, похоже, никого это не заботило. Даже видные представители еврейской общественности обошли фильм едва ли не полным молчанием. Некоторые из них опасались новой вспышки застарелой ненависти, которая веками выливалась в пасхальные погромы «евреев, распявших Христа». (Ватикан формально снял с еврейского народа обвинение в «богоубийстве» только через двадцать лет после окончания Второй мировой войны.) И если уж на то пошло, было время, когда евреи сами брали на себя ответственность за распятие Христа. Маймонид называл казнь богомерзкого еретика из Назарета одним из величайших достижений еврейских старейшин. Он же настаивал на том, что имя Иисуса всегда должно сопровождаться проклятием, и утверждал, что назарянину суждено вечно вариться в кипящих экскрементах. Право, из Маймонида вышел бы первоклассный католик.

Однако Маймонид разделял заблуждение христиан, считая Евангелия хроникой в той или иной степени исторических событий. Многочисленные евангелисты — все они взялись за перо лишь через много десятков лет после смерти Христа — перечат друг другу во всех сколь-нибудь важных деталях. Матфей и Лука приводят разные подробности непорочного зачатия и разные генеалогии Христа. Их версии «бегства в Египет» прямо противоречат друг другу: Матфей сообщает, что Иосиф «во сне» получил указание бежать немедленно; Лука же пишет, что все трое оставались в Вифлееме до того, как «исполнились дни очищения их по закону Моисееву», то есть в течение сорока дней, а затем вернулись в Назарет через Иерусалим. (Кстати, если бегство в Египет с целью укрыть ребенка от кампании Ирода по избиению младенцев действительно имеет под собой какую-то историческую основу, это означает, что и Голливуд, и многие, многие иконописцы обманывают нас. Довезти до дельты Нила светловолосого голубоглазого ребенка, не привлекая внимания, было бы крайне затруднительно.)

Евангелие от Луки утверждает, что чудесное рождение Христа состоялось в год переписи, которую повелел провести император Август в интересах налогообложения, и что это произошло в то время, когда в Иудее правил Ирод, а Квириний был наместником в Сирии. Больше нигде в Библии не встречается подобная триангуляция события. При этом Ирод умер за четыре года «до Рождества Христова», а наместником в Сирии во время его правления был не Квириний. Ни один римский историк не упоминает никаких переписей во время правления Августа, однако еврейский летописец Иосиф Флавий действительно говорит об одной переписи: она не сопровождалась обременительным требованием вернуться на место рождения и проводилась через шесть лет после предположительной даты рождения Христа. Совершенно очевидно, что евангельский рассказ от начала и до конца представляет собой гораздо более позднюю реконструкцию, основанную на устной традиции и изуродовавшую «события» до полной неузнаваемости. Сочинители Евангелий расходятся даже в мифических подробностях: они предлагают радикально различные версии Нагорной проповеди, помазания Иисуса, предательства Иуды и «отречения» Петра. Что поражает больше всего, они не могут сойтись даже на общем описании распятия и воскрешения. Таким образом, мы вынуждены отбросить как минимум одну гипотезу, а именно ту, согласно которой все четыре Евангелия надиктованы Духом Святым. Источник, предположительно лежащий в основе всех четырех текстов (исследователи называют его «Q»), навсегда утерян. Удивительная небрежность со стороны бога, который его «вдохновил».

Шестьдесят лет назад в Египте, рядом с древним поселением христиан-коптов в Наг-

Хаммади, нашелся тайник с давно забытыми «евангелиями». Найденные свитки принадлежат к тому же периоду и происходят из того же региона, что и многие канонические «Евангелия». Уже много веков они известны под собирательным названием «гностические». Так их окрестил некий Ириней — раннехристианский патриарх, запретивший их как еретические. Гностические тексты включают в себя «Евангелия», т.е. рассказы о второстепенных, но значимых персонажах признанного «Нового» Завета, — таких как «Фома Неверующий» и Мария Магдалина. Теперь среди них есть и «Евангелие от Иуды», о существовании которого известно уже много веков, но лишь недавно его текст был обнаружен и весной 2006 года опубликован Национальным географическим обществом США.

Как и следовало ожидать, Евангелие от Иуды по большей части состоит из спиритуалистической околесицы, однако его взгляд на «события» все же несколько правдоподобней официальной версии. Во-первых, Евангелие от Иуды, как и другие гностические писания, утверждает, что бога «Ветхого» Завета следует бежать как огня, ибо он есть мерзостная эманация больных душ. (Нетрудно понять, почему оно навлекло на себя столь жесткие запреты и проклятия: христианская ортодоксия есть не что иное, как триумфальный финал чудовищных сказок «Ветхого» Завета.) Иуда, как положено, присутствует на Тайной вечере, но отходит от привычного сценария. Когда Иисус жалеет других апостолов за то, как мало они знают об истинном значении происходящего, отщепенец Иуда смело заявляет, что понимает, в чем проблема. «Я знаю, кто ты и откуда ты», говорит он предводителю. «Ты пришел из бессмертного царства Барбело». Это «Барбело» не бог, но небесная страна, родина по ту сторону звезд. Хотя Иисус родом из этого высшего царства, он не приходится сыном никакому ветхозаветному божеству. На самом деле он аватар Сета, третьего и менее известного сына Адама. Его миссия — показать последователям Сета дорогу домой. Признав в Иуде сочувствующего культу Сета, Иисус говорит с ним наедине и дает ему особое поручение: помочь ему освободиться от плотской оболочки и вернуться на небеса. Кроме того, он обещает показать Иуде звезды, которые укажут ему путь в том же направлении.

Даже эта ненаучная фантастика несравненно логичней вечного проклятия, наложенного на Иуду за то, чего требовала педантично выстроенная хроника предсказанной смерти. Более того, это несравненно логичней, чем до скончания века проклипать евреев. Жаркие дебаты о том, какие «евангелия» следует считать боговдохновенными, тянулись веками. Разные люди предлагали разные каноны, и разрешение спора потребовало немалых человеческих жертв. Никто не осмелился сказать, что все они были сочинены людьми через многие годы после окончания заявленной драмы, и что «Откровение» Святого Иоанна, похоже, угодило в канон только из-за (довольно распространенного) имени автора. Но, как писал Хорхе Луис Борхес, если бы верх в этом споре одержали александрийские гностики, через много веков какой-нибудь Данте подарил бы нам гипнотически прекрасное описание чудес Барбело. «Сланцами Борхеса» назвал бы я творческую энергию и силу воображения, необходимую для того, чтобы представить сквозное сечение ветвей и кустов религиозной эволюции, каждый из которых вполне мог бы расти из другого ствола (другой строки, мелодии, стихотворения). Царство Барбело, мог бы добавить Борхес, славил бы величественные своды, шпили и гимны, и опытные инквизиторы сутками занимались бы теми, кто сомневался в его существовании: начиная с ногтей и — все более изобретательно — до самых яичек, влагалища, глаз и внутренних органов. Соответственно, неверие в Барбело считалось бы верным признаком полнейшей безнравственности.

Лучший из известных мне аргументов в пользу крайне сомнительной историчности Христа таков. Его неграмотные апостолы не оставили нам никаких записей, да и в любом случае, не могли быть «христианами», поскольку им не довелось читать написанные позднее книги,

верить которым обязан всякий христианин. Кроме того, у них и в мыслях не было, что на словах их учителя кто-нибудь возведет церковь. (Да и в Евангелиях едва ли можно найти указания на то, что Иисус хотел стать основателем церкви.)

Но как бы то ни было, сумбурные пророчества «Ветхого» Завета обещают, что Мессия родится в городе Давида. Этим городом, похоже, действительно был Вифлеем. Однако родители Иисуса, судя по всему, жили в Назарете, и ребенок, если он у них был, вероятней всего, появился на свет именно там. Так возникло невероятное количество вымысла об Августе, Ироде и Квиринии, призванного создать легенду о переписи и перенести сцену рождения в Вифлеем (в этой сцене, кстати, не фигурирует никакой хлев). Но к чему такие ухищрения, если можно было просто написать, что Иисус родился в Вифлееме? Возможно, отчаянные попытки подправить историю — это косвенное доказательство того, что некто, позднее ставший важной фигурой, родился на самом деле, и имеющиеся свидетельства пришлось задним числом подгонять под древние пророчества. Однако моя чистосердечная попытка быть беспристрастным наталкивается на Евангелие от Иоанна, согласно которому Иисус не родился в Вифлееме и не происходил из рода царя Давида. Если даже апостолы не знают фактов или не могут прийти к согласию, что толку от моего анализа? И раз уж речь зашла о царственных предках Иисуса: если они так важны, к чему потом расписывать его бедняцкое рождение? Почти в каждой религии, от буддизма до ислама, найдется неимущий пророк или принц, переходящий на сторону бедноты, но это чистой воды популизм. Вполне естественно, что религии в первую очередь обращаются к большинству — нищему, пугливому и темному.

Противоречиям и ляпам Нового Завета посвящено немало книг, написанных именитыми учеными, и никаких объяснений, кроме жалких ссылок на «метафоричность» и «Христа чистой веры», христианские светила пока не предложили. Слабость их аргументации вызвана тем, что до недавнего времени христиане могли без лишних разговоров сжечь или утихомирить любого, кто задавал неудобные вопросы. Тем не менее Евангелия полезны как очередная демонстрация того, что явствует из предыдущих книг: религия создана человеком. «Закон дан чрез Моисея», пишет Иоанн; «благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа». Матфей пытается доказать примерно то же самое. Он привязывает всю евангельскую историю к нескольким строчкам из Книги пророка Исайи, который — за восемьсот лет до так и не установленной даты рождения Христа — сказал царю Ахазу: «Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет и родит Сына». Из этого Ахаз заключил, что ему будет дарована победа над врагами (чего так и не произошло — даже если рассматривать этот эпизод в широком историческом контексте). Картина продолжает меняться, стоит нам вспомнить, что слово, переведенное как «дева», а именно «альмах», не означает ничего, кроме «молодой женщины». Как бы то ни было, млекопитающее *homo sapiens* не способно к партеногенезу, и даже если одной матери удалось бы обойти этот запрет, это не стало бы доказательством божественной природы младенца. Таким образом, религия, как обычно, пытается доказать слишком многое и тем вызывает подозрения. Следуя зеркальной аналогии, Нагорная проповедь воспроизводит Моисея на горе Синай, а безымянные слушатели Иисуса исполняют роль еврейского народа, повсюду следовавшего за Моисеем. Таким образом, пророчество исполняется — в глазах тех, кто не замечает или кого не заботит такое «обратное проектирование». Лишь в одном из Евангелий короткий отрывок (именно за него с радостью ухватился Мел Гибсон), дублируя поведение бога на Синае, вкладывает в уста раввинов требование возложить вину за кровь Иисуса на все последующие поколения евреев, — требование, явно выходящее за пределы их власти и полномочий.

Однако легенда о непорочном зачатии — лучшее доказательство участия человеческой фантазии. Иисус делает громкие заявления о божественности своего отца, но, ни единым словом

не упоминает (настоящей или бывшей) девственности своей матери. Всякий раз, когда она, по обыкновению еврейских матерей, пытается узнать, как у него дела, он проявляет крайнюю грубость и черствость. Сама Мария, похоже, не помнит ни архангела Гавриила, ни роя ангелов, совместно объявивших ей о том, что она божья мать. По всем свидетельствам, действия сына вызывают у нее изумление, а то и шок. Зачем он разговаривает с мудрецами в храме? Что он имеет в виду, холодно напоминая ей, что ему должно быть в том, что принадлежит его отцу? Столь короткая материнская память поистине поразительна, особенно у единственной женщины, которой довелось забеременеть, минуя известную предварительную процедуру. Лука в одном месте даже характерно оговаривается, называя «родителями Иисуса» Иосифа и Марию, пришедших в храм для ритуального очищения Марии. В храме, кстати, их приветствует старец Симеон со своим чудесным «Nunc dimittis»^[9] (еще один из моих любимых церковных хитов), что, в свою очередь, может быть сознательной аллюзией на последний взгляд, которым престарелый Моисей окинул Землю Обетованную.

Можно вспомнить и поразительную историю с многочисленным потомством Марии. Матфей сообщает (13:55–57), что у Иисуса было четыре брата и некоторое количество сестер. В Евангелии от Иакова, которое не входит в канон, но при этом не считается еретическим, рассказывается, что Иисус имел брата-тезку, который параллельно вел активную деятельность в религиозных кругах. Можно допустить, что Мария «понесла во чреве», будучи нетронутой девственницей, и родила одного ребенка (что, разумеется, в некотором смысле умалило ее нетронутость). Но как смириться с тем, что она продолжила рожать детей — от мужчины Иосифа, фигурирующего только в косвенной речи, — и довела святое семейство до таких размеров, что они бросались в глаза «очевидцам»?

Эта почти табуированная и почти сексуальная дилемма также была решена задним числом, причем на этот раз через много веков после раннехристианских соборов, на которых «синоптические» евангелия лихорадочно отделялись от «апокрифов». Было решено, что сама Мария (о рождении которой нет ни слова ни в одной священной книге), появилась на свет в результате более раннего непорочного зачатия, снабдившего ее иммунитетом против всякой скверны. Также было решено, что Мария не умерла: в самом деле, смерть — расплата за грехи, а Мария не могла грешить по определению. Так появился догмат о «Вознесении», утверждающий на пустом месте, что именно пустое место, а не могила, осталось на земле после того, как Мария живьем отправилась на небеса. Заслуживают интереса даты принятия этих эдиктов, грандиозных в своей изобретательности. Доктрину о непорочном зачатии Девы Марии Рим огласил или открыл в 1852 году, а догмат о ее вознесении — в 1951-м. «Сделано человеком» не всегда означает «сделано без ума». Надо отдать должное героическим попыткам спасти бесповоротно тонущее судно. Но при всей «вдохновенности» этих церковных постановлений едва ли стоит оскорблять божество утверждениями, что сие вдохновение — от него.

Не только текст Ветхого Завета нашпигован фантазиями и астрологией (солнце остановилось, чтобы Иисус Навин мог довести до конца свою резню в так и не найденном месте). Христианские писания полны небесных знамений (начиная с той самой звезды над Вифлеемом), колдунов и знахарей. Многие деяния и речения Иисуса вполне безобидны; прежде всего, это относится к «заповедям блаженства» с их беспочвенными фантазиями о кротких и миротворцах. Однако многие другие лишены смысла и свидетельствуют о вере в магию, некоторые абсурдны и говорят о примитивном понимании сельского хозяйства (сюда относятся все упоминания пашен и посевов, а также все аллегорические смоковницы), а многие откровенно аморальны. К примеру, уподобление людей полевым лилиям, как и многие другие наставления Иисуса, подразумевает, что бережливость, изобретательность, семейная жизнь и тому подобное — пустая трата времени. («Не заботьтесь о завтрашнем дне».) Поэтому

некоторые Евангелия, как синоптические, так и апокрифические, сообщают, что современники (включая членов его семьи) думали, что Иисус сошел с ума. Были и те, кто замечал в его поведении признаки еврейской ортодоксии: Евангелие от Матфея (15:21–28) рассказывает о том, как он пренебрег женщиной из Ханаана, умолявшей его изгнать бесов из ее дочери. Иисус отрезал, что не собирается тратить сил на нееврейку. (В конце концов ученики и настойчивость женщины уговорили его смягчиться и прогнать «демона».) На мой взгляд, такие своеобразные эпизоды — еще одно косвенное доказательство, что у Христа действительно был некий исторический прототип. По Палестине в то время бродило немало пророков, но этот очевидно считал себя — по крайней мере, время от времени — богом или сыном бога. И этим все объясняется. Достаточно допустить, что он верил в это сам и что обещал ученикам наступление своего царства еще при их жизни, как почти все его афоризмы, внезапно обретают подобие смысла. Откровенней всего об этом написал Клайв Льюис (согласно недавним опросам, самый популярный пропагандист христианства) в книге «Просто христианство». В интересующем нас отрывке Льюис комментирует готовность Иисуса брать на себя чужие грехи:

Если говорящий не Бог, это заявление поистине смехотворно. Мы все понимаем, что человек может простить зло, причиненное лично ему. Вы наступаете мне на ногу, и я вас прощаю; вы крадете мои деньги, и я вас прощаю. Но как понимать человека, которого никто не грабил и чьих ног никто не топтал, но заявляющего при этом, что он простил вам топтание чужих ног и кражу чужих денег? Чушь собачья — вот самое мягкое определение для таких заявлений. Но именно это сказал Иисус. Он говорил людям, что их грехи прощены, не советуясь с теми, кто пострадал от их прегрешений. Он без тени сомнения вел себя так, словно все их проступки были прежде всего проступками против Него. Такое поведение оправдано только в том случае, если он действительно был Богом, а потому всякий грех нарушал Его законы и отвергал Его любовь. Те же слова в устах любого другого я не могу назвать ничем иным, кроме глупости и самомнения, каких не найти ни у какой другой исторической фигуры.

Можно отметить, что Льюис считает Иисуса «исторической фигурой» в отсутствие каких-либо веских доказательств, но оставим это в стороне. Отдадим ему должное за то, что он принимает логику и мораль сказанного. Льюис не церемонится с теми, кто полагает, что Иисус мог быть великим учителем нравственности, не имея божественной природы (к таким людям, кстати, относил себя и деист Томас Джефферсон):

Но этого мы сказать не можем. Обыкновенный человек, говоривший то, что говорил Иисус, не был бы великим учителем нравственности. Он был бы душевнобольным — наравне с теми, кто считает себя яйцом в мешочек, — или же дьяволом. Другого выбора нет. Либо этот человек был и остается Сыном Божиим, либо он был, в лучшем случае, безумцем. Можно отмахнуться от него, как от идиота; можно плевать в Него и убить Его, как беса; можно упасть к Его ногам и называть Его Господом Богом. Так что забудем снисходительный вздор о том, что он был великим учителем нравственности. Он не оставил нам возможности такого истолкования. Это не входило в его намерения.

Заметьте: я не ищу противника посговорчивей. Льюис — самый ходовой христианский пропагандист современности. Еще в меньшей степени я принимаю такие сверхъестественные категории, как «дьявол» и «бес». Менее же всего я готов принять его умозаключения,

скудомыслие которых поражает воображение: он берет ложную альтернативу, подает ее, как единственно возможную, и грубо делает из нее неправомерный вывод. («Мне представляется очевидным, что Он не был ни душевнобольным, ни демоном; следовательно, сколь бы странным, ужасным или маловероятным это ни казалось, я вынужден признать, что Он был и остается Богом».) Однако я отдаю должное его честности и даже некоторой смелости. Либо Евангелиям можно верить на слово, либо все это одно большое надувательство, причем, возможно, безнравственное надувательство. Что ж, из текста самих Евангелий совершенно очевидно, что им нельзя верить на слово. Многие «изречения» и наставления Иисуса дошли до нас через длинную цепочку людской молвы, что объясняет многочисленные нестыковки и противоречия. Самые вопиющие из них — по крайней мере, с исторической точки зрения и, уж во всяком случае, с точки зрения верующих — связаны со временем его второго пришествия и его полным равнодушием к основанию какой-либо посюсторонней церкви. Первые христианские епископы, жалевшие, что не попали в число очевидцев, охотно ссылаются на неканонические поучения Христа — даже не из вторых, а из третьих рук. Приведу один показательный пример. Через много лет после того, как Льюис отправился пожинать плоды своих стараний, один очень серьезный молодой человек по имени Бартон Эрман решил проверить свои фундаменталистские взгляды. Он учился в двух самых известных христианских академиях США. Фундаменталисты считали его своим. Исследования Эрмана, хорошо владеющего древнегреческим и древнееврейским (сейчас он возглавляет факультет религиоведения), несколько разошлись с его верой. К собственному изумлению, он обнаружил, что некоторые широко известные истории из жизни Иисуса были вписаны в канон гораздо позднее, и что это касается, пожалуй, самой известной из них.

Я имею в виду знаменитый эпизод с женщиной, совершившей прелюбодеяние (Евангелие от Иоанна 8:3-11). Кто не слышал или не читал, как казуисты-фарисеи приволокли несчастную к Иисусу, желая знать, согласен ли он, что ее следует забить камнями в соответствии с законом Моисея? Если нет, он нарушит закон. Если да, он выставит на посмеище собственное учение. Нетрудно представить, с каким гнусным остервенением эта публика набросилась на женщину. А спокойный ответ (после писания перстом на земле) — «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень» — навсегда вошел в нашу литературу и наше сознание.

Этот эпизод не остался без внимания кинематографа. Он мелькает в дешевой поделке Мела Гибсона. В «Докторе Живаго» Дэвида Лина он появляется в чудесной сцене разговора отчаявшейся Лары и священника, который спрашивает ее, что сказал Иисус грешнице. «Иди и впредь не греши», — отвечает она. «И она послушалась?» — гневно вопрошает священник. «Я не знаю, Отец». «Никто не знает», — говорит священник, от чего Ларе вряд ли становится легче.

Воистину, никто не знает. Еще задолго до того, как я прочитал Эрмана, у меня имелись кое-какие вопросы. Если Новый Завет продолжает дело Моисея, зачем подрывать кровожадные законы Пятикнижия? Пусть око за око, зуб за зуб и истребление ведьм — это варварство и глупость, но если право вершить суд имеют только те, кто без греха, как несовершенное общество вообще может наказывать преступников? Нам всем бы пришлось лицемерить. И по какому праву Иисус «простил» грешницу? Резонно предположить, что где-то в городе рвала и метала как минимум одна обманутая жена или негодовал обманутый муж. Неужели христианство проповедует половую распущенность? Если так, то до сих пор его понимали очень неправильно. А что писалось перстом на земле? Опять же, никто не знает. Кроме того, в тексте говорится, что после того, как фарисеи растаяли вместе с толпой (надо понимать, от стыда), кроме Иисуса и женщины никого не осталось. Кто, в таком случае, пересказывает нам его слова? Впрочем, несмотря на все это, история казалась мне не лишенной прелести.

Профессор Эрман идет дальше. Он задает не менее очевидные вопросы. Если женщина

«взята в прелюбодеянии», т.е. на месте преступления, где ее партнер? Моисеев закон, данный в книге Левита, недвусмысленно требует казни для обоих. В какой-то момент я понял, в чем секрет очарования этой сцены: в дрожащей фигурке девушки, увидевшей приветливое лицо после злобной брани и цепких лап сексуально озабоченных фанатиков. Что же до писания на земле, то Эрман приводит древнюю легенду, согласно которой Иисус выводил в пыли известные прегрешения присутствующих, от чего они краснели, мялись и поспешно удалялись восвояси. Мне по душе эта версия, хоть она и предполагает степень мирского любопытства к чужим любовным похождениям (а также предвидения), вызывающую дополнительные вопросы.

Надо всем этим довлеет шокирующее признание Эрмана:

Этот эпизод отсутствует в самых ранних и лучших списках Евангелия от Иоанна. Его стиль сильно отличается от остального текста Евангелия (включая окружающие эпизоды). Он содержит значительное число слов и выражений, которые больше нигде в этом Евангелии не встречаются. Вывод может быть только один: этого отрывка не было в первоначальном тексте.

Мой источник и на этот раз дает «показания против самого себя»: иными словами, это свидетельство человека, начавшего свои научные и интеллектуальные изыскания вовсе не для того, чтобы поставить под сомнение Священное Писание. Адвокаты целостности, достоверности и «боговдохновенности» Библии уже давно проиграли дело, и новые исследования лишь разносят в пух и прах последние ошметки их аргументации, а стало быть, не стоит рассчитывать на библейское «откровение». Пусть защитники религии всецело полагаются на веру, и пусть им хватит смелости признаться в этом.

Наш анализ показал, что дела и «изречения» Моисея, Авраама и Иисуса дошли до нас из крайне ненадежных источников и полны противоречий, а нередко и безнравственны. На очереди откровение, которое многие считают последним: Коран («чтение вслух») пророка Мухаммеда. И здесь действует ангел (или архангел) Гавриил, диктующий суры (стихи) малообразованному или вовсе не образованному человеку. И здесь есть история о всемирном потопе и запрет на идолопоклонство. И здесь первое откровение получают евреи, и они же первыми отвергают его. Наконец, и у этого текста имеется обширное приложение из сомнительных преданий о поступках и изречениях Пророка, на этот раз известное как «хадисы».

Ислам — одновременно и наиболее и наименее интересная из монотеистических религий. Он собран по кусочкам из своих примитивных иудео-христианских предшественников. Следовательно, любые аргументы против них — аргументы и против ислама. Его основополагающий текст повествует о таком же поразительно мелком мирке с его чрезвычайно занудными местечковыми склоками. Ни один из первоначальных источников невозможно сличить с древнееврейскими, греческими или латинскими текстами. Почти все основано на устной традиции, и все записано по-арабски. Более того, многие авторитеты полагают, что Коран можно читать только на этом языке, изобилующем идиоматическими вариациями и диалектами. Напрашивается абсурдный и потенциально опасный вывод о том, что бог не владел другими языками.

Передо мной лежит чрезвычайно елейная книга под названием «Знакомство с Мухаммедом», написанная двумя британскими мусульманами в надежде продемонстрировать Западу приветливое лицо ислама. При всем подобострастии и тщательном отборе материала, даже они настаивают на том, что

«поскольку Коран есть буквальное Слово Божье, он является Кораном только в оригинальном тексте, открытом Пророку. Никакой перевод не может быть Кораном — той неповторимой симфонией, „чей звук доводит до слез мужчин и женщин“. Любой перевод — всего лишь попытка дать самое общее представление о значении слов Корана. Поэтому все мусульмане, на каком бы языке они ни говорили, всегда декламируют Коран в арабском оригинале».

Затем авторы книги крайне нелестно отзываются о переводе Н. Давуда, опубликованном издательством *Penguin*. Меня это, конечно, радует, поскольку я всегда использовал перевод Пиктоллы, но отнюдь не убеждает, что я не смог бы обратиться в веру, не выучив другой язык. Тем более, и на моей собственной родине найдется прекрасная поэтическая традиция, которая мне, увы, не доступна, поскольку я никогда не овладею восхитительным гэльским языком. Даже если бог араб или был арабом (предположение небезопасное), каким образом он рассчитывал «открыться» через неграмотного человека, в принципе неспособного передать его слова в неизмененном (не говоря уже о неизменяемом) виде?

Это обстоятельство важнее, чем может показаться. Благовещение в Коране, адресованное существу предельной простоты и невежества, имеет для мусульман примерно такую же ценность, как «немогущий сосуд» девы Марии — для христиан. Кроме того, оно обладает теми же полезными свойствами: его невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Из того, что

Мария говорила по-арамейски, а Мухаммед — по-арабски, можно, пожалуй, заключить, что бог все-таки многоязычен и может говорить на любом языке. (В обоих случаях он предпочел использовать в качестве носителя благовестий архангела Гавриила.) Показательно, однако, что все религии стойко противились любым попыткам перевести их священные тексты на язык, «удобопонятный народу», выражаясь языком молитвенника Кранмера. Не было бы никакой протестантской Реформации, если бы долгая борьба за перевод Библии на «вульгарные наречия» не увенчалась успехом и не нарушила монополию священников. За попытки перевести Библию преследовали и сжигали таких набожных людей, как Уиклиф, Ковердейл и Тиндейл. Католическая церковь так и не оправилась от утраты таинственной латинской мессы, да и основные протестантские церкви много потеряли, переложив свои Библии на более обиходный язык. Некоторые иудейские мистики по-прежнему признают только древнееврейский оригинал и играют в каббалистические ребусы с текстом (включая пробелы), но и большинство евреев уже отказалось от якобы неизменных ритуалов древности. Чары священства разрушены. Только в исламе до сих пор не было реформации, и по сей день любые переводы Корана на местные языки обязательно печатаются с параллельным арабским текстом. Это должно вызвать подозрения и у последнего тугодума.

Исламские завоевания, поражающие своим размахом, скоростью и решительностью, могут навести на мысль, что в этих арабских заклинаниях что-то есть. Но если вы принимаете эту дешевую мирскую победу за доказательство, вы должны принять и утопавшее в чужой крови племя Иисуса Навина, и христианских крестоносцев и конкистадоров. Есть и другое возражение. Все религии стараются либо заткнуть рот сомневающимся, либо расправиться с ними (я склонен думать, что эта хроническая тенденция свидетельствует не о силе, а о слабости религии). Однако ни иудаизм, ни христианство уже давно не прибегают к пыткам и цензуре открыто. Ислам же не только начал с того, что приговорил всех сомневающихся к адскому пламени, но до сих пор оставляет за собой право выносить такие приговоры во всех своих владениях, и до сих пор учит, что эти владения можно и должно расширять огнем и мечом. На протяжении всей истории ислама любая попытка поставить под вопрос или хотя бы проанализировать его догмы влекла за собой немедленные и жесточайшие репрессии. Уже из одного этого можно заключить, что под внешним единством и самонадеянностью ислама кроются глубокие и, вероятно, оправданные сомнения. Стоит ли добавлять, что кровавые распри всегда бушевали и между различными течениями самого ислама, выливаясь в строго внутриисламские обвинения в ереси и богохульстве, а также в чудовищное насилие.

Эта религия так же чужда мне, как и многим миллионам других людей, которые находят маловероятным, что бог (через посредника) дал неграмотному человеку команду «читать». Но я искренне пытался найти в ней достоинства. Как я уже сказал, много лет назад я приобрел Коран в переводе Мармадюка Пиктолла. Авторитетные улемы, т.е. мусульманские богословы, признали его наиболее близким к оригиналу переложением на английский язык. Я присутствовал на бесчисленных собраниях — от пятничных молитв в Тегеране до мечетей в Дамаске, Иерусалиме, Дохе, Стамбуле и Вашингтоне — и готов подтвердить, что «чтение вслух» на арабском языке, судя по всему, действительно способно приводить тех, кто его слышит, в состояние блаженства или ярости. (Я также присутствовал на молитвах в Малайзии, Индонезии и Боснии. Мусульман этих стран, где не говорят по-арабски, раздражает привилегированное положение арабов, арабского языка, а также арабских движений и режимов в религии, претендующей на универсальность.) Принимая в собственном доме Сайда Хусейна Хомейни, внука аятоллы и муфтия из священного города Кум, я бережно протянул ему свой экземпляр Корана. Он поцеловал книгу, долго и почтительно говорил о ней и, для моего сведения, написал на задней стороне обложки стихи Корана, которые, по его мнению,

опровергали претензии деда на теократию, а также отменяли его смертный приговор Салману Рушди. Не мне судить, кто прав в этом споре. Однако мне уже приходилось видеть, как разные люди извлекают разные заповеди из одного текста. Не стоит переоценивать мнимую глубину исламских истин. Тот, кто знает пороки одной религии, знает пороки всех остальных.

За двадцать пять лет дебатов, нередко жарких, в Вашингтоне мне лишь один раз грозило физическое насилие. Это случилось во время ужина с членами и сторонниками клинтоновской администрации. Один из присутствующих, в то время видный специалист по общественному мнению и финансированию предвыборных кампаний, расспрашивал меня о недавней поездке на Ближний Восток. Он желал знать мой ответ на вопрос, почему мусульмане столь «безбашенные фундаменталисты». Я выдал свой стандартный набор объяснений, добавив, что многие забывают, что ислам — сравнительно молодая религия и с юношеским пылом доказывает собственную правоту. Кризис и сомнения, охватившие западное христианство, — не для мусульман. Еще я добавил, что, например, по сравнению с Иисусом, о жизни которого нет почти никаких исторических свидетельств, пророк Мухаммед — фигура вполне историческая. Мой собеседник мгновенно переменился в лице. Завопив, что Иисус Христос сделал для человечества больше, чем я способен себе представить, и что моя легкомысленная болтовня в высшей степени омерзительна, он занес ногу для удара, от которого его удержало только чувство приличия — надо полагать, его христианство. После этого он удалился, приказав жене следовать за ним.

Я чувствую теперь, что должен хотя бы наполовину извиниться перед ним. Нам действительно известно, что человек по имени Мухаммед почти наверняка существовал в заявленном времени и пространстве, но в остальном мы сталкиваемся с той же проблемой, что и в предыдущих случаях. Рассказы о делах и словах Мухаммеда были собраны много лет спустя, когда шкурные интересы, слухи и отсутствие письменных свидетельств уже безнадежно все запутали.

В истории Мухаммеда мало сюрпризов, даже если вы не слышали ее раньше. В VII веке некоторые жители Мекки исповедовали религию Авраама и даже верили, что Авраам лично построил их храм, Каабу. Рассказывают, что сам храм (большую часть его первоначального убранства позже уничтожили фундаменталисты — прежде всего ваххабиты) был осквернен идолопоклонством. Среди «ханифов», «отвернувшихся» от храма в поисках другого утешения, был и Мухаммед, сын Абдуллы. (Книга пророка Исайи также призывает истинно верующих «отходить» и изолироваться от нечестивых.) Удалившись в пещеру на горе Хира во время Рамадана, месяца зноя, и пребывая «во сне или трансе» (цитата из комментариев Пиктоллы), Мухаммед услышал голос, повелевавший ему читать. Дважды он отвечал, что не умеет читать, и трижды слышал тот же приказ. В конце концов он спросил, что читать, и получил дальнейшие приказания от имени властителя, «сотворившего человека из сгустка крови». После того, как архангел Гавриил (так он представился) поведал Мухаммеду, что ему суждено стать посланцем Аллаха, и удалился, Мухаммед рассказал все своей жене Хадидже. Когда они вернулись в Мекку, Хадиджа отвела Мухаммеда к своему двоюродному брату, старику по имени Варака ибн Науфаль, «который знал писания евреев и христиан». Этот усатый ветеран заявил, что божественный посланец, некогда посетивший Моисея, объявился снова на горе Хира. С того момента Мухаммед принял скромный титул «Раб Аллаха» («Аллах» по-арабски не что иное, как «бог»).

Поначалу рассказы Мухаммеда не заинтересовали никого, кроме жадных хранителей храма в Мекке, которые видели в нем угрозу своим заработкам на паломниках, и ученых евреев из Ятриба в двухстах милях от Мекки, которые за некоторое время до того провозгласили пришествие Мессии. Первые постепенно стали более опасны, а вторые — более расположены к

Мухаммеду, в результате чего он предпринял поездку (хиджру) в Ятриб, ныне известный как Медина. Его бегство в Медину считается официальным началом эры ислама. Но как и в случае с Иисусом, прибытие которого из Назарета начиналось жизнерадостными знамениями с небес, все это кончилось очень скверно: аравийские евреи поняли, что их ожидания в очередной раз обмануты, и не исключено, что обмануты намеренно.

Согласно Карен Армстронг, чей анализ полон сочувствия — чтобы не сказать восхваления — исламу, арабов того времени уязвляло то, что история прошла мимо них. Бог являлся христианам и евреям, «но арабам он не посылал ни пророка, ни писания на их языке». Таким образом, хотя Армстронг и не говорит этого прямым текстом, арабы давно созрели для собственного откровения. Заполучив такое откровение, Мухаммед не намеревался мириться с утверждениями иноверцев о его вторичности. Вполне в духе Ветхого Завета, хроника его карьеры в VII веке скоро оборачивается перечислением злобных распри нескольких сотен, иногда нескольких тысяч невежественных обитателей деревень и заштатных городков, и перст божий решает и улаживает местечковые споры. Как уже случилось однажды с рассказами о первобытной резне в Синае и Ханаане (которые также не подтверждаются никакими независимыми источниками), в заложниках у «судьбоносного характера» этих безобразных склок оказались миллионы людей.

Не вполне ясно, можно ли вообще считать ислам отдельной религией. Поначалу он удовлетворял потребность арабов в собственном вероучении и навсегда связан с их языком и с их впечатляющими завоеваниями. Их военные успехи, пусть и не столь поразительные, как победы молодого Александра Македонского, несомненно, наводили на мысль о всевышней поддержке, пока не застопорились на окраинах Балкан и Средиземноморья. Но при подробном рассмотрении ислам не более, чем набор очевидных заимствований, кое-как собранный из подходящих фрагментов более ранних книг и традиций. Иными словами, ислам вовсе не был, по великодушному выражению Эрнеста Ренана, «рожден в ясном свете истории». Его происхождение столь же туманно и условно, как и источники, которыми он воспользовался. Ислам претендует на очень многое. Он не просто требует рабской покорности от своих последователей, но и ожидает почтительного отношения от всех остальных. В его учении нет ничего, абсолютно ничего, что могло бы хоть как-то оправдать подобные претензии и высокомерие.

Пророк умер в 632 году по нашему приблизительному летосчислению. Через целых сто двадцать лет Ибн Исхак составил его первое жизнеописание, оригинал которого утерян и доступен лишь в переработанном варианте Ибн Хишама, умершего в 834 году.

К этим слухам и неясностям можно добавить, что у нас нет надежной информации ни о том, как последователи Пророка составляли Коран, ни о том, как возник канон изречений Мухаммеда (некоторые из них были записаны его личными писцами). Эта знакомая проблема усугубляется — даже больше, чем в христианстве, — вопросом наследования. В отличие от Иисуса, который, судя по всему, намеревался очень скоро вернуться на землю и (какой бы вздор ни нес Дэн Браун) не оставил известных наследников, Мухаммед был не только военачальником и политиком, но и, в отличие от Александра Македонского, многодетным отцом. Однако кому передать свои бразды он не распорядился. Борьба за первенство началась почти сразу после его смерти. Как следствие, ислам претерпел свой первый крупный раскол — на суннитов и шиитов — еще до того, как стал полноценной религиозной системой. В этом расколе нам ни к чему занимать чью-либо сторону, хотя и можно отметить, что, по крайней мере, одна из интерпретаций должна быть ошибочной. А первоначальное отождествление ислама с ранним халифатом, состоявшим из несговорчивых наследников Мухаммеда, с самого начала подчеркивало его человеческое происхождение.

Некоторые исламские авторитеты рассказывают, что во время первого халифата Абу Бакра, сразу после смерти Мухаммеда, возникли опасения, что передававшиеся из уст в уста слова Пророка могут позабыться. В боях пало столько мусульманских воинов, что число тех, кто хранил Коран в памяти, сократилось до критических размеров. Посему было решено собрать всех живых свидетелей, а также «бумагу, камни, пальмовые листья, лопатки, ребра и кусочки кожи», на которых были выцарапаны изречения Пророка, и поручить Зайду ибн Сабиту, одному из писцов Мухаммеда, свести их воедино. Когда это было сделано, у мусульман появилось нечто вроде официального канона.

Если все произошло именно так, Коран возник довольно скоро после смерти Мухаммеда. Но, как тут же выясняется, истинность этого рассказа под вопросом. Некоторые полагают, что идея собрать слова Пророка пришла в голову Али — четвертому, а не первому халифу, основателю шиизма. Многие другие, а именно суннитское большинство, утверждают, что окончательное решение принял халиф Усман, правивший с 644 по 656 год. Узнав от одного из своих военачальников, что воины из разных провинций дерутся из-за расхождений в разных версиях Корана, Усман приказал Зайду ибн Сабиту собрать все имеющиеся тексты, унифицировать их и свести в один. Когда это задание было выполнено, Усман приказал послать единообразные копии в Куфу, Басру, Дамаск и другие города, а оригинал хранить в Медине. Таким образом, Усман сыграл ту же роль в создании исламского канона, что Ириней Лионский и епископ Александрийский Афанасий сыграли в стандартизации, чистке и цензуре христианской Библии. Одни тексты были объявлены священными и непогрешимыми; другие стали «апокрифами». Усман даже превзошел Афанасия, повелев сжечь все более ранние и альтернативные тексты.

Такая версия событий, если она верна, не оставляет исследователям ни малейшей возможности установить и даже предположить, что на самом деле происходило во времена Мухаммеда. В придачу ко всему, попытка Усмана ликвидировать разногласия была тщетна. У арабского письма есть две особенности, из-за которых его нелегко выучить непосвященному: оно различает такие согласные, как «б» и «т», при помощи точек, и в первоначальной его форме не было символов для коротких согласных — они могли обозначаться различными черточками или запятыми. Такая вариативность порождает совершенно разные прочтения усмановского канона. Стандартизация арабского алфавита произошла лишь во второй половине IX столетия; до той поры отсутствующие точки и блуждающие гласные Корана плодили радикально различные интерпретации. Разночтения продолжаются до сих пор. В случае «Илиады» это не проблема, но не забывайте, что мы говорим о непреложном (и окончательном) слове божьем. Существует явная связь между абсолютной беспочвенностью этой догмы и фанатичной уверенностью, с которой она проповедуется. Вот лишь один пример, который едва ли можно назвать незначительным: арабская надпись на Куполе Скалы в Иерусалиме отличается от всего, что можно найти в Коране.

Положение становится еще более шатким и печальным, когда речь заходит о хадисах. Это обширное приложение к Корану состоит из устных преданий, якобы излагающих слова и дела Мухаммеда, историю создания Корана, а также изречения «спутников Пророка». Хадис признается подлинным только в том случае, если подкреплён «иснадом» (цепочкой) якобы надежных свидетелей. Многие мусульмане руководствуются этими анекдотами в повседневной жизни. Собака, к примеру, считается нечистым животным лишь на том основании, что так будто бы считал Мухаммед. (В моей любимой легенде все наоборот: рассказывают, что Пророк отрезал длинный рукав своего одеяния, лишь бы не потревожить дремавшего на нем кота. Как правило, кошки в мусульманских странах избегали ужасного обращения, которому подвергались в христианских владениях, где в них часто видели демонических фамилиаров

ведьм.)

Как и следовало ожидать, все шесть канонических собраний хадисов, плетущих толстый клубок иснадов («А слышал от Б, которому сказал В, узнавший об этом от Г») и громоздящих слух на слухе, были составлены через столетия после описываемых событий. Аль-Бухари, один из наиболее прославленных составителей, умер через 238 лет после смерти Мухаммеда. Среди мусульман Аль-Бухари славится необыкновенно честным и заслуживающим доверия. Такую репутацию он, очевидно, заслужил тем, что за свою жизнь, целиком посвященную хадисам, собрал триста тысяч свидетельств, из которых двести тысяч отверг как негодные и недоказанные. После дальнейшего исключения сомнительных преданий и подозрительных иснадов общее число хадисов снизилось до десяти тысяч. Если желаете, можете верить в то, что из этой бесформенной массы неграмотных и полузабытых свидетельств благочестивый Аль-Бухари по прошествии более двух веков сумел отобрать лишь те, что избежали извращений.

Отсеять некоторые из этих кандидатов на подлинность, пожалуй, было не так уж трудно. Венгерский исследователь Игнац Гольдциер, чьи слова приводятся в недавней работе Резы Аслана, одним из первых показал, что многие хадисы суть не что иное, как

«стихи из Торы и Евангелий, обрывки изречений раввинов, древние персидские афоризмы, отрывки из греческих философов, индийские пословицы и даже „Отче наш“, воспроизведенный почти слово в слово».

В хадисах можно отыскать огромные куски более-менее прямых цитат из Библии, включая притчу о нанятых в последний момент рабочих и слова «пусть левая рука твоя не знает, что делает правая». Последний пример означает, что этот образец мнимого глубокомыслия встречается сразу в двух боговдохновенных писаниях. Аслан отмечает, что в IX веке, когда мусульманские книжники занялись составлением кодекса исламских законов (этот процесс известен как «иджтихад»), им приходилось отнести многие хадисы к таким категориям, как «ложь во имя выгоды и ложь во имя идеологического преимущества». Не зря ислам отказывается от статуса новой веры и уж тем более от отмены предыдущих откровений. Он использует пророчества Ветхого Завета и Евангелия Нового, как костыль, на который всегда можно опереться. В обмен на такое смиренное эпигонство он просит лишь одного: чтобы его признали совершенным и окончательным откровением.

Как и следует ожидать, ислам содержит немало внутренних противоречий. Часто цитируются слова о том, что «в религии нет принуждения», а также обнадеживающие ссылки на иноверцев, как на народы «книги» или «последователей предыдущего откровения». Мысль о том, что меня «терпит» мусульманин, я нахожу не менее отвратительной, чем высокомерие католиков и протестантов, которые договорились «терпеть» друг друга, а позже распространили «терпимость» на евреев. На протяжении столетий христианский мир в этом отношении был так ужасен, что многие евреи предпочитали жить под властью Оттоманской империи, где их облагали особыми податями и прочими знаками отличия. Однако сам Коран говорит о благотворной терпимости ислама с оговоркой, поскольку некоторые из тех же «народов» и «последователей» бывают «охочи до зла». Даже недолгого знакомства с Кораном и хадисами хватит, чтобы обнаружить другие поучения в том же духе:

Кто умер и нашел милость Аллаха (на том свете), не пожелал бы вернуться в этот мир, даже если бы ему посулили весь мир и все, что в нем. Только мученик, познавший превосходство мученичества, хотел бы вернуться в этот мир и погибнуть еще раз.^[10]

Или так:

Воистину, Аллах не прощает, когда поклоняются другим божествам кроме Него, а все [иные грехи], помимо этого, прощает, кому пожелает. Тот же, кто признает наряду с Аллахом других богов, совершает великий грех.^[11]

Первый из этих варварских отрывков я выбрал (из целой хрестоматии не менее неприглядных вариантов) лишь потому, что он является полной противоположностью того, что говорит Сократ в платоновской «Апологии» (о ней ниже). Второй же демонстрирует откровенный плагиат из «Десяти заповедей».

Вся эта человеческая риторика не может быть «непогрешимой», а уж «окончательной» и подавно. Это доказывают не только бесчисленные противоречия и бессвязность, но и знаменитая история с «сатанинскими стихами» Корана, которую уже в наше время использовал в своем романе Салман Рушди. В этом достопамятном эпизоде Мухаммед старается умиротворить видных политеистов Мекки и, как нельзя кстати, получает «откровение», позволяющее таки им и впредь чтить некоторых местных божков. Затем его осеняет, что этого не может быть, и что он, вероятно, ненароком «транслировал» слова дьявола, который почему-то решил ненадолго поступиться привычкой воевать с монотеистами на их территории. (Мухаммед истово верил не только в существование дьявола, но и в «джиннов» — мелких демонов пустыни.) Даже некоторые жены Пророка замечали его способность получать подходящие «откровения» по мере насущной необходимости и, бывало, подтрунивали над ним по этому поводу. Рассказывают также (со ссылкой на источники, которым нет нужды верить), что порой, когда откровение настигало Пророка при людях, он испытывал боль и громкий звон в ушах. Даже в самую холодную погоду его тело покрывалось испариной. Некоторые бессердечные критики-христиане предполагают, что он был эпилептиком (не замечая тех же симптомов в приступе Павла по дороге в Дамаск), но нам ни к чему гадать о такой возможности. Достаточно перефразировать неизбежный вопрос Дэвида Юма. Что более вероятно — то, что бог использует некоего человека для передачи уже имеющихся откровений, или то, что человек этот воспроизводит уже имеющиеся откровения, считая или просто заявляя, что действует по указанию бога? Что же до болей и шумов в голове, остается только посотовать, что прямое общение с богом, похоже, не сопровождается ощущением покоя, красоты и ясности.

При всей сомнительности хадисов, в физическом существовании Мухаммеда кроется не только сила, но и слабость ислама. Оно придает Пророку осязаемость и снабжает нас правдоподобными описаниями его внешности, но при этом приземляет историю возникновения ислама, делает ее вульгарной и отталкивающей. Трудно не поморщиться, читая о женитьбе этого млекопитающего на девятилетней девочке или об энтузиазме, с которым он предавался чревоугодию и делил добычу после очередной бойни. Основное затруднение (христианство, снабдившее своего пророка нечеловеческой природой в человеческом теле, почти избежало этой западни) в том, что он оставил после себя многочисленное потомство, и его религиозное наследие стало заложником наследия физического. Нет ничего более человеческого и несовершенного, чем наследная власть. С самого рождения ислам сотрясает грызня между князьками и самозванцами, претендующими на соответствующую каплю крови Пророка. Общее число тех, кто ведет родословную от Мухаммеда, наверное, превосходит число святых гвоздей и щепок оставшихся от тысячефутового креста, на котором, судя по количеству обломков, распяли Христа. Как и в случае с иснадами, чтобы установить прямое родство с Пророком, нужно лишь знать нужного имама и располагать требуемой суммой.

Стоит также отметить, что мусульмане не вполне порвали с теми самыми «сатанинскими

стихами» и до сих пор следуют языческой тропой, проторенной задолго до рождения Пророка. Каждый год во время хаджа они обходят прямоугольное святилище Кааба в центре Мекки («следуя движению Солнца вокруг Земли», как пишет Карен Армстронг, — загадочно, но зато в духе культурного плюрализма). Сделав ровно семь кругов, они целуют черный камень, встроенный в стену святилища, — скорее всего, метеорит, падение которого в свое время впечатлило дикарей («должно быть, боги сошли с ума; нет, погоди, надо говорить „бог сошел с ума“»). Кааба — остановка на пути к другому доисламскому ритуалу, в ходе которого паломники храбро бросают камешки в кусок скалы, изображающей Сатану. Дело довершает закалывание жертвенных животных. Подобно многим, хотя и не всем основным святыням ислама, Мекка закрыта для неверных, что несколько противоречит заявленной универсальности этой религии.

Нередко можно услышать, что отличие ислама от других монотеистических религий в том, что он не знал «реформации». Это верно лишь наполовину. Некоторые течения в исламе — прежде всего суфизм, который так ненавидят правоверные, — имеют преимущественно мистический, а не буквалистский характер и включают элементы других религий. Кроме того, поскольку ислам благоразумно воздержался от создания папского престола с неограниченными полномочиями (отсюда изобилие конкурирующих фетв от конкурирующих авторитетов), никто не может приказать мусульманам перестать верить в былую догму. Оно, возможно, и к лучшему, но это не меняет того обстоятельства, что ключевая претензия ислама — на совершенство и окончательность — не только абсурдна, но и не подлежит пересмотру. На этом сходятся все многочисленные враждующие секты, от исмаилистов до ахмадистов.

В иудаизме и христианстве «реформация» означала минимальную готовность рассматривать Священное Писание как потенциальный объект литературного и текстуального анализа (Салман Рушди дерзко предложил то же самое). Число возможных «Библий» огромно, известно, к примеру, что многозначительное христианское слово «Иегова» — неверная передача произносимых промежутков между буквами древнееврейского «Яхве». Аналогичные исследования Корана не проведены до сих пор. Не существует ни одной полноценной описи расхождений между разными изданиями и рукописями; даже самые робкие шаги в этом направлении до сих пор вызывали почти инквизиторскую ярость. Поворотным моментом могла бы стать книга Кристофа Луксенбурга «Сирийско-арамейская верия Корана», вышедшая в Берлине в 2000 году. Луксенбург без лишнего ажиотажа утверждает, что Коран вовсе не является одноязычным арабским документом, и что анализировать его гораздо проще, если признать, что многие слова имеют сирийско-арамейское происхождение. (Самый знаменитый пример Луксенбурга касается райского вознаграждения для «мучеников»: после повторного перевода и редактирования небесные девственницы превращаются в сладкий белый виноград.) Мы имеем дело с языком и родиной значительной части раннего иудаизма и христианства, и можно не сомневаться, что не стесняемый ничем анализ Корана развеял бы немало мракобесия. Но именно сейчас, когда ислам должен последовать примеру своих предшественников и допустить новые прочтения своих текстов, вся религиозная публика негласно сходится на том, что так называемый «долг» уважения к верующим требует позволить исламу выдавать свои догмы за чистую монету. Как и прежде, вера помогает душить и научный поиск, и ту свободу, что он может принести.

Дочери жреца Алиа умели превратить всё, что угодно, в пшеницу, вино или масло. Аталиду, дочь Меркурия, несколько раз оживляли. Эскулап оживил Инполита. Геркулес вырвал из лап смерти Алкестиду. Гермес вернулся на этот свет, пробыв две недели в преисподней. Родителями Ромула и Рема были бог и девственница-весталка. В Трое упал с небес Палладий. Волосы Вероники обратились в созвездие... Назовите мне хотя бы один народ, в среде которого не творились бы невероятные чудеса, особенно в ту пору, когда мало кто умел читать и писать.

Вольтер. Чудеса и идолопоклонство

Одна античная басня высмеивает хвастуна, без конца трезвонившего о невероятном прыжке, который он однажды совершил на острове Родос. Мир не видывал столь героического прыжка. В конце концов, неутомимый рассказчик порядком поднадоел слушателям. Только он открыл рот, чтобы в очередной раз поведать историю своего подвига, как один из присутствующих раздраженно перебил его: «Hie Rodus, hie salta!»^[12]

Подобно тому, как вымерли пророки, ясновидцы и великие богословы, эпоха чудес, похоже, осталась где-то в прошлом. Если бы верующим хватало мудрости или твердости в собственной вере, они бы только приветствовали закат этой эпохи фокусов и жульничества. Но вера и на этот раз не способна удовлетворить правоверных и тем дискредитирует себя. Чтобы впечатлить простаков, до сих пор требуются реальные события. Достаточно взглянуть на ведунгов, колдунов и прорицателей более ранних или более примитивных культур. Очевидно, что тот смысленный человек, который первым научился предсказывать затмения, тут же использовал это небесное явление для того, чтобы запугать свою аудиторию. Цари древней Камбоджи вычислили, в какой день года реки Меконг и Бассак внезапно разливаются, соединяются в одну и под давлением гигантской водной массы как будто начинают течь обратно в озеро Тонлесап. Довольно скоро возникла соответствующая церемония: царь и помазанник божий появлялся в нужный момент и приказывал рекам течь вспять. Моисей на берегу Красного моря мог бы только позавидовать камбоджийским коллегам. (Уже в наше время это чудо природы успешно использовал другой шоумен — король Камбоджи Сианук).

При всем этом некоторые «сверхъестественные» чудеса древности теперь кажутся на редкость мелкотравчатыми. В них нет ничего особенно интересного — совсем как в спиритических сеансах, цинично скармливающих родственникам покойного потустороннюю белиберду. Когда вам рассказывают о «ночном полете» Мухаммеда в Иерусалим (говорят, что отпечаток копыта его коня Бурака до сих пор можно увидеть у мечети Аль-Акса), бессердечно указывать на то очевидное обстоятельство, что лошади не умеют летать. Более уместно отметить, что с самого начала своих долгих и изнурительных странствий по поверхности Земли, день за днем созерцая лошадиный зад, люди мечтали ускорить этот тягостный процесс. Фольклорные сапоги-скороходы могут добавить прыти идущему, но решают проблему лишь отчасти. Тысячелетиями воображение людей больше всего будоражила зависть к птицам (пернатым потомкам динозавров, как мы знаем теперь) и тоска о полете. Небесные колесницы, ангелы, свободно парящие в восходящих потоках воздуха... нетрудно понять причину этих

фантазий. Таким образом, Пророк отвечает затаенным желанием каждого крестьянина, жалеющего о том, что его скотина не может распустить крылья и оторваться от земли. Странно только, что, несмотря на божественное всемогущество, чудо получилось столь прозаичным и примитивным. Левитация занимает виднейшее место и в христианских фантазиях, о чем свидетельствуют Вознесение и Успение. В те времена небо считали перевернутой чашкой, а рядовые погодные явления — знамениями или божественным вмешательством. При столь безнадежно ограниченном понимании космоса самое банальное событие могло показаться чудом. В то же время событие, которое нас бы действительно поразило — например, остановка солнца, — представлялось явлением местного масштаба.

Если понимать под чудом благоприятное нарушение естественного порядка вещей, решающее слово по этому поводу сказал шотландский философ Дэвид Юм. По Юму, в отношении чудес мы наделены свободой воли. Чудо есть нарушение или прерывание заведенного, ожидаемого хода событий. Это может быть что угодно: от восхода солнца на западе до животного, которое внезапно принимается декламировать стихи. С этим все ясно, но свобода воли также подразумевает способность принимать решения. Если вам кажется, что вы наблюдаете подобное событие, перед вами две возможности. На одной чаше весов — вероятность того, что действие законов природы приостановлено (в вашу пользу). На другой — что вы либо ошибаетесь, либо страдаете галлюцинациями.

Если вы узнаете о чуде из вторых или третьих рук, это неизбежно сказывается на его вероятности и влияет на вашу готовность верить на слово очевидцу того, что вы не видели сами. А если между чудом и вами десятки поколений и никаких независимых подтверждений, его вероятность меняется радикально. Можно снова звать на помощь старого доброго Оккама, предупреждавшего нас не множить сущностей без необходимости. В этой связи позвольте мне привести один пример из древности и один из современности, а именно воскрешение мертвых и наблюдение НЛО.

Частота и эффективность чудес нынче не те, что раньше. К тому же самые свежие предложения на рынке чудесного слегка отдают дешевым балаганом. Например, пресловутое ежегодное разжижение крови святого Януария в Неаполе — феномен, который может повторить (проверено на практике) любой профессиональный фокусник. Чтобы разоблачить шарлатанов и спасти кошельки неосторожной публики, такие выдающиеся светские «волшебники», как Гарри Гудини и Джеймс Ранди, в лабораторных условиях с легкостью левитировали, ходили по углям, практиковали лозоходство и гнули ложки силой взгляда. В любом случае, чудеса никак не подтверждают истинность религии, которая их практикует: Аарон якобы победил волшебников фараона в открытом состязании, но при этом не отрицал, что они тоже умеют колдовать. Сообщений о воскрешении из мертвых, однако, не было уже давно, и ни один шаман, приписывающий себе такую способность, до сих пор не согласился выполнить этот трюк под наблюдением. А значит, мы должны спросить себя: неужели искусство воскрешения утрачено? Или же мы просто доверяем сомнительным источникам?

Новый Завет и сам по себе источник крайне сомнительный. (Одно из ошеломительных открытий Бартон Эрманна заключается в том, что рассказ о воскрешении Христа в Евангелии от Марка — позднейшая вставка.) Но если верить Новому Завету, воскрешение мертвых было почти в порядке вещей. Иисус лично воскресил двоих — Лазаря и дочь Иаира — и никто, похоже, не счел нужным взять у воскрешенных интервью об их необыкновенном опыте. Кроме того, никто, судя по всему, не оставил никаких записей о том, «умерли» ли эти люди по второму разу, а если умерли, то как именно. Если они сделались бессмертными, тогда они составили компанию «Вечному Жиду», которого раннее христианство приговорило без конца ходить по земле после встречи с Христом на Крестном пути. Эта попытка досталась случайному

прохожему, чтобы хоть так исполнилось неисполненное пророчество о том, что Христос вернется на землю в течение жизни по крайней мере одного из тех, кто видел его первое пришествие. В тот же самый день, когда Христос повстречал незадачливого скитальца, его самого предали мучительной смерти, в момент которой, согласно Евангелию от Матфея 27:52–53, «гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святы́й град и явились многим». Здесь получается неувязка, поскольку выходит, что трупы святых ожили и во время смерти на кресте, и во время Воскресения, но все это описывается в той же невозмутимой манере, что и землетрясение, и «раздравшаяся» завеса в храме (еще два события, не привлечшие внимания ни одного летописца), и почтительные комментарии римского центуриона.

Такое массовое возвращение с того света лишь умаляет значение того воскрешения, при помощи которого человечество приобрело отпущение грехов. Кроме того, от Осириса до вуду история не знает ни одного культа, ни одной религии, которая не полагалась бы на некую форму врожденной веры в «живых мертвецов». Христиане по сей день спорят, какое тело они получают в Судный день: старую развалину, которая уже один раз испустила их дух, или же что-нибудь новенькое. Нам же достаточно отметить: даже если принять все постулаты правоверных, воскрешение мертвеца не доказывает ни правоты его учения, ни его родственной связи с богом, ни вероятности его возвращения во плоти или в каком-нибудь другом узнаваемом виде. Религия в очередной раз пытается «доказать» слишком многое. Добровольную смерть ради других везде считают проявлением благородства. Дополнительное утверждение, что смерть была «ненастоящей», только запутывает дело, превращая жертву Христа в дешевый спектакль. (Каждый, кто говорит «Христос умер за мои грехи», — притом, что он вовсе не «умер», — противоречит сам себе.) У нас нет ни достоверных, ни связных, ни своевременных свидетельств этого чрезвычайного события, а значит, наше право, если не сказать долг, не унижаться до веры в эту басню, пока нам не предоставят более надежные доказательства. Ведь необыкновенные утверждения требуют необыкновенных доказательств.

Значительную часть своей жизни я проработал корреспондентом и давно привык читать описания событий, свидетелем которых я был сам, в версии очевидцев, которым я доверяю, но расходящиеся с моими собственными наблюдениями. (В мою бытность корреспондентом на Флит-стрит я даже читал статьи, подписанные моим именем, но совершенно не узнаваемые после редакторской обработки.) Я также брал интервью у некоторых из сотен тысяч людей, утверждающих, что они имели прямые контакты с космическими кораблями или экипажами космических кораблей из другой галактики. Рассказы их бывают такими подробными и живыми (и так хорошо сходятся с показаниями других людей, с которыми они никак не могли сговориться), что даже несколько впечатлительных ученых выразили готовность им поверить. Но, как подсказывает нам Оккам, делать этого совершенно не стоит. Если в рассказах «контактеров» и похищенных есть хотя бы крупица истины, это означает, что их инопланетные друзья не пытаются держать свое существование в секрете. Почему же, в таком случае, они не могут постоять на месте и позволить нам сделать хотя бы несколько снимков? Никто до сих пор не предъявил ни одной подлинной киноплёнки, не говоря уже о кусочке неземного металла или крошечном образце живой ткани. Зарисовки инопланетных существ все до единой смахивают на антропоморфных героев научно-фантастических комиксов. Учитывая, что полет с альфы Центавра (самая ходовая родина пришельцев) потребовал бы некоторого насилия над законами физики, даже мельчайшая частичка инопланетной материи принесла бы огромную пользу и потрясла бы все человечество. Но вместо доказательств — ничего. То есть ничего, кроме метастазов нового суеверия, основанного на вере в оккультные тексты и знаки, открытые лишь избранным. Где-то я уже все это видел. Единственное ответственное решение — воздержаться

от окончательных выводов, пока апологеты культа не представят доказательства, выходящие за рамки детского лепета.

То же относится и к современным статуям дев и святых, которые истекают то слезами, то кровью. Даже если бы я не мог познакомить вас с людьми, которые на досуге добиваются идентичного эффекта при помощи свиного жира и других материалов, я бы все равно задался вопросом, что за божество удовлетворится такими жалкими фокусами. Я, так уж вышло, один из тех немногих людей, что принимали участие в рассмотрении заявки на католическую канонизацию. В июне 2001 года, по приглашению Ватикана, я давал показания на слушаниях о причислении к лику блаженных Агнес Бояджиу, амбициозной албанской монахини, широко известной под партийной кличкой мать Тереза. Хотя тогдашний папа отменил знаменитую должность «адвоката дьявола», чтобы ускорить процесс подтверждения и канонизации огромного количества новых «святых», католическая церковь все же чувствовала себя обязанной выслушать показания критиков, и в результате я оказался представителем дьявола, так сказать, на общественных началах.

К тому моменту я уже помог разоблачить одно из «чудес», связанных с работой этой женщины. Прославил ее видный, хотя и глуповатый британский евангелист (позднее принявший католичество) по имени Мэлколм Маггерндж. Именно с его документального фильма «Что-нибудь прекрасное для Бога», снятого по заказу ВВС, начался мировой успех торговой марки «Мать Тереза». Оператором фильма был Кен Макмиллан, на тот момент известный своей работой в «Цивилизации», великолепной серии передач Лорда Кларка об истории искусства. Он прекрасно разбирался в цвете и освещении. Вот что рассказывает Маггерндж в книге, сопровождавшей выход фильма:

Единственным источником света в [созданном матерью Терезой] Доме для умирающих служили маленькие окошки у самого потолка, и Кен [Макмиллан] сразу сказал, что снимать там совершенно невозможно. У нас с собой была только одна маленькая лампа, и обеспечить достаточное освещение за то время, которое имелось в нашем распоряжении, было совершенно невозможно. Тем не менее мы решили, что Кен все же попробует снимать внутри, но, чтобы подстраховаться, он также снял двор, где грелись на солнце пациенты. На проявленной пленке кадры, сделанные внутри, заливал прекрасный мягкий свет, в то время как кадры, снятые снаружи, вышли довольно тусклыми и бестолковыми... Лично я абсолютно убежден, что этот свет, необъяснимый с технической точки зрения, и есть тот самый Свет Добра, который кардинал Ньюман упоминает в своем дивном гимне.

Он заключает, что:

...чудеса существуют как раз для того, чтобы открыть внутреннюю реальность видимой части Божьего творения. Я совершенно уверен, что Кен впервые в истории заснял на кинопленку подлинное чудо... Боюсь, что я так много говорил и писал об этом, что порядком всем поднадоел.

Последнее предложение — чистейшая правда: Маггерндж не прекращал говорить и писать, пока не сделал мать Терезу мировой знаменитостью. Я, со своей стороны, раздобыл и опубликовал прямое свидетельство Кена Макмиллана, самого оператора. Вот оно:

Когда мы снимали «Что-нибудь прекрасное для Бога», нас привели в одно здание, которое мать Тереза называла «Дом умирающих». Питер Чейфер, режиссер, говорит:

«Да, темновато тут. Думаешь, получится что-нибудь снять?» А на ВВС как раз пришла партия новой пленки «Кодак». Мы ее не успели проверить до отъезда, и я говорю Питеру: «Попробовать можно». В общем, сняли мы эту сцену. Через несколько недель — месяца два прошло — мы вернулись. Сидим, смотрим отснятый материал в «Илинг Студиоз», и вот на экране появляются кадры из Дома умирающих. Я удивился. Все было видно до мельчайших подробностей. Я говорю: «С ума сойти. Просто поразительно». Только я собрался сказать «браво „Кодак“», как Мэлколм, сидевший в переднем ряду, разворачивается и говорит:

«Это божественный свет! Это мать Тереза. Вот увидишь, это божественный свет, дружище».

Проходит дня три или четыре, и вдруг мне начинают звонить журналисты из лондонских газет и говорить:

«Мы тут слышали, вы с Мэлколмом Маггериджем были в Индии и лично наблюдали чудо».

Так родилась звезда... И вот за такую критику меня пригласили в Ватикан, в закрытое помещение, содержащее Библию, магнитофон, монсеньора, диакона и священника. Там меня спросили, могу ли я пролить какой бы то ни было свет на дело «рабы Божьей матери Терезы». Казалось, собравшихся действительно интересовали мои ответы, однако их коллеги на другой стороне планеты уже заверяли «чудо», требуемое для беатификации (прелюдии к канонизации). Мать Тереза умерла в 1997 году. В первую годовщину ее смерти две монахини из бенгальской деревни объявили, что привязали алюминиевую медаль покойной (медаль прикасалась к ее мертвому телу) к животу женщины по имени Моника Бесра, якобы имевшей крупную маточную опухоль, каковая после этого рассосалась. Стоит отметить, что католическое имя Моника встречается в Бенгалии не особенно часто. Таким образом, пациентка, вероятно, и без того была поклонницей матери Терезы — как, разумеется, и сами монахини. Под это определение, однако, не попадают ни д-р Манджу Муршед, директор местной больницы, ни д-р Т.К. Бисвас, ни его коллега-гинеколог д-р Ранджан Мустафи. Все трое показали, что г-жа Бесра болела туберкулезом, а также имела опухоль яичника, и была успешно излечена от обоих заболеваний. Д-р Муршед выразил особое раздражение многочисленными звонками «Миссионеров благотворительности», ордена матери Терезы, которые всячески уговаривали его признать исцеление чудом. Показания самой пациентки были довольно бестолковыми: она говорила очень быстро, чтобы, по ее выражению, «не забыть», и умоляла не задавать ей вопросов, чтобы ей не пришлось «вспоминать». Даже ее муж, Селку Мумрму, некоторое время спустя нарушил молчание и заявил, что его супругу вылечили средствами обыкновенной медицины.

Спросите любого директора больницы в любой стране, и он расскажет вам, что иногда тяжело больные пациенты неожиданно выздоравливают (а внешне здоровых людей внезапно настигает серьезная болезнь). Те, кто ищет чудес, могут возразить, что у таких случаев выздоровления нет «естественного» объяснения. Но это вовсе не означает, что объяснение должно быть «сверхъестественным». Впрочем, в выздоровлении г-жи Бесры не было ровным счетом ничего удивительного. Обычные заболевания вылечили хорошо известными методами. Необыкновенные утверждения делались в отсутствие даже обыкновенных доказательств. Несмотря на это, в недалеком будущем в Риме состоится пышная церемония, и весь мир узнает о святости матери Терезы, чье заступничество сильнее медицины. Это не просто позор; благодаря этому еще дальше откладывается тот день, когда индийские крестьяне перестанут верить знахарям и факирам. Иными словами, в результате дутого «чуда» погибнут люди. Если в наши дни, когда утверждения церкви могут проверить врачи и журналисты, она не может найти

ничего более убедительного, нетрудно представить, что творилось в эпоху невежества и страха, когда священникам не приходилось иметь дело с таким количеством скептиков.

В который раз лезвие Оккама режет легко и решительно. Из двух доступных объяснений отвергнуть следует то, которое объясняет меньше или не объясняет вообще ничего, либо порождает больше вопросов, чем ответов.

То же относится к тем случаям, когда кажущееся нарушение законов природы не приносит ни радости, ни утешения. Стихийные бедствия, разумеется, не нарушают законы природы, но составляют часть неизбежных флуктуаций внутри этих законов. Однако они всегда использовались для того, чтобы запугать доверчивую паству размахом божьего недовольства. В тех районах Малой Азии, где нередко землетрясения, первые христиане собирали толпы всякий раз, когда рушился очередной языческий храм, и призывали всех принять истинную веру, пока не поздно. Извержение колоссального вулкана Кракатау в конце XIX века вызвало массовую исламизацию перепуганного населения Индонезии. Все священные книги с воодушевлением рассказывают о наводнениях, ураганах, молниях и других знаках гнева господня. И после ужасного азиатского цунами в 2005 году, и после затопления Нового Орлеана в 2006-м такие вполне серьезные ученые люди, как архиепископ Кентерберийский, опустившись до уровня чешущих затылки крестьян, публично и мучительно толковали божий промысел. Но стоит сделать одно простое допущение, основанное на абсолютно достоверных знаниях, а именно признать, что мы живем на планете, которая продолжает остывать, а также имеет расплавленное ядро и пустоты и трещины в коре, — как нужда в подобных мучениях отпадает. Всему уже есть объяснение. Я никак не могу понять, почему верующие отказываются признать этот факт. Он разом избавил бы их от тщетных гаданий, почему бог позволяет столько страданий. Очевидно, миф о божественном вмешательстве с лихвой искупает это неудобство.

Подозрение, что стихийные бедствия насылаются в наказание, полезно еще и тем, что оставляет широкий простор для интерпретаций. После Нового Орлеана, пораженного гибельным сочетанием застройки ниже уровня моря и равнодушия администрации Буш-младшего, я узнал от видного израильского раввина, что наводнение было наказанием за эвакуацию еврейских поселений из Сектора Газа. От мэра Нового Орлеана (который не слишком блистал при исполнении своих служебных обязанностей) я узнал, что оно было божьей карой за вторжение в Ирак. Выбирайте грех на свой вкус: именно так поступили «преподобные» Пэт Робертсон и Джерри Фолвелл после разрушения Всемирного торгового центра. В тот раз причину следовало искать в том, что Америка смирилась с гомосексуализмом и абортами. (Некоторые древние египтяне верили, что содомия вызывает землетрясения. Предвижу массовое возрождение таких взглядов, как только разлом Сан-Андреас в следующий раз вздрогнет под гоморрой по имени Сан-Франциско.) Когда развеялся дым на месте трагедии 11 сентября, оказалось, что из обломков торчат два куса искореженной арматуры в форме креста, и многие принялись гадать, что бы это значило. Учитывая, что поперечные перекладины всегда использовались в строительстве, было бы удивительно, если бы среди обломков не оказалось ни одного креста. Я, признаюсь, поразились бы, сложись обломки в звезду Давида или в звезду с полумесяцем, но такого пока не наблюдалось — даже там, где это впечатлило бы местное население. И потом, не стоит забывать, что чудеса, как нам говорят, случаются по велению всемогущего, всеведущего и вездесущего бога. Странно, что такой бог не смог устроить ничего пограндиознее.

В итоге все эти «доказательства» веры выставляют веру еще более слабой, чем она была бы сама по себе, безо всякой поддержки. Что безосновательно утверждается, бездоказательно и отвергается. Это особенно верно, когда «свидетельства» шиты жирными белыми нитками чьих-то интересов.

«Обращение к авторитету» — слабейший из аргументов. Он слаб, когда ссылаются на других («Писание говорит»), и еще слабей, когда говорящий ссылается на себя самого. Это подтвердит любой ребенок, слышавший от родителей: «Потому что я так сказал» (и любой родитель, ловивший себя на том, что невольно повторяет слова, которые сам когда-то находил крайне неубедительными). И все же требуется определенный «прыжок» иного рода, чтобы дойти до мысли, что вся религия придумана обыкновенными млекопитающими и не скрывает в себе никаких загадок. Неужели за ширмой волшебника Страны Оз действительно нет ничего, кроме блефа? Я всегда остро ощущал вес истории и культуры и потому не перестаю задавать себе этот вопрос. Неужели все это было зря — и титанические усилия богословов и книжников, и нечеловеческие старания художников, архитекторов, музыкантов отразить величие бога в чем-нибудь долговечном и прекрасном?

Вовсе нет. Мне не важно, сколько человек писало поэмы Гомера, и был ли Шекспир тайным католиком или тайным агностиком. Мой мир не рухнет, если в конце концов выяснится, что автором величайших трагедий, комедий и произведений о любви и морали все-таки был граф Оксфордский, хотя должен признать: мне важно единое авторство, и не хотелось бы, чтобы Шекспиром оказался Фрэнсис Бэкон. Как учитель нравственности, Шекспир гораздо выше Талмуда, Корана или любого другого рассказа о жутких сварах племен железного века. Но изучение религии приносит огромную пользу и нередко позволяет стоять на плечах выдающихся писателей и мыслителей, которые, безусловно, превосходили тебя в интеллекте, а иногда и в нравственности. Многие из них в свое время сбрасывали оковы идолопоклонства; многие даже рисковали жизнью, споря с единоверцами. Однако настало время, когда даже пигмей вроде меня, пользуясь плодами чужих трудов, знает больше, чем знали они, и видит, что оковы религии давно пора разорвать раз и навсегда. Текстология, археология, физика и молекулярная биология общими усилиями не только доказали лживость и человеческое авторство религиозных мифов, но и предложили более точное, более просвещенное понимание мира. Утрату веры могут компенсировать новые чудеса, гораздо более удивительные, и погружение в волшебные произведения Гомера, Шекспира, Мильтона, Толстого, Пруста. Их авторство тоже принадлежит человеку (хотя, бывает, слушаешь Моцарта и начинаешь сомневаться). Говорю это, как человек, переживший болезненный кризис и утрату собственной светской религии.

Когда я был марксистом, мои взгляды не были для меня предметом веры, однако я был убежден, что Марксу удалось сформулировать нечто вроде общей теории поля. Исторический и диалектический материализм был абсолютной истиной. В нем не было никаких элементов сверхъестественного, но был элемент мессианства (возможное наступление коммунистического царства на земле), и уж точно имелись свои великомученики, святые, догматики, а также (позднее) конкурирующие папские престолы, отлучающие друг друга от церкви. У него также были свои расколы, инквизиция и охота на еретиков. Я состоял в диссидентской секте, почитавшей Розу Люксембург и Льва Троцкого, и я готов подтвердить, что у нас были и свои пророки. Когда Роза Люксембург гневно вещала о последствиях Первой мировой войны, она казалась едва ли не смесью Кассандры и пророка Иеремии, а великолепная трехтомная биография Льва Троцкого, написанная Исааком Дойчером, так и называлась: «Пророк» (вооружающийся, разоружаемый и изгнанный). В молодости Дойчер учился на раввина, мог бы стать прекрасным талмудистом — как, собственно, и Троцкий. Вот как Троцкий предвосхищает гностическое Евангелие Иуды, описывая захват Сталиным власти в партии большевиков:

«Из двенадцати апостолов только Иуда оказался предателем. Но, окажись он у власти, он доказал бы, что предателями были остальные одиннадцать».

А вот жутковатый рассказ Дойчера о том, что произошло, когда силы, сочувствовавшие нацистам, вынудили норвежское правительство отказать Троцкому в политическом убежище и повторно его депортировать, обрекая на странствия и смерть. Во время встречи старика с норвежским министром иностранных дел Трюгве Лие и другими членами правительства происходит следующее:

Троцкий повысил голос настолько, что тот разносился по коридорам министерства:

«Это ваша первая уступка нацизму в собственной стране. Вы за это заплатите. Вы думаете, что вы свободны и вольны обращаться с политическим изгнанником, как вам заблагорассудится. Но грянет день — попомните мое слово! — грянет день, когда нацисты изгонят вас из вашей страны, всех вас...»

В ответ на это странное прорицание Трюгве Лие только пожал плечами. Но не прошло и четырех лет, как тому самому правительству действительно пришлось бежать из Норвегии от вторгшихся нацистов. И тогда, сгрудившись на морском берегу и нервничая в ожидании корабля, который должен был забрать их в Англию, министры и король Хааког с благоговейным ужасом вспоминали слова Троцкого, как сбывшееся проклятие пророка.

Троцкий обладал навыками эффективного материалистического анализа, позволявшими ему предвидеть события — далеко не всегда но порой с поразительной точностью. Кроме того, он совершенно точно чувствовал (это чувство выражено в работе «Литература и революция») неутолимое стремление бедных и угнетенных подняться над строго материальным миром и коснуться чего-то трансцендентного. Значительную часть своей жизни я разделял это чувство и до сих пор не вполне с ним расстался. Но однажды наступил момент, когда я более не мог, да и не желал защищаться от натиска действительности. Я признал, что марксизм знал интеллектуальные, философские и этические победы, но все они остались в прошлом. Какое-то наследие героического периода, возможно, стоило сохранить, но факт оставался фактом: никакой карты будущего больше не было. Помимо этого, сама идея универсального решения всех проблем привела к чудовищным человеческим жертвам и к попыткам их оправдать. Те из нас, кто искал рациональную альтернативу религии, зашли в тупик не менее догматичный. Да и чего еще можно было ожидать от идеологии, созданной близкими родственниками шимпанзе? Непогрешимости? А потому, дорогой читатель, если вы добрались до этого места и обнаружили, что ваша вера иссякает, — на что я очень надеюсь — знайте, что мне, в определенной степени знакомы ваши ощущения. Бывают дни, когда мне не хватает моих былых убеждений, как может не хватать ампутированной руки. Но в целом я чувствую себя лучше, моя радикальность ничуть не уменьшилась, и смею вас заверить: вы тоже почувствуете себя лучше, как только отбросите догмы и позволите вашему освобожденному разуму думать самостоятельно.

Глава одиннадцатая

Мутные истоки религии

В вопросах религии люди идут на самый изощренный обман и интеллектуальный подлог.

Зигмунд Фрейд. Будущее одной иллюзии

Все многообразные культы, бытовавшие в Римской империи, народу представлялись в равной степени истинными, философу — в равной степени ложными, а правителю — в равной степени полезными.

Эдвард Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи

Одна старая чикагская поговорка гласит: если хочешь сохранить уважение к городским олдерменам или любовь к колбасе, лучше не видеть, как олдерменов приводят в парадный вид и не ходить на колбасную фабрику. Энгельс писал, что ключ к анатомии обезьяны в анатомии человека. Иными словами, наблюдая процесс формирования религии, можно получить некоторое представление о происхождении религий, созданных в то время, когда большинство людей не умело читать. Из обширного ассортимента религиозной колбасы, состряпанной у нас на глазах, я отобрал меланезийский «культ карго», суперзвезду пятидесятников Марджо и Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, более известную как мормоны.

Во все времена многим наверняка приходила в голову такая мысль: а что, если есть тот свет, а бога нет? Что, если есть бог, но нет того света? Насколько мне известно, наиболее ясно эту проблему изложил Томас Гоббс в своем шедевре «Левиафан», увидевшем свет в 1651 году. Настоятельно рекомендую вам прочитать главу 38 части третьей и главу 44 части четвертой, поскольку и Священным Писанием, и английским языком Гоббс владеет так, что дух захватывает. Кроме того, его труд лишний раз напоминает, что даже думать о таких вещах в то время — да и всегда — было весьма опасно. Красноречива уже разминка Гоббса, немногословная и ироничная. Комментируя абсурдную историю Адамова «Грехопадения» (первый пример сотворения свободного существа, тут же нагруженного запретами, которые невозможно соблюсти), Гоббс замечает (не забывая при этом боязливо добавить, что не претендует на истину «в сем, а равно и во всяком ином вопросе, коего разрешение дадено в Писании»): если Адам, согрешив, приговорил себя к смерти, то его смерть, видимо, была отложена, поскольку до нее он сумел наплодить немалое потомство.

Посеяв крамольную мысль о том, что запрещать Адаму вкушать плоды с одного дерева под страхом смерти, а с другого — под страхом вечной жизни нелепо и нелогично, Гоббс был вынужден вообразить не только альтернативные библии, но и альтернативные наказания, и альтернативные вечности. Он хотел доказать, что люди, возможно, не стали бы следовать человеческим законам, если бы опасались божьего возмездия больше, чем страшной смерти здесь и сейчас. При этом, однако, он признал, что люди всегда вольны придумать религию, которая устраивает их или льстит им. Сэмюэл Батлер позднее обыграл эту идею в своей книге «Возвращение в Едгин». В «Едгине», первой книге, господин Хиггс попадает в далекую страну, из которой затем сбегает на воздушном шаре. Вернувшись через двадцать лет, он обнаруживает, что за время своего отсутствия стал богом по имени «Сын Солнца» и что день его вознесения на

небо — религиозный праздник. Празднеством руководят два первосвященника. Когда Хиггс грозит их разоблачить и рассказать народу, что он простой смертный, ему отвечают: «Не делай этого. На этом мифе покоится вся мораль нашей страны, и если они узнают, что ты не вознесся на небо, они все погрязнут в грехе».

В 1964 году на экраны вышел знаменитый документальный фильм под названием «Mondo Cane», или «Собачий мир», запечатлевший многочисленные примеры человеческой жестокости и заблуждений. Впервые можно было увидеть своими глазами на киноплёнке, как складывается новая религия. В течение многих веков обитатели островов Тихого океана были отрезаны от регионов с более развитой экономикой, но стоило произойти фатальному контакту, как многие из них сообразили, что к чему. Перед ними были огромные корабли с раздутыми парусами, везущие сокровища, оружие и невиданные приспособления. Некоторые простодушные островитяне сделали то, что часто делают люди: попытались перевести новое явление на язык известных им понятий (как те испуганные ацтеки, увидевшие первых испанских всадников в Центральной Америке и заключившие, что в противники им достались кентавры). Эти бедолаги решили, что пришельцы с запада — их давние предки, наконец вернувшиеся с дарами из загробного мира. Это заблуждение вряд ли надолго пережило первый опыт общения с колонистами, но позднее, в нескольких местах сразу, более смысленные островитяне придумали кое-что получше. Они заметили, что сначала строятся причалы и склады, после чего приходят новые корабли и привозят новые грузы. Действуя по аналогии, туземцы построили собственные причалы и принялись ждать, когда их постройки тоже приманят какие-нибудь корабли. При всей своей несерьёзности эта практика долго тормозила деятельность более поздних христианских миссионеров. Когда они появлялись, их просили предъявить дары (и вскоре они возвращались с разными безделушками).

В XX веке «карго-культы», или «культы груза», возродились в форме ещё более впечатляющей и трогательной. Подразделения вооружённых сил США, посланные в Океанию строить аэродромы для войны с Японией, вскоре обнаружили, что стали объектами слепого подражания. Местные энтузиасты забросили свое декоративное христианство и всецело посвятили себя строительству взлетно-посадочных полос в надежде приманить самолёты, полные грузов. Они делали муляжи антенн из бамбука. Они разжигали костры, подражая сигнальным огням, которые указывали американским самолётам место посадки. Печальней всего в «Mondo Cane» то, что все это продолжается до сих пор. На острове Тана рядового американской армии провозгласили Спасителем. Его имя — Джон Фрум — похоже, с самого начала было выдумкой. Но даже после 1945 года, когда улетели и уплыли последние военнослужащие, на острове звучали проповеди и предсказания о его неминуемом возвращении, а ежегодная церемония в его честь проводится до сих пор. Ещё более поразительное дежа вю вызывает культ, возникший на острове Новая Британия, прилегающем к Папуа — Новой Гвинее. В нём можно найти десять заповедей («Десять Законов»), троицу, имеющую одного представителя на небесах и одного на земле, и систему ритуальных подношений, призванных умиловить эти силы. Как верят последователи культа, если ритуал исполнять с требуемой точностью и пылом, он приведет к наступлению царства молока и мёда. Это светлое будущее, увы, именуется «Периодом Компаний», и процветать в нём Новая Британия будет по образу и подобию транснациональной корпорации.

Кого-то может оскорбить даже малейший намек на аналогию, но разве священные книги официального монотеизма не полны жажды материальных благ и восхищенных — пальчики оближешь — описаний копей Соломона, тучных стад правоверных, райского вознаграждения для добрых мусульман, не говоря уже о великом множестве смачных описаний грабежа и разбоя? Иисус, правда, не проявляет интереса к обогащению, однако и он сулит последователям

небесные сокровища и «обитатели». Далее, разве все религии во все времена не стремились к накоплению материальных богатств в этом мире?

В шокирующей истории Марджо Гортнера, «вундеркинда» американского евангелического вымогательства, пристрастие к деньгам и земным благам — лишь фон. Маленького Гортнера, получившего от родителей гротескное имя «Марджо» (дурное скрещение имен «Мария» и «Джозеф» — Иосиф), сделали проповедником в возрасте четырех лет. Его наряжали в омерзительный костюм маленького лорда Фаунтлероя и учили говорить, что он получил наказ от бога. Когда он жаловался или плакал, мать совала его голову под кран или зажимала ему лицо подушкой, при этом, по его словам, всегда стараясь не оставлять следов. Выдрессированный не хуже тюленя, Марджо быстро привлек внимание телевидения и к шести годам уже венчал взрослых. Его слава росла, и толпы людей приезжали посмотреть на чудо-ребенка. По собственной оценке, он собрал «пожертвований» на сумму в три миллиона долларов, ни один из которых не был отложен на его образование или будущее. В семнадцать лет он взбунтовался против своих безжалостных циничных родителей и окунулся в мир калифорнийской контр-культуры ранних шестидесятых.

В пьесе «Питер Пэн», бессмертной рождественской истории для детей, есть волнующий момент, когда кажется, что маленькая фея Динь-Динь погибает. Огонек, изображающий ее на сцене, начинает меркнуть, и есть только один способ поправить дело. Вперед выступает актер и спрашивает детей: «Вы верите в фей?» Если они снова и снова дружно отвечают «ДА!», крошечный огонек начинает разгораться. Кому это может не понравиться? Зачем разрушать детскую веру в волшебство? Они еще успеют разочароваться, да и на выходе их не поджидает охрипший проповедник и не просит пожертвовать копилки в фонд Церкви Спасения Динь-Динь. Мероприятия, ради которых использовали Марджо, гнусно совмещали интеллектуальный уровень описанной выше сцены с моралью капитана Крюка.

Еще лет через десять Марджо Гортнер как нельзя лучше отомстил за свое украденное, опустошенное детство. Он решил помочь обществу и тем самым искупить свое мошенничество. Объявив о «возвращении» на стезю проповедника, он взял с собой съемочную группу и подробно объяснил ей секрет каждого трюка. Вот так играют на материнском инстинкте женщин (парень он был видный), чтобы заставить их расстаться со своими сбережениями. Вот так вызывают экстаз при помощи музыки. На этом месте нужно рассказать, как тебе лично являлся Иисус. Вот так надо рисовать невидимыми чернилами крест на лбу, который внезапно проявится, как только начнешь потеть. Вот самое время «добить» публику. Он не дает пустых обещаний: заранее рассказав режиссеру, что собирается сделать, он выходит к публике и убедительно выполняет обещанное. Люди вопят и плачут, люди в судорогах валятся на пол, выкрикивая имя своего спасителя. Немолодые мужчины и женщины, циничные, закаленные и хищные, ждут психологически благоприятного момента для сбора денег, и начинают подсчитывать их еще до окончания так называемой «службы». Иногда показывается несчастное лицо ребенка: его приволокли в шатер проповедника, и теперь он мучается, глядя на то, как его родители бьются в конвульсиях, стонут и отдают заработанные тяжелым трудом деньги. Конечно, и раньше было известно, что вся эта евангелическая банда есть не что иное, как безжалостное жульничество, осуществляемое второстепенными персонажами из «Продавца индульгенций» Чосера. (Можете оставить себе свою веру, простофили. Мы возьмем только деньги.) Наверное, то же самое творилось и в те времена, когда в Риме открыто торговали индульгенциями, а на любом блошином рынке в христианских землях можно было выручить кругленькую сумму за гвоздь или щепку с Голгофы. Тем не менее даже закоренелого скептика шокирует зрелище, где в роли разоблачителя выступает жертва и мошенник одновременно. О каком прощении можно говорить после такого? В 1972 году документальный фильм «Марджо»

получил «Оскар», и при этом абсолютно ничего не изменил. Жернова телепроповедников по-прежнему перемалывают чужие деньги, и бедные по-прежнему оплачивают счета богатых. Так и сверкающие дворцы и храмы Лас-Вегаса были построены на деньги проигравших, а не выигравших.

Безутешный герой и рассказчик дивного романа Иэна Макьюэна «Дитя во времени» в результате страшного горя впадает в почти вегетативное состояние и целыми днями бездумно смотрит телевизор. Наблюдая, как другие человеческие существа добровольно становятся жертвами манипуляций и унижения, он придумывает название для процесса просмотра этого действия: «порнография для демократа». Не нужно быть снобом, чтобы заметить людское легковерие, стадный инстинкт и желание — а может быть и потребность — быть одураченными. Проблема стара как мир. Можно считать легковерие разновидностью невинности, которая сама по себе безобидна. Однако легковерие без конца провоцирует порочных и хитрых на обман, и потому является одним из самых уязвимых мест человечества. Пока мы не признаем этот настырный факт, мы не сможем правильно объяснить ни рост и живучесть религии, ни веру в чудеса и откровения.

Последователи пророка Мухаммеда, надеявшиеся при помощи непорочно зачатого Корана положить конец всем будущим «откровениям», не учли основателя одной из наиболее быстрорастущих религий современности. Не могли они предугадать (откуда им, млекопитающим?) и того, что пророк этого нелепого культа возьмет пример с Мухаммеда. Основателем Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, далее именуемой «мормоны», был талантливый оппортунист, поместивший свое сочинение в откровенно списанную у христианства систему координат, но при этом объявивший, что «сему поколению я буду новый Мухаммед», и сделавший своим боевым кличем слова, которые он, по собственному убеждению, взял у ислама: «Или Аль-Коран, или меч». Арабского он не знал, но с Мухаммедом его роднило то, что он умел лишь копировать чужие библии.

В марте 1826 года суд города Бенбридж в штате Нью-Йорк признал мужчину двадцати одного года от роду «нарушителем общественного порядка и мошенником». Этим и должна была ограничиться слава Джозефа Смита, на суде сознавшегося в сознательном обмане граждан: он организовывал безумные золотоискательские экспедиции и утверждал, что обладает темной или «некромантской» силой. Однако через четыре года он снова попал в местные газеты (которые можно прочитать и сегодня) как человек, нашедший «Книгу Мормона». Место действия давало ему два громадных преимущества, которых лишено большинство шарлатанов и аферистов. Во-первых, он действовал в том же самом горячечно религиозном округе, который подарил нам шейкеров, уже помянутого Джорджа Миллера, неоднократно сулившего скорый конец света, и еще несколько самопровозглашенных американских пророков. Готовность местного населения отдаваться одному религиозному безумию за другим даже принесла округу прозвище «Выжженная земля». Во-вторых, Смит действовал в регионе, где, в отличие от значительной части новых территорий Северной Америки, действительно имелись следы древней истории.

Исчезнувшая индейская цивилизация оставила после себя немало могильных курганов. Наугад осквернив несколько из них, кладоискатели обнаружили не только кости, но и довольно сложные изделия из камня, меди и кованого серебра. В радиусе двенадцати миль от не слишком процветавшей фермы семейства Смит находились восемь курганов. Раскопками курганов увлекались два вида дураков: к первому относились золотоискатели и заклинатели сокровищ, искавшие наживы при помощи волшебных посохов, кристаллов и жабьих чучел; ко второму — те, кто надеялся найти потерянное колено Израиля. Находчивый Смит принадлежал сразу к обоим видам и объединил алчность с антропологическими потугами.

Историю его мошенничества как-то даже неловко читать и до неприличия легко разоблачить. (Лучше всего ее рассказал д-р Фон Броуди в книге «Никто не знает моей истории», вышедшей в 1945 году. В ней профессиональный историк добросовестную попытку предложить по возможности великодушную интерпретацию соответствующих «событий».) Вкратце дело было так. Джон Смит объявил, что ему явился (трижды, как положено) ангел по имени Морони. Явившийся ангел известил его о существовании книги, «написанной на золотых табличках» и объяснявшей происхождение жителей Северной Америки, а также евангельские истины. Два волшебных ветхозаветных камня урим и туммим, продолжал ангел, помогут Смигу самостоятельно перевести вышеупомянутую книгу. После многих испытаний Смит откопал это устройство и принес его домой 21 сентября 1827 года, примерно через восемнадцать месяцев после того, как его признали виновным в мошенничестве. Затем он принялся за перевод.

Получившиеся в итоге «книги» оказались записками древних пророков, начиная с Нефи, сына Лефи, около 600 года до н.э. бежавшего из Иерусалима в Америку. Странствия этих пророков и их многочисленного потомства сопровождались многими битвами, проклятиями и бедствиями. Как у Смита получились такие книги? Золотые таблички он никому не показывал, утверждая, что для любого другого человека увидеть их означает верную смерть. Однако у него возникло затруднение, уже знакомое историкам ислама. По свидетельству многих, Смит был чрезвычайно изворотлив в спорах и мог быстро сплести любую историю. Но он был неграмотен — по крайней мере, немного умея читать, он не умел писать. Поэтому писать под его боговдохновенную диктовку должен был кто-то другой. Сначала это делала его жена Эмма, а затем, когда понадобились дополнительные руки, его бедняга-сосед по имени Мартин Хэррис. Услышав из уст Смита цитату из Исайи 29:11–12 с неоднократным приказанием «прочитать» «запечатанную книгу», Хэррис заложил ради такого дела свою ферму и переехал к Смитам. Он садился по одну сторону одеяла, повешенного поперек кухни, а Смит сидел с другой стороны со своими переводческими камнями и вещал сквозь одеяло. Для полноты идиллии Харрис получил предупреждение, что, стоит ему попытаться взглянуть на таблички или на пророка, как он тут же рухнет замертво.

Миссис Хэррис, разъяренная бесхребетностью мужа, не собиралась с этим мириться. Она похитила первые сто шестнадцать страниц и предложила Смигу их воспроизвести, что, учитывая его пророческий дар, не должно было составить никакого труда. (В истории религии явно не хватает таких решительных женщин.) После кризиса длиной в несколько недель Смит парировал другим откровением. Он не мог воспроизвести оригинал, поскольку тот, возможно, уже попал в руки дьявола и мог оказаться «сатанинскими стихами». Но всеведущий Господь предоставил ему другие таблички, поменьше размером и написанные самим Нефи. Они рассказывали довольно похожую историю. Кропотливый перевод возобновился с новыми писцами за одеялом. По окончании перевода все золотые таблички вознеслись на небеса, где они, очевидно, пребывают и поныне.

Как и мусульмане, мормоны иногда настаивают, что подделка здесь невозможна, поскольку один неграмотный бедняк не способен повернуть обман такого масштаба. В пользу мусульман говорят два довода: у нас нет никаких свидетельств того, что Мухаммеда публично признавали виновным в мошенничестве и покушении на некромантию, а арабский язык не всегда прозрачен даже для тех иноземцев, которые неплохо его знают. Однако мы знаем, что Коран частично составлен из более ранних книг и мифов. То же и в случае Смита: простой, пусть и утомительный, анализ показывает, что двадцать пять тысяч слов из «Книги Мормона» напрямую заимствованы из Ветхого Завета. В основном, это слова из тех глав Исайи, которые попали в книгу Этана Смита «Взгляд на евреев: десять колен Израиля в Америке». Это произведение набожного сумасшедшего утверждало, что американские индейцы родом с

Ближнего Востока; похоже, именно оно подвигло другого Смита на золотоискательство. Еще две тысячи слов «Книги Мормона» заимствованы из Нового Завета. Из трехсот пятидесяти «имен» более сотни напрямую взяты из Библии, и еще сто украдены с самыми незначительными изменениями. (Широко известно, что Марк Твен назвал «Книгу Мормона» «хлороформом в печатном виде», но, по-моему, эта шутка слишком уж лежит на поверхности — «Книга Мормона» и на самом деле содержит «Книгу Эфира».) Оборот «and it came to pass»^[13] встречается как минимум две тысячи раз, что, надо признать, действительно нагоняет сон. Совсем недавние исследования показали, что абсолютно все «документы» мормонов — в лучшем случае неуклюжие компиляции, а в худшем — жалкие подделки, что не смогла не отметить д-р Броуди в новом, дополненном издании своей замечательной книги в 1973 году.

Как и Мухаммед, Смит мог выдавать божественные откровения оперативно и зачастую для собственных нужд (особенно — опять же, как и Мухаммед, — когда ему хотелось новую девочку, и он желал сделать ее одной из своих жен). В итоге он перестарался и умер насильственной смертью, прежде успев проклясть почти всех несчастных, что некогда были его первыми последователями и, поддавшись его напору, писали под диктовку. Тем не менее история Смита поднимает ряд интереснейших вопросов о том, как откровенный рэкет на наших глазах превращается в серьезную религию.

Профессор Дэниел Деннетт и его сторонники навлекли на себя немало критики «естественнонаучным» объяснением религии. Сверхъестественное, по мнению Деннетта, можно спокойно исключить из уравнения и вместо этого допустить, что всегда существовали люди, для которых «вера в веру» уже сама по себе благо. Это явление объяснимо с точки зрения биологии. Разве не могло быть так, что члены первобытного общества, верившие в лечение шамана, приободрились и в результате их шансы излечиться на самом деле были немного выше? Оставим в стороне «чудеса» и прочий вздор — даже современная медицина признает такой эффект. В сфере же психологии существует вероятность, что верить в нечто выгодней, чем не верить ни во что, даже если это нечто не имеет никакого отношения к действительности.

Некоторые из этих утверждений так и останутся объектом споров антропологов и других ученых, но меня всегда интересовал такой вопрос: верят ли проповедники и пророки на самом деле, или же и они «верят в веру»? Бывает ли так, что они обманывают сознательно? И если да, оправдывают ли они свои уловки тем, что: а) «если бы эти несчастные не слушали меня, им было бы еще хуже»; или б) «если им это и не поможет, то уж и не слишком навредит»? В «Золотой ветви», знаменитом исследовании религии и колдовства, Джеймс Фрейзер предполагает, что начинающему знахарю лучше не разделять иллюзии своей невежественной конгрегации. Во-первых, если он принимает свое колдовство за чистую монету, он гораздо сильнее рискует сделать ошибку, которая может стоить ему карьеры. Гораздо лучше быть циником, отрепетировать все фокусы и убедить себя, что это для всеобщего блага. Очевидно, Смит вел себя, как обыкновенный циник: он наслаждался тем, что «откровение» позволяло ему оглашать божью волю, оправдывать его притязания на собственность паствы и спать с любой женщиной. Гуру и мессии такого рода рождаются каждый день. Нет сомнения, что Смит совершенно сознательно обманывал невинных простаков вроде Мартина Хэрриса, умирающих от желания хоть одним глазком увидеть золотые таблички. Но бывали ли мгновения, когда он сам верил в свое предназначение и был готов умереть за него? Иными словами, был ли он исключительно жуликом, или же им двигало некое вдохновение? Изучение религии мне подсказывает, что, хотя она явно не может обойтись без надувательства великого и малого, этот интригующий вопрос остается приоткрытым.

В районе Пальмиры в штате Нью-Йорк в то время действовали десятки полуобразованных, беспринципных, амбициозных фанатиков вроде Смита, но «раскрутился» лишь один из них.

Тому есть две вероятные причины. Во-первых, по свидетельству всех очевидцев, включая врагов, Смит обладал значительным природным обаянием, авторитетом и хорошо подвешенным языком: всем тем, что Макс Вебер называл «харизматической» составляющей власти. Во-вторых, большое количество людей, мечтавших в то время о земле и новой жизни на Диком Западе, составляло огромную дремлющую силу, способную сплотиться вокруг нового лидера (не говоря уже о новой священной книге), способного дать им «землю обетованную». Странствия мормонов в Миссури, Иллинойсе и Юте, а также расправы, жертвами и вершителями которых они стали на своем пути, подарили кровь и плоть идее изгнания и мученичества, а с ними и образу «язычников», как мормоны презрительно именовали неверующих. Перед нами величественный эпизод истории, который (в отличие от вульгарной подделки, положившей ему начало) можно читать с уважением. На нем, однако, есть два несмываемых пятна. Первое — очевидность и грубость его «откровений», начавшихся с оппортунистических импровизаций Смита и дополняемых его последователями по мере необходимости. Второе — омерзительно неприкрытый расизм мормонства. Вплоть до Американской гражданской войны и даже после нее христианские проповедники всех мастей оправдывали рабство библейскими ссылками на то, что один из трех сыновей Ноя (их звали Сим, Хам и Иафет), Хам, был проклят и отдан в кабалу. Но Джозеф Смит развил эту гнусную басню и в своей «Книге Авраама» заклеил темнокожие расы Египта как наследников проклятия. Кроме того, в придуманной им битве при «Куморе», как нельзя кстати состоявшейся неподалеку от места, где он родился, «Нефиты» — согласно описанию, светлокожие и «приглядные» — сражались с «Ламанитами», чьи потомки были наказаны темным пигментом за то, что отвернулись от бога. В предвоенном Миссури, когда американское рабовладение уже находилось в кризисе, Смит и его еще более одиозные ученики проклинали аболиционистов. Они с серьезным видом объясняли, что во время последней битвы между Богом и Люцифером на небе была еще и третья группировка. Ее члены пытались сохранять нейтралитет. Но после поражения Люцифера они были изгнаны на землю и вынуждены «взять тела проклятого семени ханаанского; от них произошли негры, или африканская раса». Как следствие, когда д-р Броуди писала свою книгу, чернокожим американцам не позволялось занимать даже скромный пост диакона в мормонской церкви, не говоря уже о священстве. Потомки Хама не допускались и к церковным таинствам.

Мало что доказывает человеческое происхождение религии лучше, чем то, как мормонские старейшины решили эту проблему. Оказавшись в западне между прямым текстом своих священных книг и растущим презрением и изоляцией, на которые он их обрекал, старейшины поступили так же, как уже поступали однажды, когда их любовь к многоженству могла навлечь федеральное возмездие на штат божий Юта. Они получили еще одно «откровение», более-менее приуроченное к принятию «Акта о гражданских правах» 1965 года. Божество сообщило им, что африканцы — тоже люди.

В защиту «Святых последних дней» (эти самодовольные слова были добавлены к первоначальной смитовской «Церкви Иисуса Христа» в 1833 году) следует сказать, что они честно взялись за решение одной из великих трудностей религии откровения. Суть проблемы такова: что делать с людьми, родившимися до эксклюзивного «откровения» или же умершими, так и не получив возможности вкушать ее чудес? Христиане решали эту проблему утверждением, что после распятия Иисус сошел в ад, где спас или обратил в истинную веру всех мертвых. У Данте в «Аде» есть великолепный отрывок, где рассказчик приходит спасти душу Аристотеля и других великих людей, которые, надо полагать, веками варились в кипятке, пока он до них не добрался. (В другой, менее экуменической сцене того же произведения пророку Мухаммеду в омерзительнейших подробностях вспарывают кишки.) Мормоны нашли очень

буквалистскую замену этому довольно устаревшему решению. В огромном хранилище в Юте они содержат гигантскую генеалогическую базу данных, которая постоянно пополняется именами людей, о чьих рождениях, браках и смертях имеется запись. Это может пригодиться, если вы хотите прояснить свое фамильное древо и не против того, чтобы ваши предки стали мормонами. На специальных еженедельных церемониях в мормонских храмах конгрегация получает определенную квоту имен покойных, которых нужно «замолить» в ряды мормонов. Мне такое ретроспективное крещение мертвых кажется вполне безобидным. Но Американский еврейский комитет выразил гневный протест, когда выяснилось, что мормоны раздобыли документы нацистского «Окончательного решения еврейского вопроса» и усердно крестят тех, кого на этот раз действительно можно было назвать «потерянным коленом»: убитых европейских евреев. При всей своей трогательной бесполезности это занятие казалось дурным тоном. Я сочувствую Американскому еврейскому комитету, но все же полагаю, что последователей г-на Смита следует поздравить: с тех пор, как человек изобрел первую религию, никто, кроме них, не додумался даже до такого простодушного технологического решения этой проблемы.

Глава двенадцатая

Когда, или Как религии умирают

Не менее поучительно краткое знакомство с тем, как религии или религиозные движения завершают свою жизнь. Ведь нет более, например, миллеритов. И никогда мы больше не услышим — иначе как в ностальгическом ключе — о Пане, Осирисе и тысячах других богов, что некогда были объектами слепого поклонения. Я должен сознаться в некоторой симпатии — пытался и не сумел ее подавить — к Саббатаю Цви, самому впечатляющему из «лжемессий». В середине XVII столетия он воспламенил еврейские общины по всему Средиземноморью и Ближнему Востоку (и до самой Польши, Гамбурга и даже Амстердама, отрекшегося от Спинозы), называя себя избранником божьим, который отведет диаспору обратно в Святую Землю и принесет вселенский мир. Его ключом к откровению было изучение каббалы (не так дано звезда шоу-бизнеса, почему-то зовущаяся Мадонной, снова сделала ее модной), и повсюду его встречали толпы экзальтированных евреев: от его родной Смирны до Салоник, Константинополя и Алеппо. (Иерусалимские раввины, которым ранее уже досаждали преждевременные претензии на мессианство, были настроены более скептически.) При помощи каббалистического трюка, позволявшего вычитать в анаграмме его имени слово «мошиах» («мессия»), он, возможно, убедил самого себя и совершенно точно убедил других в своей избранности. Вот что писал один из его учеников:

Пророк Натан прорек, и Саббатай Цви учил, что нераскаявшимся не дано узреть утешение Сиона и Иерусалима, и что они обрекли себя на стыд и вечное презрение. И было раскаяние, какого не видывал мир со времени творения и по сей день.

Речь не о примитивной «миллеритской» панике. Книжники и мудрецы вели жаркие дебаты, причем в письменном виде, и поэтому вся история прекрасно задокументирована. В ней присутствуют все элементы истинного (и ложного) пророчества. Приверженцы Саббатая указывали на его эквивалент Иоанна Крестителя — харизматичного раввина по имени Натан из Газы. Враги Саббатая называли его эпилептиком и еретиком и обвиняли в нарушении закона. Защитники Саббатая забивали их камнями. Толпы и собрания неистовствовали — то дружно, то друг против друга. По пути в Константинополь, где Саббатай собирался объявить о своем приходе, его корабль швыряла бушующая стихия, но он успокоил воды, а когда турки посадили его за решетку, его темницу осеяли святые огни и благовония (или не осеяли — есть много противоречивых свидетельств). Вторя ожесточенным христианским спорам, сторонники ребе Натана и Саббатая утверждали, что без веры знание Торы и праведная жизнь не приводят к спасению. Их оппоненты настаивали на том, что Тора и праведная жизнь важнее всего. События достигли такого накала, что даже иерусалимские раввины, непримиримые противники Саббатая, попросили сообщать им о любых достоверных чудесах и знаках, связанных с человеком, появление которого так воодушевляло евреев. Мужчины и женщины продавали все, что у них было, и готовились следовать за ним в Святую Землю.

Властям Османской империи к тому времени не раз приходилось сталкиваться с волнениями среди религиозных меньшинств (они как раз отвоевывали Крит у венецианцев). Они проявили большую осторожность, чем некоторые приписывают римлянам. Они понимали: если Саббатай объявит себя царем царей или, того пуще, затребует значительную часть их провинции в Палестине, он станет не только религиозной, но и политической проблемой. Но когда он прибыл в Константинополь, они всего лишь посадили его в тюрьму. Улемы,

мусульманские религиозные авторитеты, проявили не меньшую прозорливость. Они посоветовали воздержаться от казни этого возмутителя спокойствия, дабы его воодушевленные последователи не «создали новой религии».

История повторилась почти слово в слово, когда ко двору великого визиря в Эдирне явился бывший ученик Саббатая, некий Нехемия ха-Кохен, и донес на своего бывшего учителя, обвинив его в безнравственном поведении и ереси. Тогда Мессию вызвали во дворец визиря и, позволив ему проделать путь из тюрьмы в окружении распевających гимны сторонников, спросили в лоб, согласен ли он подвергнуться испытанию. Придворные лучники будут использовать его в качестве мишени, и если небо отклонит их стрелы, его признают настоящим мессией. Если он откажется от испытания, его посадят на кол. Если же он не желает такого выбора, он может принять ислам и остаться в живых. Саббатай Цви поступил так, как поступило бы почти каждое рядовое млекопитающее: он произнес стандартную формулу веры в единого бога и пророка его и был награжден синекурой. Позже его отправили в район империи, который был почти Judenrein ^[14], на границе Албании и Черногории. Там он и закончил свои дни — как говорят, в день праздника Йом-Кипур в 1676 году, в тот самый час вечерней молитвы, когда, согласно преданию, испустил дух Моисей. Многие искали его могилу, но ее точное место так и не найдено.

Безутешные последователи Саббатая немедленно разделились на несколько группировок. Одни отказывались верить в то, что он обратился в ислам и отрекся от иудаизма. Другие говорили, что ислам он принял лишь для того, чтобы стать еще более великим мессией. Третьи полагали, что он сделал это для маскировки. Конечно же, нашлись и те, кто утверждал, что он вознесся на небеса. В конце концов, его самые преданные последователи приняли доктрину «сокрытия». Как вы, возможно, уже догадались, она гласит, что Мессия вовсе не «умер», но, невидимый для нас, ждет момента, когда человечество будет готово к его триумфальному возвращению. (Набожные шииты называют «сокрытием» нынешнее, а также долгосрочное состояние Двенадцатого имама, или «Махди»: пятилетнего ребенка, которого в последний раз видели в 873 году.)

Так умерла религия Саббатая Цви. Все, что от нее осталось, — крошечная синкретическая секта дёнме в Турции, прячущая иудейскую суть под маской исламских ритуалов. Но если бы ее основателя казнили, религия Саббатая по-прежнему была бы на слуху, а с ней были бы на слуху изошренные взаимные отлучения, побивание камнями и расколы, которым все это время предавались бы ее приверженцы. Ее ближайший эквивалент в наши дни — хасидская секта под названием «Хабад», любовическое движение, которое некогда возглавлял (а некоторые говорят, что и до сих пор возглавляет) Менахем Шнеерзон. Кончина этого человека в 1994 году в Бруклине должна была ознаменовать собой начало эпохи искупления, каковая пока не началась. Еще в 1983 году американский Конгресс официально установил «день» в честь Шнеерзона. Есть иудейские секты, до сих пор утверждающие, что нацистское «окончательное решение» было наказанием за жизнь в изгнании, и есть секты, которые, как это было заведено в гетто, держат у ворот зрителя, в чьи обязанности входит известить остальных в случае непредвиденного прихода Мессии. (Говорят, один из таких зрителей сказал в свое оправдание, что «работа стабильная».) Обзор несостоявшихся или не совсем состоявшихся религий мог бы вызвать некоторое жалостное чувство, если бы не постоянный галдеж других проповедников, скопом уверяющих, что именно их Мессию, а не какого-нибудь другого, следует ожидать с раболепием и благоговейным ужасом.

Глава тринадцатая

Делает ли религия людей лучше?

Чуть больше века прошло с тех пор, как Джозеф Смит пал жертвой собственноручно развязанного безумия и насилия. В Соединенных Штатах послышался голос нового пророка. Молодой чернокожий пастор по имени Мартин Лютер Кинг начал проповедовать, что его народ (потомки того самого рабства, которое горячо одобрял Джозеф Смит и все остальные христианские церкви) должен быть свободным. Даже атеиста вроде меня глубоко трогают его проповеди и съемки его выступлений; иногда до слез. «Письмо из Бирмингемской тюрьмы», написанное Кингом группе белых христианских священников, призывавших его проявить сдержанность и «терпение», — другими словами, знать свое место, — эталон полемического текста. Оно дышит ледяной вежливостью, великодушием и неискоренимой убежденностью, что мириться с мерзостной несправедливостью расизма больше нельзя. Три тома великолепной биографии Кинга, написанной Тейлором Бранчем, называются «Расступитесь, воды», «Огненный столп» и «На краю Ханаана».

Риторика Кинга, обращенная к его сторонникам, осознанно перекликалась с прекрасно известной им всем историей — той, в начале которой Моисей первый раз говорит фараону: «Отпусти народ Мой».^[15] Из речи в речь Кинг воодушевлял угнетенных и клеймил угнетателей. Постепенно он настолько пристыдил религиозную элиту страны, что она приняла его сторону. Раввин Авраам Гешель вопрошал:

«Где еще в сегодняшней Америке можно услышать голос, подобный голосу пророков Израиля? Мартин Лютер Кинг — знак, что Бог не оставил Соединенные Штаты Америки».

Если следовать повествованию о Моисее, наиболее сверхъестественное впечатление оставляет проповедь, прочитанная Кингом в последний вечер его жизни. Его задача изменить общественное мнение и сломить упрямство правительств Кеннеди и Джонсона была почти выполнена, и он находился в Мемфисе, штат Теннесси, чтобы поддержать продолжительную и ожесточенную забастовку городских мусорщиков; на их плакатах были написаны простые слова «Я человек». Стоя за кафедрой церкви «Мейсон Темпл», он подвел итоги затянувшейся борьбы последних лет, а затем внезапно сказал: «Но теперь мне это уже не важно». Слушатели молча ждали продолжения. «Потому что я уже поднимался на вершину горы. И я не грущу. Как любой человек, я хотел бы жить долго. Что плохого в долгожительстве? Но сейчас меня это не волнует. Я просто хочу выполнить волю Господа. Он позволил мне подняться на вершину. И я смотрел с вершины. И я видел Землю Обетованную. И даже если я не войду в нее вместе с вами, я хочу, чтобы вы знали, знали сегодня, что наш народ непременно войдет в Землю Обетованную!» Все, кто был с ним в тот вечер, запомнили эти слова на всю жизнь, и осмелюсь предположить, что их не забудут и те, кто видел бесценную съемку этого возвышенного мгновения. Чтобы представить это ощущение, лучше всего послушать, как в ту ужасную неделю Нина Симон пела «Погиб Король Любви». Тот драматический вечер объединил восхождение Моисея на гору Небо с мучительной ночью в Гефсиманском саду. Тот факт, что Кинг особенно любил эту проповедь, уже не раз произносил ее и прибегал к ней по необходимости, едва ли умаляет ее воздействие.

На наше общее счастье, примеры Кинга из книги Моисея были метафорами и аллегориями. Важнейшей темой его проповедей было ненасилие. В его версии Моисеевой истории нет варварского возмездия и истребления целых народов. Нет в ней и жестоких заповедей,

предписывающих забивать камнями детей и сжигать ведьм. Он не обещал своему народу, преследуемому и презираемому, чужих территорий и не посылал его грабить и убивать другие племена. Сталкиваясь с бесконечными провокациями и грубой силой, Кинг умолял своих сторонников стать именно тем, чем на какое-то время они действительно стали: учителями нравственности для Америки и мира за ее пределами. В сущности, он заранее простил своих убийц: единственное, что могло бы сделать его последнее публичное выступление еще безупречней и совершенней, — прощение прямым текстом. Но разница между ним и «пророками Израиля» едва ли могла быть очевидней. Если бы американцы выросли на «Анабасисе» Ксенофонта и рассказах о том, как после долгого, изнурительного и опасного пути греки, торжествуя, увидели море, сгодилась бы и эта аллегория. Но так уж вышло, что «Слово Божие» оказалось единственной книгой, которую знали все.

Своим возникновением христианский реформизм обязан умению его адептов противопоставлять Новый Завет Ветхому. Бог древнееврейских писаний, собранных в кучу, получался вздорным, безжалостным, кровожадным, провинциальным и, пожалуй, внушал больше страха, когда бывал в хорошем настроении (классический признак диктатора). В то же время беспорядочный набор писаний двух последних тысячелетий содержал пассажи, за которые мог зацепиться надеющийся. В них попадались упоминания кротости, прощения, агнцев, овец и т.п. Различие это скорее кажущееся, чем настоящее, поскольку лишь в прямой речи Иисуса впервые появляется ад и вечные кары. Бог Моисея, не церемонясь, обрекал целые племена, включая свое любимое, на чуму, резню и даже поголовное истребление. Но после того как его жертвы оказывались в могиле, он, по большому счету, оставлял их в покое — если только ему не приходило в голову проклясть их потомство. Лишь с приходом Агнца Божьего мы впервые слышим о гнусной идее распространить наказания и пытки на мертвых. Сын божий, предвосхищенный в злобных проповедях Иоанна Крестителя, как выясняется, предаст адскому огню любого, кто не проявит должного внимания к более мягким его словам. Эти пассажи на века обеспечили чтением садистов в рясах; они же смачно живописуются в исламских тирадах. Кинг (на одной фотографии он сидит в книжном магазине и спокойно ждет прихода врача, а у него из груди торчит нож маньяка) ни единого раза даже намеком не пригрозил своим мучителям и хулителям, что на этом или том свете их поджидает какое-либо возмездие или наказание — кроме последствий их собственного первобытного эгоизма и глупости. Даже его призыв к прощению, на мой скромный взгляд, был сформулирован более обходительно, чем того заслуживали прощаемые. Христианином Кинг был лишь в номинальном, а не истинном смысле этого слова.

Все это ни в коем случае не умаляет его великих проповедей, как не умаляет их и то, что, подобно всем нам, он был млекопитающим и, скорее всего, списал свою докторскую диссертацию, а его пристрастие к выпивке и женщинам гораздо моложе его жены стало притчей во языцех. Остаток своего последнего вечера он посвятил буйному загулу, и я не виню его за это. (Такие подробности, разумеется, беспокоят правоверных. На самом деле, они должны обнадеживать: безупречная мораль, похоже, не является обязательным условием великих нравственных достижений.) Но, раз уж пример Кинга нередко используют для демонстрации того, что религия дарит радость и свободу, давайте взглянем на вещи пошире.

Если мы обратимся к истории чернокожей Америки, мы увидим, во-первых, что поработенные были в плену не у какого-нибудь фараона, а у нескольких христианских государств и обществ, которые долгие годы поддерживали трехстороннюю «торговлю» между западным побережьем Африки, востоком Северной Америки и европейскими столицами. Эта гигантская и чудовищная индустрия существовала с благословения всех церквей и долгое время не вызывала абсолютно никаких религиозных протестов. (В Средиземноморье и Северной

Африке работорговлю открыто одобряли и практиковали во имя ислама.) В XVIII веке отдельные американские меннониты и квакеры, а также некоторые просвещенные мыслители, в том числе Томас Пейн, начали выступать за отмену рабства. Отмечая, что рабство развращает и ожесточает и господ, и тех, кого они мучают и эксплуатируют, Томас Джефферсон писал:

«Воистину, я содрогаюсь от страха за свою родину при мысли, что Бог справедлив».

Высказывание столь же замечательное, сколь и нелогичное: при наличии такого чуда, как справедливый бог, содрогаться, в долгосрочной перспективе, было бы незачем. Как бы то ни было, Всевышний как-то терпел происходящее, пока несколько поколений не прожили жизнь под плетью, и пока рабовладение не стало настолько невыгодным, что избавляться от него начала даже Британская Империя.

Это подстегнуло возрождение аболиционизма. Иногда он принимал христианские формы, и здесь стоит особо отметить Уильяма Ллойда Гаррисона, великого оратора и основателя газеты *Liberator*. По любым меркам, г-н Гаррисон был прекрасным человеком, но нам, пожалуй, повезло, что его ранние религиозные взгляды остались без внимания. Поначалу его позиция основывалась на опасном стихе из Книги пророка Исайи, призывающем правоверных «выйти из среды их и отделиться» (этот же стих служит теологической основой дремучего пресвитерианства Иана Пейсли в Северной Ирландии). По мнению Гаррисона, и Союз, и Конституция Соединенных Штатов были «сговором со смертью» и подлежали уничтожению: по сути дела, он призывал к выходу из Союза еще до того, как это сделали конфедераты. (Позднее, открыв для себя труды Томаса Пейна, он растерял проповеднический запал и стал более успешным аболиционистом, а также одним из первых сторонников избирательного права для женщин.) Но потребовать безо всякой апокалиптической риторики, чтобы Соединенные Штаты сдержали обещание всеобщего равенства, содержащееся в Декларации независимости, впервые пришло в голову Фредерику Дугласу, автору едкой и меткой «Автобиографии». Того же требовал и величавый Джон Браун. И он поначалу был свирепым кальвинистом, но позже взял на вооружение труды Пейна, принимал вольнодумцев в свою крошечную армию, сменившую целую эпоху, и даже составил и напечатал для поработенных новый вариант Декларации 1776 года. На практике это требование было и более революционным, и более реалистичным. По признанию Линкольна, оно подготовило почву для Прокламации об освобождении рабов. Отношение Дугласа к религии было неоднозначным: в своей «Автобиографии» он замечает, что самые жестокие рабовладельцы получают из самых набожных христиан. Точность этого наблюдения стала особенно очевидна, когда Конфедерация вышла из Союза и взяла себе латинский девиз «Deo Vindice», т.е., по сути «С нами Бог». Как отметил Линкольн в своей крайне неоднозначной второй инаугурационной речи, так утверждали обе стороны свары (по крайней мере, устами священников), и обе стороны имели привычку громогласно цитировать Священное Писание.

Сам Линкольн не решался отстаивать свою позицию подобным образом. Более того, хорошо известно его высказывание, что надо не призывать бога на свою сторону, а, напротив, самому стремиться быть на его стороне. Он видел, что вера питает обе стороны спора, и, когда на христианском съезде в Чикаго его призвали немедленно подписать Прокламацию об освобождении, сказал:

«Мы, однако, не живем во времена чудес, и вы, полагаю, согласитесь, что я не могу рассчитывать на божественное откровение».

В тот раз он умело уклонился. Когда ему, наконец, хватило решимости подписать Прокламацию, он объяснил тем, кто еще колебался, что дал себе такое обещание — при условии, что при Энтитеме бог дарует победу войскам Союза. Никогда столько людей не гибло за один день на территории США, как во время этого сражения. Возможно, Линкольн хотел каким-то образом освятить и оправдать чудовищное кровопролитие. Порыв благородный, если забыть, что, следуя такой логике, иной исход того же кровопролития задержал бы освобождение рабов! Линкольн признавался сам:

«Боюсь, солдаты восставших молятся более истово, чем наши собственные войска, и верят, что Бог благоволит им. Один наш солдат, побывав в плену, рассказывал, что более всего его удручала явная искренность молитв, которые он слышал вокруг себя».

Если бы военная удача при Энтитеме улыбнулась конфедератам, президент, не исключено, решил бы, что бог окончательно охладел к борьбе с рабством.

Нам неизвестны частные религиозные взгляды Линкольна. Он любил ссылаться на Всевышнего, но при этом так и не стал прихожанином никакой церкви, а в начале его политической карьеры священство и вовсе встречало его в штыки. По словам его друга Херндона, Линкольн внимательно читал Пейна, Волни и других вольнодумцев и в частной жизни был законченным атеистом. Это представляется маловероятным. С другой стороны, было бы неверно считать его и христианином. Многие свидетельствуют о том, что он был скептиком, мучился сомнениями и склонялся к деизму. Как бы то ни было, единственная похвала, причитающаяся религии в связи с отменой рабства, сводится к следующему: лишь после многих сотен лет, затянув решение проблемы до тех пор, пока корыстные интересы не привели к страшной войне, она сумела искупить незначительную часть тех бед и страданий, что сама же и причинила.

То же относится и к эпохе Кинга. Церкви Юга после Реконструкции взялись за старое и благословили новые институты сегрегации и дискриминации. Лишь после Второй мировой войны, в разгар деколонизации и борьбы за права человека вновь раздался призыв к эмансипации чернокожего населения. Ответом ему стали новые вердикты (в Америке, во второй половине XX столетия) о том, что смешение разношерстных потомков Ноя противоречит божьему замыслу. Это тупоголовое варварство имело реальные последствия. Ныне покойный сенатор Юджин Маккарти рассказывал мне, как однажды уговаривал сенатора Пэта Робертсона, отца известного телепророка, поддержать умеренный проект закона о гражданских правах. «Я бы с радостью помог цветным, — услышал он в ответ, — да Библия запрещает». По собственному определению, «Юг» состоял из белых христиан. Именно это придавало Кингу его моральный авторитет. Он победил Юг его же оружием. Но если бы религия не пустила столь глубокие корни, Кингу вообще не пришлось бы нести эту тяжелую ношу. Тейлор Бранч пишет, что среди ближайшего окружения и помощников Кинга были и неверующие коммунисты, и социалисты. Десятки лет они удобряли почву для движения за гражданские права и помогали таким отважным добровольцам, как Роза Парке, планировать акции массового гражданского неповиновения. Впоследствии Кингу не раз вменяли в вину эти «атеистические» связи, особенно с церковных кафедр. Что уж говорить, если одним из последствий его кампании стала «ответная реакция» белых христиан-консерваторов, которая по сей день остается столь влиятельной силой южнее линии Мейсона-Диксона.

В 1967 году тезка доктора Кинга приколотил свои тезисы к дверям Виттенбергского собора и решительно объявил: «На том стою и не могу иначе». Его поступок — выдающийся пример

интеллектуальной и нравственной смелости. Чуть позже, однако, Мартин Лютер (чей религиозный путь начался с того, что в него едва не ударила молния и страшно его напугала) пополнил ряды мракобесов и гонителей: он бредил избиением евреев, вопил о чертях и призывал немецких князей расправиться с бунтующей беднотой. Произнося историческую речь на ступенях мемориала Линкольна, доктор Кинг, в сущности, тоже занимал вынужденную позицию. Но он действовал как истинный гуманист, и никто никогда не сможет использовать его имя для оправдания угнетения или насилия. Именно по этой причине наследие Кинга, имеющее очень мало общего с его заявленной теологией, по-прежнему актуально. Чтобы заклеить расизм, не требовалось ничего сверхъестественного.

Таким образом, всякий, кто оправдывает участие религии в общественной жизни, ставя в пример Мартина Лютера Кинга, должен принять все неизбежные следствия своей логики. Даже краткий обзор истории вопроса говорит в пользу американских вольнодумцев, агностиков и атеистов. Весьма вероятно, что к обличению рабства кого-то вели светские убеждения или вольнодумство. А вот шансы на то, что религиозные убеждения могли подвинуть кого-то из верующих против рабства и расизма, были статистически ничтожны. В то же время вероятность того, что религиозной верой мог руководствоваться сторонник рабства и расизма, была чрезвычайно высока. Имея это в виду, нетрудно понять, почему победа элементарной справедливости потребовала столько времени.

Насколько мне известно, во всех странах, где до сих пор существует рабство, его так или иначе оправдывают Кораном. В этой связи уместно вспомнить отповедь, которую в самые первые годы американской независимости получил Томас Джефферсон. Рабовладелец Джефферсон явился с визитом к посланцу Триполи в Лондоне, чтобы спросить, по какому праву в Гибралтарском проливе он и его братья-берберы имеют дерзость захватывать и продавать в рабство матросов и пассажиров американских судов. (По современным оценкам, с 1530 по 1780 год таким образом пропало более 1 250 000 европейцев.) Вот отрывок из доклада Джефферсона Конгрессу:

Посланник отвечал, что основой тому Законы Пророка, что так написано в их Коране, что все народы, им не подчинившиеся, суть грешники, и что их право и долг вести с ними войну при всякой возможности, а всех пленников продавать в рабство.

Далее посланник Абдрахаман назвал сумму выкупа, стоимость защиты от похищения, и, что не менее важно, свою личную комиссию с этой деловой активности. (Опять религия не может скрыть свое человеческое нутро.) Он, кстати говоря, был совершенно прав в отношении Корана. Восьмая сура, открывшаяся в Медине, немало говорит о праведной военной добыче и подробно останавливается на «муках огненных», уготовленных поверженным неверным по ту сторону могилы. Именно этой сурой всего лишь через два столетия Саддам Хусейн оправдает массовые убийства и переселение курдского народа.

Освобождение Индии от колониального владычества — другое великое историческое событие, в котором часто усматривают благотворную связь между этикой и религиозной верой. Как и в героической борьбе доктора Кинга, на самом деле все было примерно наоборот.

После ослабления Британской империи в результате Первой мировой войны и, что еще важнее, после печально знаменитого расстрела индийской демонстрации в городе Амритсар в апреле 1919 года даже тогдашним хозяевам полуострова Индостан стало очевидно, что конец британского правления — всего лишь вопрос времени. Если бы этого не произошло, кампания мирного неповиновения была бы обречена. Иными словами, Мохандас Карамчанд Ганди (иногда именуемый Махатмой в знак признания его статуса индуистского старейшины), в

некотором смысле, ломился в открытую дверь. Ничего постыдного в этом нет, но святость Ганди компрометируют его религиозные убеждения. Вкратце: он хотел, чтобы Индия, как и прежде, была по преимуществу сельским и примитивным обществом «духа»; он сильно усложнил создание совместного правительства с мусульманами; он был не прочь лицемерно использовать насилие, когда это его устраивало.

Вопрос о независимости Индии был тесно связан с вопросом единства: станет ли бывшая британская колония независимой страной в тех же границах, сохранив территориальную целостность, и сможет ли она при этом называться «Индией»? В определенных мусульманских кругах однозначно отвечали «нет». При британском владычестве крупное мусульманское меньшинство имело если и не привилегии, то, во всяком случае, определенные гарантии, и некоторые мусульмане не желали вместо этого становиться крупным меньшинством в преимущественно индуистском государстве. Поэтому примирение крайне осложнялось уже тем, что в Индийском национальном конгрессе, игравшем ключевую роль в движении за независимость, тон задавал истовый индуист. Существует мнение (и я его разделяю), что непримиримость мусульман в любом случае сыграла бы разрушительную роль. Но уговорить рядовых мусульман выйти из Конгресса и вступить в Мусульманскую лигу, выступавшую за раздел Индии, было тем проще, чем больше Ганди разглагольствовал об индуизме и чем больше часов он демонстративно посвящал ритуалам и вращению своего прядильного колеса.

Это колесо — сегодня его можно увидеть на флаге Индии — стало символом отрицания современности, которое декларировал Ганди. Он носил собственноручно сшитые лохмотья, ходил в сандалиях, опирался на посох и враждебно относился к машинам и новым технологиям. Он пел гимны индийской деревне, где жизнь человека диктуется извечным круговоротом жизни животных и злаков. Если бы его призывы были услышаны, миллионы людей умерли бы от голода, и миллионы людей продолжали бы поклоняться коровам (изобретательные священники назначили их «священными», чтобы во время засух и голода несчастное невежественное население не могло забить и съесть единственное, что у него было). Ганди заслуживает уважения за критику бесчеловечной кастовой системы, обрекавшей людей низшего сорта на отвержение и презрение, которая, в некоторых отношениях, была еще более абсолютной и жестокой, чем рабство. Но как раз в том момент, когда Индия больше всего нуждалась в современном светском лидере нации, она получила факира и гуру. Этот прискорбный факт стал очевиден в 1941 году, когда армия имперской Японии, захватив Малайю и Бирму, подошла к индийской границе. Полагая (ошибочно), что дни британских сахибов сочтены, Ганди решил бойкотировать политический процесс и направил британским властям печально знаменитый призыв «уйти из Индии». Ее следовало предоставить, как добавил Ганди, «Богу или Анархии», что в сложившихся обстоятельствах означало примерно одно и то же. Тем, кто наивно считает Ганди убежденным или последовательным пацифистом, хорошо бы спросить себя, не хотел ли Махатма переложить свою войну на японских империалистов.

Помимо многих других негативных последствий, решение Ганди/Конгресса выйти из переговоров позволило сторонникам Мусульманской лиги сохранить свои министерские посты. Когда пришло время независимости, это дало им дополнительные козыри, и их намерение осуществить ее в форме расчленения и ампутации, отрезав от страны Западный Пенджаб и Восточную Бенгалию, стало реальностью. Кровавый след тех событий тянется до сегодняшнего дня: еще одна братоубийственная война между мусульманами в 1971 году в Бангладеш, рост агрессивного индуистского национализма, а также конфронтация в Кашмире, которая остается наиболее вероятной причиной термоядерной войны.

А ведь с самого начала имелаась альтернатива, а именно светская платформа Неру и Раджагопалачари, которые были готовы выторговать у британцев обещание послевоенной

независимости в обмен на союз Индии и Великобритании против фашизма. Именно Неру, а не Ганди, все-таки привел свою страну к независимости, пусть даже и ужасной ценой раздела. На протяжении десятилетий светские и левые активисты Британии и Индии единым фронтом выступали за освобождение Индии и в конце концов одержали победу. Не было никакой необходимости привлекать к борьбе за независимость религиозного обскурантиста, который лишь затормозил и извратил ее. Дело было выиграно без этого допущения.

Каждый день приходится жалеть, что с нами больше нет Мартина Лютера Kinga. Американской политике явно не хватает его авторитета и мудрости. Что до Махатмы, убитого фанатиком-ищущим за недостаток набожности, я жалею лишь о том, что смерть помешала ему увидеть горькие плоды своих усилий (и с облегчением вспоминаю, что она не дала ему воплотить в жизнь его вздорную прядильную программу).

Утверждение, что религия делает людей лучше, а общество цивилизованней, обычно идет в ход в последнюю очередь, когда других аргументов не осталось. Нам как будто говорят: хорошо, мы не будем настаивать на Исходе (к примеру) и непорочном зачатии. Не будем настаивать даже на распятии и «ночном полете» из Мекки в Иерусалим. Но что стало бы с людьми, если бы не было веры? Разве не погрязли бы они в эгоизме и вседозволенности? Разве не прав был Честертон, когда сказал, что, перестав верить в бога, люди не теряют веру вовсе — они просто начинают верить во все подряд?

Начнем с того, что добродетельность верующего никак не доказывает истинности его веры. Допустим, чисто теоретически, что я вел бы себя великодушной, если бы верил в рождение Будды из разреза в бедре его матери. Но в таком случае у моего великодушия было бы довольно зыбкое основание. Следуя той же логике, если один буддийский монах прикарманивает все подношения, которые оставляет в храме простой народ, я не стану утверждать, что буддизм дискредитирован. Кроме того, мы забываем, до какой степени все это дело случая. С тысячами религий, которые могли зародиться в пустыне, случилось то же, что с миллионами потенциальных биологических видов: лишь одна ветвь случайно уцелела и разрослась. После древнееврейских мутаций, уже в ее христианском виде, эту ветвь принял на вооружение император Константин из политических соображений. Он сделал ее государственной религией, а из множества бессвязных и противоречивых книг постепенно получился единый канон, который можно было насаждать. Что до ислама, он стал идеологией головокружительных завоеваний и удачливых правителей и, в свою очередь, обзавелся канонem, имевшим силу закона во всех исламских владениях. Одно-два поражения (как могло случиться с Линкольном при Энтитеме) — и мы, жители Запада, никогда не стали бы заложниками деревенских склок, бушевавших в Иудее и Аравии еще до появления первых серьезных летописей. Мы могли стать адептами совсем другой веры — быть может, веры индусов, ацтеков или Конфуция, — но и тогда нам говорили бы, что истинность нашей веры не так уж важна, коль скоро она помогает учить детей отличать добро от зла. Иными словами, вера в бога — один из знаков готовности верить во все подряд. Неверие в бога, напротив, вовсе не означает неверия ни во что.

Однажды я смотрел дискуссию профессора Альфреда Айера, автора знаменитой книги «Язык, истина и логика» и выдающегося гуманиста, с неким епископом Батлером. Вел дискуссию философ Брайан Маги. Обмен мнениями протекал в довольно вежливой форме, пока Айер не заметил, что не видит никаких оснований верить в какого-либо бога. Услышав это, епископ сказал: «Но тогда я не понимаю, что мешает вашему полному моральному разложению». В ответ на это «Фредди», как называли Айер друзья, изменил своей привычной обходительности и воскликнул: «Это, извините, совершенно возмутительная инсинуация!» Надо сказать, что Фредди совершенно точно нарушил большинство синайских заповедей, касающихся сексуального поведения. Он, в некотором роде, даже славился этим. Но в то же

время он был великолепным преподавателем и любящим отцом, а значительную часть досуга посвящал борьбе за права человека и свободу слова. Назвать его жизнь безнравственной значило изрядно погрешить против истины.

Из множества авторов, иначе иллюстрирующих то же самое, я выбрал Ивлина Во. Он исповедовал одну веру с епископом Батлером, а в прозе своей всячески демонстрировал действие божьей милости. В его романе «Возвращение в Брайдсхед» есть одно меткое наблюдение. Главных героев, Себастиана Флайта и Чарлза Райдера (первый принадлежит к старинному католическому роду), навещает отец Фиппс, полагающий, что все молодые люди должны страстно любить крикет. Убедившись в обратном, он смотрит на Чарлза «с выражением невинного изумления, какое я позже встречал у религиозных людей, не понимающих, как можно подвергать себя опасностям этого мира и в то же время отказываться от его утешений».

Вернемся к вопросу епископа Батлера. Не признавался ли он в своей наивности, что сам, освободившись от пут религии, избрал бы «полное моральное разложение»? Разумеется, хотелось бы верить, что это не так. Но немало эмпирических свидетельств говорят в пользу такого предположения. Когда священники пускаются во все тяжкие, они пускаются действительно в самые тяжкие, и совершают преступления, от которых бледнеют рядовые грешники. Можно было бы списать это на подавление сексуального влечения, а не на то, чему, собственно, учит церковь, но ведь церковь учит подавлять сексуальное влечение... Одно от другого отделить невозможно, и сколько существует религия, столько все миряне рассказывают нескончаемые анекдоты на эту тему.

Биография Во была запятнана преступлениями против целомудрия и трезвости в гораздо большей степени, чем биография Айера (хотя преступления эти, похоже, приносили меньше счастья первому, чем последнему), поэтому Во часто спрашивали, как его частная жизнь сочетается с его публичными убеждениями. Его ответ стал знаменит: он предложил друзьям представить, насколько хуже он вел бы себя, если бы не был католиком. В устах человека, верившего в первородный грех, это похоже на перевод стрелок, но главное не в этом. Даже беглый обзор жизни Во показывает, что за самые неблагоприятные ее моменты отвечает как раз его религиозная вера. Что там жалкие излишества на ниве пьянства и супружеской неверности! Одной разведенной знакомой, повторно вступившей в брак, Во послал свадебную телеграмму, в которой писал, что ее брачная ночь добавит бесприютности Голгофе и станет лишним плевром в лицо Христа. Он поддерживал фашистские движения в Испании и Хорватии, а также гнусное вторжение Муссолини в Абиссинию, потому что их поддерживал Ватикан. В 1944 году он писал, что только Третий рейх стоит меж Европой и варварством. Эти нравственные язвы одного из моих любимейших писателей возникли не вопреки его вере, но благодаря ей. Безусловно, в его частной жизни было и милосердие, и раскаяние, но милосердие и раскаяние с тем же успехом мог проявить и человек безо всякой религии. За примером далеко ходить не надо: полковник Роберт Ингерсолл, виднейший американский безбожник второй половины XIX века, доводил оппонентов до белого каления, поскольку был необычайно щедр, преданно любил жену и детей, всегда оставался галантным офицером и обладал тем, что Томас Эдисон, простительно преувеличивая, назвал «суммой качеств совершенного человека».

Я не так давно живу в Вашингтоне, но мой телефон уже разрывался от звонков мусульман, непечатно обещавших покарать всю мою семью, потому что я не поддержал вакханалию лжи, ненависти и насилия против демократической Дании. С другой стороны, когда моя жена забыла крупную сумму денег на заднем сиденье такси, водитель из Судана потратил немало времени и средств, чтобы выяснить, кому принадлежат эти деньги. Он приехал прямо ко мне домой, чтобы вернуть их — все до единого цента. Когда я вульгарно предложил ему 10% от суммы, он тихо, но твердо объяснил, что не ждет награды за исполнение своего исламского долга. Какая из этих

двух версий религии ближе к действительности?

В определенном смысле, на этот вопрос нет однозначного ответа. Я предпочел бы сохранить полку с книгами Ивлины Во в ее нынешнем виде, понимая при этом, что без мучений и пороков писателя не было бы и его романов. Если бы все мусульмане вели себя, как тот мужчина, отказавшийся от недельного заработка ради правильного поступка, я мог бы не обращать внимания на причудливые проповеди в Коране. В моей собственной жизни, если начать вспоминать благородные поступки, выбор не особенно велик. Вот разве что однажды в Сараево, трясаясь от страха, я снял с себя бронежилет и дал его еще более испуганной женщине, которой мы помогали добраться до безопасного места (не только мне довелось быть атеистом в окопах). В тот момент мне казалось, что я должен сделать для нее хотя бы это, да я и не мог сделать ничего другого. Из орудий и снайперских винтовок палили православные сербы. Православной сербкой была и она.

В конце 2005 года я оказался на севере Уганды, в реабилитационном центре для угнанных в рабство детей племени ачоли, живущего на северном берегу Нила. Вокруг меня апатичные, ожесточенные маленькие мальчики (и несколько девочек) с пустыми глазами. Их истории удручающе однообразны. Банда, состоящая из таких же похищенных детей, хватала их прямо дома или в школе. Кому-то было тринадцать, кому-то восемь. Их угнали в джунгли и заставили «принять присягу» одним из двух возможных способов (или сразу двумя). Кому-то предстояло «замазаться» участием в убийстве. Другим выпала продолжительная, жестокая порка — до трехсот ударов («Дети, которые пережили жестокость», — сказал один из старейшин народа ачоли, — «умеют быть жестокими».) Эта армия несчастных детей, превращенных в зомби, принесла стране неисчислимые страдания. Она уничтожала целые деревни. Она породила огромную массу беженцев. Она уродовала людей и пускала им кишки. Она (это злодеяние стоит особняком) продолжала похищать детей, чтобы ачоли не принимали жестких ответных мер, опасаясь убить или поранить одного из «своих». Их банда называлась «Божья армия сопротивления» (Lord's Resistance Army, LRA). Возглавлял ее человек по имени Джозеф Кони, в прошлом мальчик-алтарник, ныне горевший желанием установить по всему региону власть Десяти заповедей. Он крестил нефтью и водой, проводил свирепые церемонии наказания и очищения и страховал своих сторонников от смерти. Он проповедовал фанатичное христианство. Так случилось, что реабилитационный центр, в котором я находился, тоже содержали христиане-фундаменталисты. Побывав в джунглях и насмотревшись на труды «Божьей армии», я разговорился с человеком, пытавшимся вернуть детей к нормальной жизни. Как узнать, спросил я, чье христианство настоящее? Кто прав — он или Джозеф Кони? Прилаживать протезы, предоставлять детям убежище и оказывать «психологическую помощь» могла бы любая светская или государственная организация. Но для того, чтобы стать Джозефом Кони, требовалась настоящая вера.

К моему удивлению, он не отмахнулся от моего вопроса. Он согласился, что своим авторитетом Кони был отчасти обязан тому, что родился в семье христианских священников. Он согласился также, что многие люди верят в магические способности Кони, потому что он обращается за помощью к миру духов и дает своей пастве гарантию от смерти. Даже те, кто сбежал из его армии, иногда божились, что видели, как он творит чудеса. Миссионеру оставалось лишь пытаться показать людям другое лицо христианства.

Прямота этого человека впечатлила меня. Он мог бы предложить и другие аргументы в свою защиту. Совершенно очевидно, что Джозеф Кони далек от христианского «мейнстрима». Во-первых, деньгами и оружием его снабжает циничный исламский режим, правящий в Судане и использующий его, чтобы создать головную боль правительству Уганды, которое, в свою очередь, поддерживало суданских повстанцев. В определенный момент Кони объявил грехом

выращивание свиней и употребление свинины. Если только на старости лет он не сделался евреем-ортодоксом, все это очень похоже на знак благодарности исламским хозяевам. Суданские убийцы, в свою очередь, уже долгие годы ведут войну на уничтожение не только христиан и анимистов южного Судана, но и неарабов, исповедующих ислам. Ислам, конечно, не делает официального различия между расами и нациями, но дарфурские мясники — мусульмане-арабы, а их жертвы — мусульмане-африканцы. Рядом с этим кошмаром «Божья армия сопротивления» — всего лишь горстка красных кхмеров с христианской начинкой.

Еще более кровавый пример — Руанда, ставшая в 1992 году новым синонимом геноцида и садизма. Эта бывшая бельгийская колония — самая христианская страна в Африке, с самым высоким процентом церквей на душу населения. 65% жителей Руанды исповедуют католицизм; еще 15% принадлежат к различным протестантским церквям. В 1992 году, получив сигнал к действию, бандиты-расисты из организации «Власть хуту» по наущению государства и церкви занялись массовым истреблением своих соседей из народа тутси.

Это не было атавистическим всплеском кровопролития. Это была хладнокровно срежиссированная версия «Окончательного решения еврейского вопроса» на африканской почве. Первый тревожный сигнал поступил в 1987 году, когда католический ясновидец с обманчиво простоватым именем Литл Пибблз начал хвастать, что слышит голоса и видит видения, посылаемые лично Девой Марией. Голоса и видения от Девы Марии пугали своей кровавостью. Они предвещали резню и апокалипсис, за которыми, впрочем, должно было последовать возвращение Иисуса Христа в пасхальное воскресенье 1992 года. Католическая церковь провела расследование и признала сообщения о явлении Девы Марии на холме под названием Кибехо достоверными. Визиты Девы Марии особо заворожили Агат Хабйариману, жену президента Руанды, часто общавшуюся с епископом руандийской столицы Кигали. Епископ, монсеньор Винсент Нсенгиумва, кроме того, входил в центральный комитет единственной правящей партии «Национальное революционное движение развития», возглавляемой президентом Хабйариману. Эта партия вместе с другими государственными органами любила назначать женщин «проститутками» и бросать за решетку, а также подстрекать католических активистов на погром магазинов, торгующих контрацептивами. Со временем пошли слухи о том, что пророчество исполнится, и что «тараканы» — меньшинство тутси — скоро получают по заслугам.

Когда наступил апокалиптический 1994 год, и началось запланированное истребление, многие испуганные тутси и несогласные хуту наивно пытались укрыться в церквях. Это значительно облегчило жизнь «интерахамве» — истребительным отрядам, организованным правительством и армией. Они знали, где искать спрятавшихся, и всегда могли рассчитывать на помощь священников и монахинь. (Именно поэтому на многих фотографиях массовые захоронения находятся на храмовой территории, а на проходящем в Руанде судебном процессе над виновниками геноцида в числе ответчиков есть монахини и святые отцы.) К примеру, печально знаменитый отец Венцеслас Муньешьяка, занимавший видное место при соборе Сен-Фамиль в Кигали, и бежавший из страны при содействии французских священников, обвиняется в геноциде, в предоставлении списков населения убийцам из «интерахамве» и в изнасиловании девушек-беженек. И он далеко не единственный священник, обвиняемый в подобных преступлениях. Его случай никак нельзя назвать единичным. В этом нас убеждает другой член руандийской иерархии, епископ Гиконгоро, также известный, как монсеньор Огюстен Мисаго. Вот отрывок из одного подробного описания тех кошмарных событий:

О епископе Мисаго часто говорили, что он сочувствует «Власти хуту». Его публично обвиняли в том, что он отказывал тутси в укрытии, критиковал священников, помогавших «тараканам», и сказал посланнику Ватикана, прибывшему в

Руанду в июне 1994 года, попросить папу «найти другое место для священников-тутси, потому что народ Руанды больше не желает их видеть». Более того, 4 мая того же года, незадолго до последнего явления Марии на вершине Кибехо, епископ лично предстал на горе в сопровождении отряда полиции и объявил группе из девяноста школьников-тутси, подлежащих истреблению, что им не надо ничего бояться, потому что полиция их защитит. Три дня спустя полиция приняла участие в зверском убийстве восьмидесяти двух детей из девяноста.

Школьники, «подлежащие истреблению»... Может быть, вы помните, как папа римский публично осудил этот несмыслимый грех и сопричастность своей церкви? Скорее всего, не помните, поскольку ничего подобного папа так и не сделал. Поль Русесабагина, герой фильма «Отель „Руанда“», вспоминает, что отец Венцеслас Муньешьяка называл «тараканом» даже собственную мать-тутси. Но это не помешало французской католической церкви позволить ему исполнять «обязанности пастыря», пока его не взяли под арест. После окончания войны некоторые члены министерства юстиции Руанды предлагали привлечь к суду и епископа Мисаго. Но, как выразился один из сотрудников министерства:

«Мы не можем просто так брать и судить епископов. Ватикан слишком силен и не желает признавать ошибки. Дело в непогрешимости, понимаете?»

Как минимум, после таких фактов невозможно утверждать, что религия делает людей добрей или цивилизованней. Чем преступник страшней, тем набожней. Можно добавить, что среди наиболее самоотверженных гуманитарных работников встречаются верующие (хотя лучшие из тех, что встречались мне, не верили в бога и не пытались пропагандировать никакую религию). При этом вероятность того, что преступник, сделавший их работу необходимой, был «человеком веры», близка к 100%. В то же время шансы «человека веры» оказаться на стороне добра и человечности не выше вероятности орла или решки. Применительно к истории эта вероятность начинает напоминать случайно совпавший астрологический прогноз. Причина в том, что религия никогда бы не зародилась и уж тем более не пустила бы корни, если бы не усилия фанатиков, подобных Моисею, Мухаммеду или Джозефу Кони. Благотворительные организации и гуманитарная помощь, пусть они и по душе добросердечным верующим, являются продуктом нового времени и эры Просвещения. До них религию распространяли не личным примером, но в качестве приложения к более старомодным методам вроде священной войны и империализма.

Я был сдержанным поклонником покойного папы Иоанна Павла II. По любым меркам он был отважным и достойным человеком, способным как на нравственную, так и на физическую храбрость. В молодости он помогал антинацистскому подполью у себя на родине, а позднее немало сделал для того, чтобы освободить ее от советских хозяев. Некоторые аспекты его правления были безобразно консервативными и авторитарными, но он прислушивался к науке (если речь не шла о вирусе СПИДа), и даже в догматическом отношении церкви к аборту появились некоторые уступки «этике жизни». Следуя этой же этике, церковь начала учить, что смертная казнь почти всегда предосудительна. После кончины папу Иоанна Павла II, среди прочего, хвалили за число принесенных извинений. Среди этих извинений не было ни слова должного раскаяния за примерно миллион жертв руандийской бойни. Тем не менее папа попросил прощения у евреев за многовековой христианский антисемитизм, у исламского мира за крестовые походы, у православных за многочисленные преследования, а также в общих чертах извинился за инквизицию. Тем самым он как будто говорил: да, в прошлом церковь, как

правило, заблуждалась, и нередко заблуждалась преступно, но теперь, покаявшись и очистившись от греха, вполне готова и впредь оставаться непогрешимой.

Глава четырнадцатая

Не ищите света с Востока

Кризис организованной религии на Западе и бесчисленные примеры того, как религиозная мораль умудряется скатиться намного ниже средних человеческих показателей, издавна заставляли «ищущих» людей искать более мягкого решения к востоку от Суэцкого канала. Однажды, влившись в ряды этих потенциальных адептов, я облачился в оранжевые одеяния и посетил ашрам знаменитого гуру в Пуне, среди красивых холмов в окрестностях Бомбея. Я влился в ряды сан-ньяси, потому что участвовал в съемках документального фильма для BBC, так что при желании в моей объективности можно сомневаться, но в те времена BBC все-таки стремилось к некоторой непредвзятости, и мне было поручено впитать как можно больше. (Учитывая, что в своей жизни я был англиканцем, учился в методистской школе, женился на гречанке по православному обряду, был признан последователями Саи Бабы и повторно венчался по иудейскому обряду, как-нибудь надо сесть и вписать новую главу в книгу Уильяма Джеймса «Разнообразие религиозного опыта».)

Гуру в данном случае звали Бхагаван Шри Раджнеш. «Бхагаван» значит просто «бог» или «божественный», а «Шри» значит «святой». У него были огромные глубокие глаза, обворожительная улыбка и природное, пусть и грязноватое, чувство юмора. Его пронзительный голос, во время утреннего «дхаршана» обычно пропущенный через слабый микрофон, обладал легким гипнотическим воздействием. Это помогало нейтрализовать столь же гипнотическую банальность его рассуждений. Возможно, вы знакомы с грандиозным двенадцатитомным романом Энтони Пауэлла «Танец под музыку времени». Там загадочный провидец по имени доктор Трелони ведет группу своих просвещенных соратников сквозь неизбежные трудности. Эти посвященные распознают друг друга не по особой одежде, но обменявшись священными формулами. При встрече один должен изречь:

«Сущность единости есть бог правдивости».

На что следует отвечать:

«Видение видений исцелит слепоту зрячего».

И духовное рукопожатие состоялось. За время сидения перед Бхагаваном (скрестив ноги) ничего более содержательного я не услышал. Чуть больше внимания, чем в кружке доктора Трелони, уделялось любви, в непреходящем смысле, и несравненно больше внимания уделялось сексу, в смысле самом непосредственном. Но, в целом, поучения Бхагавана были вполне безобидны. То есть были бы безобидны, если бы не объявление при входе в шатер для проповедей. Там было написано:

«Обувь и мозг оставляют на входе».

Рядом с объявлением теснились туфли и сандалии, и в своем состоянии повышенной духовности я почти различал груды рассудков, оставленных и пустых, как того и требовало это в буквальном смысле безмозглое объявление. Мне даже пришла в голову небольшая пародия на дзен-буддийский коан: «В чем отражение брошенного разума?»

Взгляду посетителя или туриста, затуманенному блаженством, ашрам представлялся прекрасным духовным курортом, где можно было лепетать о запредельном в обстановке

экзотики и роскоши. Но на его священной территории, как я вскоре обнаружил, происходило и кое-что более зловещее. В поисках совета и наставления в Пуну приезжало немало страждущих. Некоторые из них были богаты (среди пилигримов был периферийный член британской королевской фамилии). Как заведено в мире религии, богатым клиентам первым делом советовали расстаться с материальным состоянием. О действенности этого совета можно было судить по внушительной коллекции роллс-ройсов, принадлежавшей Бхагавану и считавшейся одной из крупнейших в мире. После относительно скоротечного вымогательства посвященных подключали к «групповым» занятиям, где происходили уже настоящие мерзости.

В моей документальной программе использованы кадры из фильма «Ашрам». Его снял скрытой камерой Вольфганг Добровольни, бывший воспитанник Бхагавана. «Ашрам» представляет «игривый» термин «кундалини» в новом свете. В одной характерной сцене группа мужчин раздевает догола девушку, окружает ее и принимается орать, указывая на ее физические и психические недостатки. Когда девушка начинает рыдать и просить прощения, ее обнимают, прижимают к сердцу и утешают, объявляя, что теперь у нее есть «семья». Всхлипывая от мазохистского облегчения, она смиренно вливается в племя. (Не совсем ясно, что ей надо сделать, что получить обратно свою одежду, но я слышал кое-какие свидетельства и на этот счет, правдоподобные и неаппетитные.) На занятиях с мужчинами дело доходило до сломанных костей и потерянных жизней: одного немецкого аристократа из Виндзорской династии наскоро кремировали без скучных формальностей вроде вскрытия.

С благоговением в голосе мне сообщили, что «тело Бхагавана подвержено аллергии». Вскоре после моего визита он бежал из ашрама, а затем, надо полагать, решил, что земная оболочка ему более ни к чему. Не знаю, куда делась его коллекция роллс-ройсов, но его последователи каким-то образом получили указание собраться в городке Энтилоуп, штат Орегон, в начале 1983 года, что и было исполнено. Фирменная умиротворенность, правда, несколько видоизменилась. Местные жители не на шутку встревожились, обнаружив у себя по соседству строящийся лагерь, охраняемый неулыбчивыми вооруженными людьми в оранжевых одеяниях. Судя по всему, так создавалось «пространство» для нового ашрама. В один прекрасный день кто-то с непонятными целями посыпал отравляющим веществом продукты в местном супермаркете. В конце концов община распалась и разошлась под шум взаимных обвинений, и мне время от времени встречаются люди с пустыми взглядами — жертвы долгой муштры Бхагавана. (Новая инкарнация самого Бхагавана зовется «Ошо». В честь нее еще несколько лет назад издавался роскошный, но от того не менее идиотский журнал. Не исключено, что последователи Бхагавана еще не перевелись.) Сдается мне, что городок Энтилоуп имел все шансы стяжать себе славу второго Джонстауна.^[16]

«El sueño de la razón produce monstruos».

«Сон разума», как было метко подмечено, «рождает чудовищ». В серии «Los Caprichos» бессмертного Франциско Гойи есть одноименная гравюра: на ней спящего и беззащитного во сне человека осаждают летучие мыши, совы и прочие исчадия тьмы. Несмотря на это, слишком много людей считают разум и способность к логическому мышлению (единственное, что отделяет нас от наших родственников в животном мире) чем-то подозрительным и даже, по возможности, требующим подавления. Поиск нирваны, а с нею и растворения интеллекта, продолжается. А растворённый интеллект раз за разом оказывается ядовитой газировкой.

Однажды в старом англиканском храме в Калькутте я нанес визит статуе епископа Реджинальда Хебера, который заполнял сборники англиканских гимнов стихами наподобие этого:

Ласкает бриз Господень
Цейлона дивный брег.
Все радует в природе,
Но скверен человек.
Хоть Бог десницей щедрой
Дары рассыпал там,
Дикарь во тьме пещерной
Все молится камням.

Отчасти в ответ на высокомерие старых колониальных шутов вроде епископа Хебера многие жители Запада обратились к религиям Востока, на первый взгляд более соблазнительным. Шри-Ланка (современное название дивного Цейлона) и в самом деле место очаровательное. Доброта и великодушие ее жителей необыкновенны. И как только Хебер посмел обозвать их «скверными»? Однако современная Шри-Ланка почти совершенно разорена и обезображена насилием и репрессиями, и воюют между собой там, по большей части, буддисты и индуисты. Проблема видна уже в самом названии государства: «Ланка» — это древнее сингалезское название острова, а приставка «Шри» означает «святой», в буддийском смысле этого слова. Как только бывшая колония сменила имя, тамилы, по преимуществу индуисты, почувствовали себя аутсайдерами. (Они предпочитают называть свою родину «Илам».) Прошло совсем немного времени, и межэтническая вражда, усиленная религией, расколола Шри-Ланку.

На мой взгляд, претензии тамильского населения к правительству страны были обоснованы. Но его партизанских вожakov нельзя простить за то, что они первыми стали использовать террористов-смертников — задолго до Хезболлы и Аль-Каиды. С другой стороны, даже эта омерзительная варварская тактика (с ее помощью, в частности, был убит индийский премьер-министр), не может оправдать ни тамильские погромы, устроенные буддистами, ни буддийского монаха, убившего первого избранного президента независимой Шри-Ланки.

Не исключено, что наличие убийц и садистов среди индуистов и буддистов станет шоком для некоторых читателей. Возможно, до сих пор они смутно воображали себе, что склонных к созерцанию жителей Востока, практикующих вегетарианство и регулярную медитацию, не берут такие соблазны. Существует даже точка зрения, что буддизм вообще не является «религией» в нашем смысле этого слова. И все же Совершенный, как утверждают, оставил в Шри-Ланке зуб, и мне довелось присутствовать на редкой церемонии, во время которой священники предъявляли публике этот объект в золотом футляре. Епископ Хебер не упомянул в своем глупом гимне никаких костей (хотя к слову «кости» можно было бы подобрать прекрасные рифмы) — возможно, потому что сами христиане всегда поклонялись останкам так называемых святых и хранили их в специальных мощевиках в своих церквях и соборах. Как бы то ни было, в ходе поклонения зубу Будды я не испытал никакого чувства умиротворения и просветления. Напротив, я понял: будь я тамилом, мне бы, скорее всего, грозило расчленение.

Человек — животное без особой внутривидовой вариации. Не стоит предаваться пустым фантазиям о том, что, скажем, в Тибете можно найти людей, живущих в небывалой гармонии с природой и вечностью. Для примера возьмем далай-ламу, прекрасно знакомого любому неверующему. Совсем как отпрыск средневекового короля, он настаивает не только на независимости Тибета от Китая, но и провозглашает себя наследственным монархом, назначенным самим небом. Хорошо устроился! Инакомыслящие секты в его религии преследуются; его единоличная власть в индийском анклавe абсолютна; он говорит глупости о

сексе и еде, а когда ездит в Голливуд собирать деньги, посвящает в святые таких щедрых спонсоров, как Стивен Сигал и Ричард Гир. (Г-н Гир даже слегка обиделся, когда г-на Сигала произвели в ранг «тулку», лица высокой степени просветления. Должно быть, досадно, когда тебя обставляют на таком духовном аукционе.) Я готов признать, что нынешний далай, или верховный лама, обладает некоторым обаянием и харизмой. Я также готов признать, что царствующая королева Англии обладает более явным нравственным стержнем, чем большинство ее предшественников, но это не отменяет критики наследной монархии. Первые иностранцы, посетившие Тибет, откровенно ужасались феодальным порядкам и страшным наказаниям, при помощи которых паразитическая монастырская элита держала население в постоянной кабале.

Как без особых усилий доказать, что «восточные» учения ничем не отличаются от не подлежащих проверке догм «западной» религии? Вот взвешенные слова Гудо, знаменитого японского буддиста первой половины XX века:

Как проповедник буддизма я учу, что «все чувствующие существа имеют природу Будды» и что «все равны в дхарме, и нет в ней ни высших, ни низших». Далее, я учу что «все чувствующие существа — мои дети». Взяв эти золотые слова за основу своей веры, я обнаружил, что они полностью согласуются с принципами социализма. Так я поверил в социализм.

Все это мы уже проходили: голословное утверждение, что некая неопределенная внешняя «сила» наделена разумом, и тонкий, но грозный намек на то, что всякий несогласный так или иначе противостоит этой святой родительской силе. Этот отрывок я нашел в превосходной книге Брайана Виктории «Дзен и война». Там описано, как большинство японских буддистов решило, что Гудо прав в целом, но ошибается в частностях. Людей действительно следовало считать детьми, как это делается во всех религиях, но Будда и дхарма требовали вовсе не социализма, а фашизма.

Г-н Виктория исповедует буддизм и утверждает (поверю ему на слово), что является священником. Очевидно, что он серьезно относится к своей религии и немало знает о Японии и японцах. Его анализ показывает, что японский буддизм обслуживал — и даже оправдывал — империализм и массовые убийства, причем не потому, что был японским, а потому, что был буддизмом. В 1938 году видные члены секты ничирен основали общество приверженцев «имперского буддизма». Это общество выступило со следующим заявлением:

Чрез возвышенные истины Сутры Лотоса имперский буддизм являет миру величественную суть национального государства. Это учение, превозносящее истинный дух махаяны, поддерживает и чтит труды императора. Именно это имел в виду великий основатель нашей общины, святой Ничирен, говоря о божественном единстве Самодержца и Будды... По этой причине главный образ поклонения в имперском буддизме не Будда Шакьямуни, явившийся в Индии, но его величество император, чей род длится десять тысяч поколений.

С такими восхвалениями, при всей их гнусности, почти невозможно спорить. Подобно большинству догм, они исходят из того, что еще не доказано. За громким заявлением следуют слова «по этой причине», как будто логическая цепочка начинается и кончается этим заявлением. (К этому типу относятся и все высказывания далай-ламы. Он, правда, не воспекает империалистическую бойню, но громко приветствовал испытания индийской атомной бомбы.)

Ученые придумали выражение для гипотез, которые настолько бесполезны, что не дают возможности даже учиться на ошибках. О них так и говорят: «Это даже не ошибка». Так называемые эзотерические знания, в основном, относятся к этому типу.

Далее стоит заметить: по мнению приверженцев этого буддийского течения, явно существуют буддийские течения, столь же «созерцательные», которые заблуждаются. Антрополог, изучающий религию, знает, что в любом движении, порожденном человеческой фантазией, рано или поздно начинаются расколы. Но чем последователь Будды Шакьямуни докажет, что заблуждается не он, а его японские товарищи? Точно не логикой, и точно не фактами — такие приемы чужды тем, кто толкует о «возвышенных истинах Сутры Лотоса».

Положение стало еще кошмарней, когда японские генералы мобилизовали своих дзен-буддийских зомби до абсолютного послушания. Китай превратился в одно большое поле смерти, а все основные секты японского буддизма, объединившись, выпустили следующее воззвание:

Чтя имперскую политику сохранения Востока, подданные Японской Империи несут ответственность за судьбу миллиарда людей с желтым цветом кожи... Мы полагаем, что пришло время повернуть ход человеческой истории, в которой до сих пор доминировали европейцы.

Вполне в духе позиции, занятой синтоизмом — другой псевдо-религией, имевшей государственную поддержку: японские солдаты гибнут за независимость Азии. Каждый год разражается известный скандал, сопряженный с тем, стоит ли государственной и религиозной элите Японии посещать святилище Ясукуни, которая официально чтит память армии императора Хирохито. Каждый год миллионы людей в Китае, Корее и Бирме протестуют против таких посещений, напоминая, что Япония была не врагом империализма на Востоке, но его новым обличьем, еще более преступным, а потому святилище Ясукуни — жуткое место. Крайне любопытно, однако, что японские буддисты того времени считали союз с нацистской Германией и фашистской Италией воплощением теологии освобождения. Вот как выразило эту мысль объединенное буддийское руководство:

Чтобы установить вечный мир в Восточной Азии, а с ним великое благо и сострадание буддизма, нам порой приходится быть смиренными, порой настойчивыми. Сейчас у нас нет иного выбора, кроме как проявить благотворную настойчивость и «убить одного ради жизни многих» («иссацу ташо»). Махаяна одобряет такое решение с величайшей серьезностью.

Идеологи «священных войн» или «крестовых походов» не могли бы выразиться точнее. Особенно хорош момент про «вечный мир». Под конец чудовищной войны, развязанной Японией, не кто иной, как буддийские и синтоистские монахи помогали вербовать и тренировать летчиков-самоубийц, камикадзе («божественный ветер»), заверяя их, что император — это «Святой Царь, Что Вращает Золотое Колесо», одно из четырех воплощений идеального буддийского монарха, а также «татхагата» («полностью просветленное существо») в материальном мире. И коль скоро «для дзена нет жизни и смерти», почему бы не оставить мирские заботы и не броситься к ногам диктатора-убийцы?

Этот жуткий пример подкрепляет мой общий тезис: в «вере» следует видеть угрозу. В принципе у меня должна быть возможность заниматься своими исследованиями в одном доме, а у буддиста — вращать свое колесо в соседнем. Но презрение к интеллекту имеет странное

свойство: оно не может оставаться пассивным. Есть два возможных сценария. В первом невинные и легковерные становятся жертвами нечистоплотных людей, стремящихся их «вести» и «вдохновлять». Во втором те самые люди, что своим легковерием довели общество до стагнации, ищут выход не в анализе собственных ошибок, но в поиске виновников своей отсталости. В самой что ни на есть «духовной» стране случилось и то, и другое.

Многие буддисты сожалеют о той прискорбной попытке буддизма доказать свое превосходство, но не один из них так и не доказал несовместимость этой попытки с буддийским учением. Вера, которая презирает разум и свободу личности, которая проповедует покорность и бездействие, а жизнь считает чем-то убогим и преходящим, плохо приспособлена к самокритике. Тем, кто устал от скучных «библейских» религий и хочет обрести «просветление», обменяв способность критически мыслить на нирвану, стоит призадуматься. Им кажется, что они сбрасывают оковы презренного материализма. На самом же деле их просят усыпить свой разум и оставить его у входа вместе с сандалиями.

Глава пятнадцатая

Религия как первородный грех

Некоторые аспекты религии не просто не имеют никакого отношения к нравственности, но откровенно безнравственны. Речь не о пороках и преступлениях отдельных верующих (чье поведение иногда достойно восхищения), но о фундаментальных принципах религии. Среди них:

- ложная картина мира, которую религия скармливает легковерным;
- учение о жертвенной крови;
- учение об искупления грехов;
- учение о вечном вознаграждении и/или вечном наказании;
- насаждение невыполнимых заповедей и правил.

Первый пункт мы уже обсудили. То, что все мифы о сотворении мира далеки от действительности, известно давно, а в последнее время их еще и вытеснили новые объяснения, несравненно более точные и величественные. Религии следует всего лишь внести в свой покаянный список еще одно извинение: за то, что она навязывала ничего не подозревающим людям сказки и фантазии на пергаменте и так долго не желала в этом признаваться. Разумеется, такое признание может подорвать все религиозное мировоззрение, но и отрицание его становится тем преступней, чем дольше оно откладывается.

Жертвенная кровь

Еще до возникновения монотеизма алтари примитивных обществ были залиты кровью — часто человеческой, иногда младенческой. Жажда жертвенной крови — по крайней мере, животной — с нами до сих пор. Прямо сейчас иудеи пытаются вывести безупречно «рыжую телицу», упомянутую в главе 19 книги Чисел. Если ее заколоть в точном соответствии с подробно расписанным ритуалом, в Третьем Храме возобновятся животные жертвоприношения, настанет конец времен и явится Мессия. Можно счесть это обыкновенной глупостью, но, пока я пишу эти строки, группа христианских фермеров, одержимых той же идеей, пытается помочь братьям по фундаментализму: при помощи специальных селекционных технологий (заимствованных или украденных у современной науки) они выводят в Небраске идеальную корову породы «рыжий ангус». В Израиле между тем иудейские фанатики пытаются еще и вырастить ребенка в незамутненном «пузыре», свободном от скверны. По достижении нужного возраста этому ребенку выпадет честь перерезать глотку рыжей телицы. В идеале это должно произойти на Храмовой горе, где делу несколько мешают мусульманские святыни, но именно там Авраам якобы занес нож над живым телом своего ребенка. Кроме того, священное вспарывание кишок и перерезание глоток происходит в христианском и исламском мире каждый год во время празднования Пасхи или Курбан-байрама.

Жертвоприношения в честь готовности Авраама заколоть собственного сына, доставшиеся нам в наследство от примитивной древности, по-прежнему живы в каждой из трех монотеистических религий. Страшную историю Авраама невозможно представить ни в каком щадящем свете. Прелюдия к ней состоит из серии сказок и мерзостей: здесь и дочери Лота, соблазнившие отца, и женитьба Авраама на сводной сестре, и Сара, родившая Исаака, когда Аврааму было сто лет, а также много других правдоподобных и неправдоподобных сельских преступлений и проступков. Возможно, Авраама и мучила совесть, но бога он послушаться не мог и потому согласился убить своего сына. Он приготовил хворост, положил на него

связанного мальчика (очевидно, он был знаком с процедурой) и взялся за нож, чтобы забить ребенка, как забивают скот. В самый последний момент занесенная рука Авраама была остановлена — причем не самим богом, а ангелом. С небес раздалась похвала его непоколебимой готовности убить невинного во искупление собственных преступлений. В награду за послушание Аврааму пообещали, что род его будет обилен и проживет долго.

Вскоре после этого (хотя ориентироваться во временной канве книги Бытие нелегко) его жена Сара скончалась в возрасте ста двадцати семи лет и верный муж похоронил ее в пещере в городе Хеврон. Счастливо прожив после смерти супруги до ста семидесяти пяти лет и прижив еще шестерых детей, Авраам упокоился в той же пещере. По сей день религиозные люди убивают друг друга за эксклюзивное право собственности на эту дыру в скале, точное расположение которой установить невозможно в принципе.

Во время арабского восстания 1929 года в Хевроне произошла страшная резня, в которой погибли шестьдесят семь евреев. Многие из них принадлежали к секте любовических хасидов, считавших всех неевреев расово неполноценными и переехавших в Хеврон только из-за мифа об Аврааме, но это не оправдывает погрома. Поначалу Хеврон оставался вне границ Израиля, но в 1967 году израильская армия с большой помпой захватила его, и город стал частью оккупированного Западного берега реки Иордан. Под предводительством особенно агрессивного и малоприятного раввина по имени Моше Левингер началось «возвращение» еврейских поселенцев и строительство укрепленного поселка Кирьят-Арба на холмах рядом с городом, а также более мелких поселений в самом городе. Мусульманская часть преимущественно арабского населения Хеврона при этом не уставала твердить, что досточтимый Авраам действительно изъявил готовность убить собственного сына, но только ради их религии, и никак не ради евреев. Приехав в Хеврон, я обнаружил, что в так называемой «Пещере Патриархов», или «Пещере Махпела», имеются отдельные входы и отдельные места поклонения для обеих сторон, ведущих войну за право чтить это зверство под собственным флагом.

Незадолго до моего приезда имело место другое зверство. В пещеру явился израильский фанатик по имени Барух Гольдштейн. Сняв с плеча автомат, на ношение которого имел официальное право, он разрядил его в собравшихся мусульман. Прежде, чем его повалили на землю и забили насмерть, он успел застрелить двадцать семь человек и ранить без счета. Позже выяснилось, что многие знали о потенциальной опасности Гольдштейна. Еще будучи врачом израильской армии, он отказывался лечить израильских арабов и других неевреев, тем более в шаббат. Как подтвердили многие религиозные суды Израиля, тем самым он всего лишь соблюдал заветы раввинов. Иначе говоря, искреннее следование букве закона божьего — надежный признак для выявления бесчеловечного убийцы. Особо твердолобые евреи-ортодоксы по сей день чтят его память, а из тех раввинов, что вообще осудили его поступок, некоторые сделали это с оговорками. Проклятие Авраама по-прежнему отравляет жизнь в Хевроне, а жертвенное кровопролитие во имя религии отравляет всю нашу цивилизацию.

Искупление грехов

Во время своих церемоний, от которых невозможно думать без содрогания, ацтеки и многие другие народы древности убивали людей, чтобы умиловить богов. Считалось, что богам по вкусу зарезанная девственница, младенец или пленник: еще одна не особенно удачная реклама морального облика религии. «Мученичество», при котором в жертву приносят самого себя, можно толковать несколько иначе, хотя такую его форму, как индуистский обычай сати, добровольно-обязательное «самоубийство» вдов, колониальные британские власти запретили — не только по христианским, но и по имперским соображениям. Отдельный случай представляют

собой «мученики», которые стремятся убить себя вместе с кем-нибудь еще: ислам официально запрещает самоубийство как таковое, но никак не может определиться, как быть с отважными «шахидами» — осуждать или ставить в пример.

Эволюция древнего предрассудка в конце концов породила представление о жертвенном искуплении чужих грехов, не дававшее покоя даже Клайву Льюису. Вновь перед нами отец, доказывающий свою любовь зверским убийством сына, но этот отец не пытается произвести впечатление на бога. Он сам и есть бог, и впечатление пытается произвести на людей. Спросите себя: как сочетается с моралью нижеследующее? Мне говорят, что две тысячи лет назад состоялось человеческое жертвоприношение, без моего на то согласия и в условиях столь изуверских, что, оказавшись там и имея хоть какое-нибудь влияние, я бы счел своим долгом ему помешать. В результате этого убийства мои собственные многообразные грехи прощаются, и я вправе рассчитывать на жизнь вечную.

Забудем на минуту, насколько противоречат друг другу рассказчики этой истории. Допустим, что все примерно так и было. Что из этого следует? Не так много хорошего, как кажется на первый взгляд. Для начала — чтобы суметь воспользоваться этим чудесным предложением — я должен взять на себя ответственность за бичевание, глумление и распятие, в которых не участвовал и которым не мог помешать. Я должен признать, что каждый раз, когда я отказываюсь от этой ответственности или грешу — словом ли, делом ли, — я делаю мучения распятого еще невыносимей. Далее, от меня требуют поверить, что мучения были необходимы для того, чтобы искупить более давнее преступление, в котором я также не участвовал, а именно грех Адама. Бессмысленно возражать, что Адама, судя по всему, сначала наделили жгучим любопытством и мятежностью, а затем запретили их утолять: все было решено раз и навсегда задолго до рождения Иисуса. Таким образом, моя собственная вина в данном вопросе считается «первородной» и неизбежной. При этом, однако, мне дарована свобода воли, посредством которой я могу отвергнуть предложенное искупление моих грехов. Если я воспользуюсь этой возможностью, мне предстоят вечные пытки — ужасней всех мук Голгофы и всех кар, которыми пугали первую аудиторию Десяти заповедей.

История становится еще запутанней, когда рано или поздно понимаешь, что Иисус и желал смерти, и нуждался в ней. На Пасху в Иерусалим он пришел именно для того, чтобы умереть, и все, кто принимал участие в убийстве, сами того не ведая, исполняли божью волю и древние пророчества. (Если оставить в стороне версию гностиков, в высшей степени странной представляется хула, свалившаяся на Иуду, которому почему-то понадобилось показать преследователям всем известного проповедника. Без Иуды не было бы ни «Страстной пятницы», ни самих «страстей».

Рассказывают (только в одном из четырех Евангелий), что евреи, приговорившие Иисуса к смерти, просили оставить «кровь его» на них и на их «детях». Эта проблема касается не только самих евреев и не только католиков, озабоченных историей христианского антисемитизма. Предположим, что синедрион на самом деле высказал такую просьбу (Маймонид считал, что синедрион поступил совершенно правильно). Как она может распространяться на будущие поколения? Вспомним, что Ватикан не утверждал, что Христа убили некие евреи. Он утверждал, что смерти Христа требовал еврейский народ, и что на всех евреях лежит коллективная ответственность. Кажется странным, что церковь лишь совсем недавно сподобилась спять с евреев обвинение в коллективном «богоубийстве». Но причину этой медлительности найти не так уж трудно. Допустив, что ныне живущие евреи не причастны к смерти Христа, крайне трудно говорить о причастности других людей, не присутствовавших при казни. Как обычно, одна зацепка — и все рвется в клочья (или превращается в домотканое полотнище, подобное разоблаченной Туринской плащанице). Одним словом, коллективизация

вины сама по себе безнравственна, и время от времени религию вынуждают это признать.

Вечное наказание и невыполнимые заповеди

В детстве меня затягивала евангельская история о ночи в Гефсиманском саду: и «передышка» в действии, и человеческий всхлип главного героя наводили на мысль, что какая-то часть этого фантастического сценария все-таки может быть правдой. В сущности, Иисус спрашивает: «Неужели это обязательно надо делать?» Вопрос впечатляющий и незабываемый, я давно решил, что с радостью поспорю на собственную душу, что единственный верный ответ — «нет». Мы не можем взвалить все наши преступления на козла и прогнать несчастное животное в пустыню, как это делали вечно перепуганные селяне древности. В своей повседневной речи мы совершенно справедливо презираем поиски «козлов отпущения». А ведь религия — один затянувшийся поиск козла отпущения. Я могу отдать за тебя долги, если ты растратился, а будь я героем вроде Сидни Картона из «Повести о двух городах», я мог бы отсидеть твой тюремный срок или занять твоё место на виселице. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Но я не могу снять с тебя ответственность за твои поступки. Было бы безнравственно с моей стороны предлагать такое, а с твоей — принимать мое предложение. Если же это предложение делается из другого времени и другого мира, через посредников, вкуче с кнутом и пряником, оно теряет все свое величие и перерождается в пустые фантазии или, хуже того, в комбинацию шантажа и подкупа.

Окончательную деградацию всего этого до уровня обыкновенной сделки продемонстрировал Блез Паскаль, теологию которого иначе как нечистоплотной и не назовешь. Его знаменитое «пари» — образец торгашества: что тебе терять? Если ты веришь в бога, и бог есть, ты получишь выгоду. Если ты веришь в него и заблуждаешься — что с того? Я как-то написал ответ на эту хитрую перестраховку, состоявший из двух частей. Первая была вариацией гипотетического ответа Бертрана Рассела на гипотетический вопрос: что вы скажете, если после смерти предстанете перед Творцом? Что же ответил Рассел?

«Я сказал бы: „О Боже, ты дал нам слишком мало доказательств“».

Моя версия:

«Непостижимый сэр, некоторые грани вашей многообразной репутации подсказывают мне, что лицемерной, расчетливой игре в веру и фимиаму кровавых алтарей вы предпочли бы честного, убежденного безбожника. Но я в этом не уверен».

Паскаль напоминает мне лицемеров и жуликов, которых полно в талмудическом иудейском рационализаторстве. В субботу не делай ничего сам — найми кого-нибудь другого. Ты следуешь букве закона, а что еще надо? Далай-лама говорит, что можно ходить к проституткам, если платит кто-то другой. Мусульмане-шииты предлагают «временные браки»: мужчине продают разрешение завести жену на пару часов, по обычному обряду, и развестись на ней, как только дело сделано. Половина прекрасных зданий Рима никогда не была бы возведена, если бы торговля индульгенциями не приносила столько прибыли: даже собор Святого Петра построили на выручку от одной эксклюзивной сделки подобного рода. Новейший папа, в прошлом Иозеф Ратцингер, недавно зазывал католическую молодежь на мероприятие, обещая участникам определенное «облегчение грехов».

В этом жалком фарсе на тему морали не было бы никакой необходимости, если бы

нарушаемые правила вообще можно было соблюдать. Но тоталитарные эдикты, которые начинаются с откровения и абсолютной истины, насаждаются запугиванием и держатся на грехе, совершенном в глубокой древности, идут в комплекте с законами, которые зачастую безнравственны и невыполнимы одновременно. Введение правил, которые невозможно соблюсти, — ключевой принцип тоталитаризма. Тирания, возникающая в результате, становится еще полней, если у власти стоит привилегированная каста или партия, чуткая и безжалостная к любым проступкам. На протяжении всей человеческой истории большинство людей жило при подобной диктатуре, убивающей всякую мысль, а многие живут при ней до сих пор. Позвольте мне привести несколько примеров обязательных, но невыполнимых правил.

Первый характерный пример: синайская заповедь, запрещающая алкать даже в мыслях. Ей вторит Новый Завет, где говорится, что мужчина, глядящий на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею. С нею же сопоставим современный исламский (и былой христианский) запрет на одалживание денег под процент. Каждый из этих запретов по-своему стремится наложить на человеческую инициативу невыносимые ограничения. Есть только два способа не нарушить их. Первый состоит в непрерывном умерщвлении плоти, сопровождаемом нескончаемой борьбой с «нечистыми» мыслями, которые превращаются в проступки, стоит им появиться в голове. Отсюда истерические исповеди, пустые обещания исправиться и громкие, агрессивные обличения других грешников: полицейское государство духа. Другой выход — в организованном лицемерии, при котором запрещенную пищу переименовывают во что-нибудь другое, мзда религиозным властям дает свободу действий, показная ортодоксия приносит временную передышку, а деньги можно положить на один счет и вернуть на другой, добавив небольшой процент безо всякого ростовщичества. Такое можно назвать банановой республикой духа. Многие теократии — от средневекового Рима до современного ваххабитского режима в Саудовской Аравии — умудряются совмещать полицейское государство с банановой республикой духа.

Эта критика относится и к некоторым из наиболее благородных и базовых правил. Наказ «любить ближнего твоего» — мягкое и в то же время строгое напоминание о нашем долге перед другими людьми. Наказ «любить ближнего твоего как самого себя» слишком обременителен и потому невыполним, как и не совсем ясное предписание любить других, «как Я возлюбил вас». Не в природе людей любить других, как самих себя: они попросту не способны на это (и любому разумному «создателю», изучавшему собственные творения, это должно быть предельно ясно). Под страхом пыток и смерти требовать от людей, чтобы они стали сверхлюдьми, значит, требовать страшного самоуничтожения, вызванного регулярным и неизбежным нарушением правил. В какой широкой ухмылке расплываются при этом лица тех, кто принимает искипительные денежки! Так называемое «золотое правило», которое некоторые напрасно отождествляют с народным преданием о раввине Хиллеле из Вавилона, призывает нас всего лишь обращаться с другими так, как нам хотелось бы, чтобы они обращались с нами. Этот трезвый рациональный принцип намного старше всех «заповедей блаженства» и притч Иисуса. Ему можно научить любого ребенка, с его врожденным чувством справедливости. Он вполне понятен любому атеисту. Его нарушение не требует ни истерического мазохизма, ни истерического садизма. Он усваивается постепенно, по мере крайне медлительной эволюции нашего вида, и не забывается. Обыкновенная совесть справляется с задачей безо всякого гнева небес.

Что до самых базовых правил, нужно лишь ненадолго вернуться к телеологическому доказательству. Люди желают обогащаться и жить в достатке. Они могут одолжить или даже подарить деньги нуждающемуся другу или родственнику, не ожидая взамен ничего, кроме благодарности или возвращения одолженной суммы, но они не готовы давать беспроцентные

займы незнакомцам. По счастливой случайности, алчность и жажда наживы — двигатели экономического развития. Об этом знали все экономисты: и Давид Рикардо, и Карл Маркс, и Адам Смит. Как писал Смит с характерной шотландской хваткой, булочник обеспечивает нас хлебом не «по доброте душевной», но потому что выпечка и продажа хлеба приносит ему прибыль. Как бы то ни было, можно по собственной воле стать альтруистом, что бы это ни значило, но, по определению, к альтруизму невозможно принудить. Возможно, мы были бы более совершенными млекопитающими, если бы нас не «создали» такими, но нет ничего нелепей представления о «создателе», который запрещает инстинкты собственного изготовления.

«Свобода воли», — твердят казуисты. Запрет на убийство или воровство тоже нарушается. Что ж, можно иметь определенную генетическую предрасположенность к агрессии, ненависти и жадности, но при этом быть достаточно развитыми, чтобы не следовать каждому позыву своей природы. Если бы мы всякий раз поддавались нашим низменным инстинктам, не было бы ни цивилизации, ни письменности, при помощи которой ведется этот спор. Однако нет никакого сомнения в том, что руки человека, стоит ли он или лежит, всегда оказываются рядом с гениталиями. Это, безусловно, служило защите от первобытных хищников, когда наши предки пошли на риск прямохождения и поставили под удар жизненно важные органы. Это свойство одновременно и привилегия, и провокация, на которую не способно большинство четвероногих (зато некоторые из них могут дотянуться пастью до того же места, которое мы достаем пальцами и ладонями). Спросим себя: кому пришло в голову запретить это очевидное сочетание рук и чресл, причем даже в мыслях? Кто, если выразиться прямолинейней, решил, что мы и должны дотрагиваться (по причинам, никак не связанным с сексом или размножением), и ни в коем случае не должны? Даже никакие писания ничего прямо не говорят об этом. Тем не менее почти во всех религиях касание рук и гениталий строго запрещено.

Можно написать целую книгу, посвященную уродливому отношению религии к сексу, ее священному ужасу перед совокуплением и сопутствующими явлениями — от семяизвержения до менструальных кровотечений. Но проще свести эту захватывающую историю к одному-единственному провокационному вопросу.

Глава шестнадцатая

Является ли религия надругательством над детьми?

«Скажи мне сам прямо, я зову тебя, — отвечай: Представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданыце, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулаченком в грудь и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!»

Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. Вопрос Ивана Алеше

Пытаясь понять, принесла ли религия «больше зла, чем добра» (не то чтобы это имело хоть какое-то отношение к ее истинности), мы сталкиваемся с невообразимо сложным вопросом. Как узнать, сколько детей навсегда искалечило — физически и психически — обязательное религиозное внушение? Установить это не намного легче, чем ответить, сколько духовных и религиозных прозрений и грез «сбылись» — притом, что большинство несбывшихся не сохранилось ни в летописях, ни в человеческой памяти. Но нет никакого сомнения, что религия всегда стремилась иметь привилегированный доступ к детским мозгам, податливым и беззащитным, и ради этого заключала союзы с мирскими властями.

Один из лучших примеров морального терроризма в нашей литературе — проповедь отца Арналла в романе Джеймса Джойса «Портрет художника в юности». Этот мерзкий старый святоша подготавливает Стивена Дедала и других юных «подопечных» к духовным упражнениям в честь святого Франциска Ксаверия (человека, который распространил инквизицию на Азию, и чьим костям до сих пор поклоняются любители поклоняться костям). Он решает впечатлить их долгим, злорадным описанием адских мук — из разряда тех, которыми церковь страшила верующих во времена своего могущества. Цитировать эти бредни целиком невозможно, но стоит отметить два особенно красочных момента: о природе пыток и о природе времени. Нетрудно понять, что слова священника предназначены именно для того, чтобы запугать детей. В разделе о пытках дьявол плавит целую гору, как свечку. Перечисляются все страшные недуги, и ловко эксплуатируется детская боязнь, что боль может длиться вечно. Когда речь заходит о единице времени, появляется ребенок, играющий с песчинками на пляже, затем следует инфантильное перемножение единиц («Папа, а если взять десять тыщ миллион миллионов миллионов котят, они заполнят весь мир?»), и затем ряд продолжают аналогия с листьями всех лесов, легко всплывающие в воображении шерсть, перья и чешуя домашних любимцев, так хорошо знакомые детям. На протяжении столетий взрослым мужчинам платили деньги за подобное запугивание малолетних (а также за пытки, избиения и сексуальное насилие над ними — память об этом хранил и Джойс, и бесчисленное множество других свидетелей).

Нетрудно обнаружить и другие примеры тупости и изуверства правоверных. Идея пытки, древняя как сам человек, — воплощенная гнусность: мы единственные животные, способные представить ощущения тех, кого пытаются. Не религия создала эту склонность, но она узаконила и усовершенствовала ее, и потому заслуживает осуждения. От Голландии до Тосканы музеи европейского Средневековья забиты инструментами и приспособлениями, при помощи которых люди божьи самоотверженно выясняли, как долго можно поджаривать человека вживую. Нет

нужды углубляться в подробности, но были и религиозные учебники пыточных искусств, и руководства по выявлению ереси болью. Те, кому не посчастливилось принимать непосредственное участие в auto-da-fe (так — «актом веры» — называли пытки), могли сколько угодно предаваться изуверским фантазиям и облекать их в слова, тем самым поддерживая невежественное население в состоянии перманентного страха. Во времена, когда развлечений было не так уж много, святоши зачастую не оставляли своей пастве других зрелищ, кроме сожжения заживо, пускания кишок или колесования. Большое воображение, придумавшее ад, есть самое кричащее доказательство человеческого нутра религии. Если, конечно, не считать убогого воображения, не сумевшего изобразить рай иначе, чем местом мирских утех, вечной скуки или (как думал Тертуллиан) нескончаемого смакования чужих мук.

Дохристианские версии ада тоже были весьма неприятны и свидетельствуют о такой же садистской изобретательности. Однако некоторые из ранних преисподних, о которых мы знаем (здесь можно особо отметить индуистский ад), были ограничены во времени. Грешника, к примеру, могли приговорить к определенному числу лет в аду, где каждый день был как 6400 человеческих лет. Таким образом, убивший священника получал срок в аду длиной в 149 504 000 000 лет. Отбыв срок, он допускался к нирване, что, судя по всему, означает уничтожение личности.

Честь выдумать ад, из которого нет спасенья, выпала христианам. (Эта идея легко присваивается кем угодно: я помню отвратительный гул одобрения в Мэдисон-сквер-гарден, которым толпа встречала слова Луиса Фаррахана, главы еретической «Нации ислама», открытой только чернокожим. Беснуясь против евреев, он орал: «И запомните: если в топку вас бросит Господь, это НАВЕЧНО!»)

Всякая система абсолютной власти одержима детьми и жестким контролем над их воспитанием. «Дайте мне ребенка, которому еще нет десяти, и я верну вам мужчину» — впервые эти слова сказал иезуит, но сама идея намного старше школы Игнатия Лойолы. Идеологическая обработка детей часто приводит к обратному эффекту, о чем свидетельствует и судьба многих светских идеологий, но, похоже, правоверные готовы идти на этот риск, лишь бы напичкать основную массу мальчиков и девочек нужным количеством пропаганды. Да и на что им еще рассчитывать? Если бы религиозное обучение позволялось только по достижении интеллектуальной зрелости, мы бы жили совсем в другом мире. Среди верующих родителей нет согласия по этому вопросу. Разумеется, они хотели бы делить со своими отпрысками радости Рождества и других красных дней календаря (кроме того, бог, а также мелкие фигуры вроде Санта-Клауса, могут пригодиться в укрощении непослушных). Но обратите внимание, что случается, стоит их ребенку — даже в раннем подростковом возрасте — попасть в лапы другой религии, не говоря уже о сектах. Как правило, родители голосят, что это эксплуатация малолетних. Именно поэтому все монотеистические религии строжайшим образом запрещают или запрещали вероотступничество. В своих «Воспоминаниях о католическом детстве» Мэри Маккарти описывает свой шок, когда проповедник-иезуит сообщил ей, что ее дедушка-протестант — ее друг и защитник — обречен на вечные муки, потому что его неправильно крестили. Будучи смышленной девочкой, она не успокоилась, пока не заставила мать-настоятельницу связаться с высшим начальством и обнаружить лазейку в писаниях епископа Афанасия, который полагал, что еретики отправляются в ад, только если отвергли истинную церковь совершенно сознательно. Оставалась возможность, что дедушка отверг истинную церковь в бессознательном состоянии, а значит, мог избежать ада. Но каких переживаний все это наверняка стоило одиннадцатилетней девочке! А сколько менее любопытных детей просто принимали эту чудовищную догму на веру и не задавали вопросов? Порочность людей, рассказывающих детям подобную ложь, не поддается описанию.

Можно привести еще два примера: безнравственной теории и безнравственной практики. Безнравственная теория касается аборта. Будучи материалистом, я считаю доказанным то, что эмбрион является отдельным телом и существом, а не проростком женского тела (как всерьез утверждали некоторые). Прежде некоторые феминистки заявляли, что он сродни аппендиксу, а то (это тоже заявлялось всерьез) и опухоли. Теперь этот вздор, похоже, прекратился. Среди прочего, конец ему положили удивительные, трогательные эхограммы, а также выживание почти невесомых «недоношенных» детей, достигших «жизнеспособности» вне материнской утробы. Это еще один пример того, как наука выступает на стороне гуманизма. Ни один человек со среднеразвитым нравственным чутьем не смог бы безучастно смотреть, как женщину бьют ногами в живот; и его негодование было бы гораздо сильнее, если бы женщина при этом была беременна. Эмбриология подтверждает нравственность. Слова «нерожденный ребенок» — даже когда их используют в политических целях — описывают объективную реальность.

Однако это лишь начало, а не конец дискуссии. Есть много обстоятельств, при которых желательно не донашивать зародыш до срока. Похоже, то ли природа, то ли бог понимает это: из-за неправильного развития плода очень многие беременности заканчиваются самопроизвольным «абортом», или в более деликатной версии — «не донашиваются». Это печально, но, пожалуй, меньшее зло, чем огромное количество детей-калек и детей-идиотов, которые иначе родились бы мертвыми или обреченными на коротенькую жизнь, мучительную и для себя, и для других. Внутриутробное развитие, как мы видим, представляет собой природу и эволюцию в миниатюре. Сначала мы напоминаем крошечных земноводных, затем у нас постепенно появляются легкие и мозг (при этом мы отращиваем и теряем ныне бесполезную шерсть), затем мы пробиваемся наружу и после непростого перехода начинаем дышать воздухом. Как и эволюция в целом, эта система безжалостно избавляется от тех, чьи шансы на выживание с самого начала были невелики: наши предки не выжили бы в саванне, если бы им пришлось беречь от хищников прорву тщедушных, беспомощных младенцев. Эволюцию в данном случае следует уподоблять не «невидимой руке» Адама Смита (этот оборот всегда вызывал у меня сомнения), но, скорее, модели «творческого разрушения», предложенной Джозефом Шумпетером. Согласно этой модели, мы принимаем во внимание безжалостность природы и потому, начиная с самых ранних предшественников нашего вида, приспособились к определенному количеству естественных неудач.

Таким образом, не каждое зачатие закончится — и никогда не заканчивалось — рождением ребенка. И с тех самых пор, как отчаянная борьба за существование начала ослабевать, человеческий разум стремится поставить под контроль частоту собственного размножения. Те семьи, что следуют прихотям природы, с ее любовью к избытку, привязаны к циклу рождений, который едва ли лучше жизни животного. Лучший способ контролировать рождаемость — профилактика. Неустанные поиски в этом направлении начались еще на заре письменной истории, и современные средства относительно надежны и безболезненны. Менее совершенное запасное решение, которое может быть желательным в силу других причин, — прерывание беременности: вынужденная мера, к которой даже в случае крайней необходимости многие прибегают с сожалением. Все мыслящие люди признают болезненный конфликт прав и интересов в данном вопросе и стремятся найти компромиссное решение. Единственное положение, совершенно бесполезное как с нравственной, так и с практической точки зрения, — дикое утверждение, что все сперматозоиды и яйцеклетки — это потенциальные жизни, слиянию которых ни в коем случае нельзя мешать, а после их объединения, даже самого мимолетного, появляется новая душа, требующая юридической защиты. По этой логике, внутриматочное устройство, не дающее оплодотворенной яйцеклетке прикрепиться к стенке матки, — орудие убийства, а внематочная беременность (катастрофическая случайность, в результате которой

йцеклетка начинает расти в фаллопиевой трубе) — это новый человек, а не обреченная зигота и прямая угроза жизни матери.

Священство встречает каждый шаг к разрешению этого спора ожесточенным сопротивлением. Даже попытки рассказать людям о возможности «семейного планирования» с самого начала были преданы анафеме, а первых активистов и пропагандистов (например, Джона Стюарта Милля) арестовывали, бросали в тюрьму или лишали работы. Всего лишь несколько лет назад мать Тереза объявила контрацептивы нравственным эквивалентом аборта, из чего «логически» вытекало (поскольку она считала аборт убийством), что и презерватив, и противозачаточная таблетка также суть орудия убийства. Она была даже немного фанатичней собственной церкви, но и здесь мы видим, что религиозное усердие и догматизм — враги добра. Они требуют от нас верить в невозможное и делать невыполнимое. Все аргументы в пользу примата жизни и защиты еще не родившихся детей дискредитируются людьми, для которых и нерожденные, и рожденные — всего лишь объекты догматических манипуляций.

Если говорить о безнравственных обычаях, трудно представить что-нибудь более жуткое, чем уродование половых органов маленьких детей. Трудно представить что-либо менее совместимое с идеей творения. Представляется очевидным, что бог-творец уделил бы особое внимание репродуктивным органам своих созданий, столь важным для продолжения рода. Но религиозные ритуалы испокон веков предписывают хватать детей по колыбелям и пускать их гениталии под нож или острый камень. У некоторых мусульман и анимистов больше всего страдают новорожденные девочки, которым вырезают половые губы и клитор. Иногда эта процедура откладывается до подросткового возраста и, как описано выше, сопровождается инфибуляцией, или зашиванием влагалища: в нем оставляют только крошечное отверстие для прохода крови и мочи. Цель очевидна: убить или притупить половой инстинкт девочки и уничтожить искушение экспериментировать с кем-либо, кроме того мужчины, которому ее отдадут (ему же достанется привилегия вспороть нитки в кошмарную для девушки брачную ночь). При этом ей объясняют, что ее месячные кровотечения — это проклятие (все религии отмечены ужасом перед менструацией, а многие до сих пор запрещают женщинам посещать богослужения во время месячных), а сама она нечистый сосуд.

Другие культуры — прежде всего, иудео-христианская — предписывают уродовать половые органы мальчиков. (Девочки почему-то могут быть иудейками даже с нетронутыми гениталиями. Бесплезно искать логику в договорах, заключаемых людьми со своими выдуманными богами). В данном случае первоначальная мотивировка, похоже, была двойкой. Пролитие крови, обязательное во время церемонии обрезания, скорее всего, символический пережиток животных и человеческих жертвоприношений, занимающих видное место на окровавленном полотне Ветхого Завета. Ритуал обрезания давал родителям возможность принести в жертву кусочек ребенка вместо целого ребенка. Возражения против экспериментов с пенисом, продуктом тщательного божьего замысла, сняла специально изобретенная догма, гласившая, что Адам был создан обрезанным — по образу и подобию бога. Некоторые раввины полагают, что и Моисей родился обрезанным, хотя причина этого утверждения, возможно, в том, что обрезание Моисея не упомянуто нигде в Пятикнижии.

Другая цель обрезания — о ней недвусмысленно говорит Маймонид — была той же, что и в случае девочек: как можно вернее извести удовольствие от соития. Вот что пишет мудрец в своем «Путеводителе растерянных»:

Что касается обрезания, то одна из его целей, на мой взгляд, в понижении частоты совокуплений и ослаблении полового органа, чтобы совокупление происходило реже, а орган находился в состоянии наибольшего покоя. Бытовало мнение, что обрезание

исправляет врожденный изъян... Разве может естественное быть ущербным и нуждаться в исправлении, тем более, что нам известно, как полезна крайняя плоть для детородного члена? На самом деле данная заповедь имеет целью исправить не врожденный изъян, но изъян нравственный. Боль, причиняемая детородному члену, и есть настоящая суть обрезания... Не вызывает сомнений, что обрезание ослабляет способность к половому возбуждению, а иногда, возможно, и уменьшает получаемое удовольствие. Ибо член, надрезанный и лишенный оболочки вскоре после рождения, несомненно, ослаблен.

Маймонид, похоже, не слишком полагался на обещание (данное Аврааму в главе 17 книги Бытие), что обрезание обеспечит его обильным потомством в возрасте девяности пяти лет. Решение Авраама подвергнуть обрезанию не только мужскую часть своей семьи, не имело особого значения. Возможно, Авраам просто перестарался, ведь завет не распространялся на неевреев. Важно было то, что он обрезал своего сына Измаила, которому было тринадцать. (Измаилу всего лишь пришлось расстаться со своей крайней плотью. Его брата Исаака — в главе 22 книги Бытие он почему-то назван «единственным» сыном — обрезали восьми дней от роду, но позднее понесли на заклание целиком.)

Маймонид также считал обрезание средством укрепления этнической солидарности. Он особо подчеркивал, что этой операции необходимо подвергать младенцев, а не совершеннолетних:

Во-первых, человек, которого не обрезали в детстве, иногда может отказаться от обрезания. Во-вторых, ребенок испытывает меньше боли, чем взрослый мужчина, потому что кожа его еще нежна, а воображение слабо; тогда как взрослому мужчине, представляющему все заранее, обрезание будет казаться ужасным испытанием. В-третьих, родители новорожденного ребенка не так сильно о нем беспокоятся, ибо еще не успел сложиться мысленный образ, принуждающий родителей любить своего ребенка... Следовательно, если не обрезать его в течение двух или трех лет, это вызовет отказ от обрезания из-за отцовской любви и привязанности. Во время рождения ребенка этот мысленный образ, напротив, очень слаб — особенно у отца, на которого и возложена данная заповедь.

Говоря простым языком, Маймонид прекрасно понимает, что, не будь эта омерзительная процедура якобы предписана богом, даже самый набожный родитель — Маймонид предполагает только наличие отца — испытывал бы к ней естественное отвращение и берег бы от нее своего ребенка. Но «божественный» закон для Маймонида превыше таких соображений.

Уже в новейшее время были выдвинуты псевдосветские аргументы в пользу мужского обрезания. Утверждалось, что эта процедура улучшает мужскую гигиену, а с ней и здоровье женщины — к примеру, предотвращая рак шейки матки. Медицина ничего не оставила от таких утверждений и показала, что некоторые проблемы вполне можно решить простым «ослаблением» (прилегания) крайней плоти. Полное обрезание, впервые предписанное богом в качестве кровавой платы за успешную расправу над ханаанеями, предстало перед нами во всей своей красе: беззащитных младенцев калечат с целью разрушить их будущую половую жизнь. Связь между религиозным варварством и подавлением сексуальности наиболее очевидна, когда отмечена «заветом на теле». Кто скажет, сколько судеб было разрушено таким образом, особенно после того, как древнееврейский фольклор начали практиковать в своих больницах христианские врачи? И кто может без ужаса читать учебники медицины и истории болезни, где

бесстрастно сообщается, сколько мальчиков после своего восьмого дня умерло от инфекции, сколько было изуродовано, сколько покалечено? Статистику заражений сифилисом и другими подарками гнилых раввинских зубов и раввинских излишеств иначе, как кошмарной, не назовешь, не говоря уже о неуклюже вспоротых уретрах, а иногда и венах. И это разрешено законом в Нью-Йорке, в 2006 году! Если бы здесь не было замешано религиозное высокомерие, ни одно здоровое общество не мирилось бы с этой примитивной ампутацией и не допускало бы никаких операций на гениталиях без осознанного согласия их обладателя.

Религия несет ответственность и за страшные последствия табу на мастурбацию (которое в викторианскую эпоху служило дополнительным предлогом для обрезания). На протяжении десятилетий мальчиков-подростков запугивали якобы «медицинскими» сведениями о слепоте, нервных срывах и сумасшествии, к которым приводит рукоблудие, и миллионы молодых мужчин и юношей жили в страхе перед такими последствиями. Суровые лекции священников, полные вздора о том, что семя — невосполнимый и конечный источник энергии, наложили отпечаток на воспитание целых поколений. Роберт Баден-Пауэлл сочинил целый маниакальный трактат на данную тему и подкреплял им мускулистое христианство своего бойскаутского движения. На исламских сайтах, дающих советы молодежи, это безумие свирепствует по сей день. Муллы, похоже, зачитываются все теми же дискредитированными текстами авторов вроде Самюэля Тиссо, что были на вооружении у их христианских предшественников и приводили к столь ужасным последствиям. Они распускают все те же экзотические, извращенные домыслы. На этом поприще особенно преуспел Абд аль-Азиз бин Баз, ныне покойный верховный муфтий Саудовской Аравии. Его слова о вреде онанизма приводятся на многих мусульманских сайтах. Эта привычка, предупреждает он, расстраивает пищеварительную систему, портит зрение, воспаляет яички, подтачивает позвоночник («откуда берется сперма»!) и вызывает конвульсии и судороги. Не остаются в стороне и «мозговые железы», что приводит к деградации интеллекта с последующим безумием. Наконец, все так же обрекая миллионы здоровых юношей на страх и чувство вины, муфтий сообщает им, что их семя истончится, потеряет силу и лишит их радости отцовства. Этот бред повторяется на сайтах *Inter-Islam* и *Islamic Voice*, как будто мусульманская молодежь страдает от недостатка невежества и сексуальной фрустрации. Мальчикам часто вообще не позволяют находиться в женском обществе, по сути, воспитывая в них презрение к собственным матерям и сестрам; при этом их принуждают к отупляющей зубрежке Корана. В Афганистане и других странах мне встречались продукты такой системы «образования», и я могу лишь повторить, что их главная проблема не в том, что они желают девственниц, а в том, что они сами девственники. Их эмоциональное и психическое развитие безнадежно исковеркано, и следствие этого отчуждения и деформации — угроза жизни многих других людей.

Сексуальная невинность детей может вызывать умиление, если не растягивать ее без необходимости, но в зрелом возрасте невинность, безусловно, вредна и отвратительна. Перед нами все тот же вопрос: как сосчитать, сколько зла причинили грязные старикашки и истеричные старые девы, приставленные церковью к невинным детям в сиротских приютах и школах? Католической церкви в данный момент приходится отвечать на этот вопрос самым болезненным способом — подсчитывая денежную стоимость надругательства над детьми и выплачивая компенсации. Жертвам уже присуждены миллиарды долларов, но разве есть цена у поколений мальчиков и девочек, чье первое знакомство с сексом было столь пугающим и гадким — благодаря людям, которым доверяли и они, и их родители? «Жестокое обращение с детьми» не что иное, как нелепый, жалкий эвфемизм, прикрывающий то, что происходит на самом деле: детей систематически насилуют и истязают при содействии и попустительстве церковной иерархии, сознательно переводившей самых гнусных преступников в более

безопасные для них приходы. Учитывая, что речь идет о современных городах, остается лишь содрогаться при мысли, что происходило в эпоху, когда церковь была выше всякой критики. С другой стороны, чего еще можно ждать, доверяя беззащитных детей асоциальным личностям, вынужденным лицемерно блюсти целомудрие? Разве не их учили сурово именовать детей «отродьем» и «отростками» Сатаны? В «лучшем» случае неизбежная фрустрация находила выход в чудовищном избытке телесных наказаний. Но когда искусственные запреты окончательно рушатся (как это происходило прямо на наших глазах), на смену им приходят злодеяния, что даже в страшном сне не приснятся рядовому онанисту и прелюбодею. И это не вина нескольких преступных пастырей — это следствие идеологии, которая стремилась упрочить церковный контроль при помощи контроля над половым инстинктом и даже над половыми органами. Как и религия в целом, это пережиток детских страхов человечества. На вопрос Ивана о священном истязании ребенка Алеша ответил («тихо»): «Нет, не согласился бы». Именно таким должен быть наш ответ и на гнусное заклятие беззащитного маленького Исаака, и на все современные изуверства. Только говорить мы должны громче.

Глава семнадцатая

Предвижу возражение, или Последний козырь против светского мировоззрения

Даже если я не могу раз и навсегда доказать, что вся польза религии — в прошлом, что ее основоположные тексты — шитые белыми нитками сказки, что она выдумана человеком и человеком же насаждается, что она всегда была врагом науки и свободомыслия, что она, по большей части, держалась на лжи и страхе, и что она нагнетала чувство вины и потворствовала невежеству, а также рабству, геноциду, расизму и тирании, — я, тем не менее, могу с уверенностью заявить, что сегодняшней религии прекрасно знакомы эти обвинения. Прекрасно знакомы ей и все новые и новые данные о происхождении вселенной и жизни, делающие ее роль маргинальной, если не нулевой. Я попытался ответить на большинство религиозных контраргументов в порядке их появления в споре, но остается еще один довод, избежать которого, скорее всего, не удастся.

Да, на совести религии и охота на ведьм, и инквизиция, и крестовые походы, и исламские завоевания, и ужасы Ветхого Завета, но разве светские и атеистические режимы не совершали преступлений и не губили людей с таким же, а то и большим размахом? И разве не верно, что разнузданней всего люди ведут себя именно тогда, когда свободны от религиозного страха? В «Братьях Карамазовых» Достоевский резко критиковал религию (он жил под гнетом деспотизма, санкционированного церковью) и своего героя Смердякова выставил тщеславным и легковерным дураком, но нетрудно понять, почему с лозунгом Смердякова — «без Бога нет нравственности» — соглашались те, кто рассматривает Русскую революцию сквозь призму XX столетия.

Можно пойти еще дальше и заявить, что именно светский тоталитаризм явил нам апофеоз человеческого зла. Наиболее ходовые примеры — режимы Гитлера и Сталина — с ужасающей ясностью показывают, что может случиться, когда люди присваивают себе роль богов. Из разговоров со своими неверующими друзьями я знаю, что в последнее время это наиболее распространенный контрдовод религиозной публики. Он заслуживает подробного ответа.

Сначала наблюдение, не требующее особых усилий: любопытно, не правда ли, что сегодняшние верующие оправдываются тем, что фашисты, нацисты и сталинисты ничуть не лучше? У религии явные проблемы с самоуважением. Не сказал бы, что ряды атеистов и секуляристов так уж кишат коммунистами и фашистами, но допустим, что верующие страдали от языческих и материалистических режимов не меньше, чем атеисты и секуляристы под гнетом церкви и теократов. Но это лишь временный компромисс.

Вероятно, первым слово «тоталитарный» применил марксист Виктор Серж, шокированный кровавой жатвой сталинизма в Советском Союзе, а популяризовала его Ханна Арендт, светский еврейский интеллектual. Сбежав от ужасов Третьего рейха, она написала «Истоки тоталитаризма». Термин «тоталитаризм» удобно отделяет «обыкновенные» формы деспотии, принуждающие своих подданных к простому повиновению, от абсолютистских систем, требующих, чтобы граждане всецело подчинили свою частную жизнь и свою индивидуальность вождю или государству.

Если принять это определение, нетрудно увидеть и первое возражение по существу. На протяжении почти всей человеческой истории идея тотального или абсолютного государства была неразрывно связана с религией. Барон и король могли заставить тебя платить подати или служить в армии и, как правило, держали наготове священников, напоминающих, что это твой

долг, однако по-настоящему страшные деспоты желали завладеть твоей головой и сердцем. Что в восточных монархиях Китая, Индии или Персии, что в империях ацтеков или инков, что в средневековой Испании, России или Франции, — почти повсеместно диктаторы были по совместительству либо богами, либо главами церквей. Им было мало простого повиновения: любая критика в их адрес была богохульной по определению, и миллионы людей жили и умирали в ужасе перед правителем, который мог отправить тебя на заклание или приговорить тебя к адским мукам из простой прихоти. Малейшее непочтение к святому дню или святому предмету, малейшее нарушение заповеди касательно секса, пищи или касты грозило бедой. Принцип тоталитаризма, часто именуемый «системным», также тесно связан с произволом. В любой момент правила могли измениться или ужесточиться, и правители пользовались тем, что подданные никогда не могли знать наверняка, повинуются ли они самому последнему закону. Мы ценим немногие древние исключения из этого правила (например, Афины Перикла, при всех их пороках) именно потому, что они подарили человечеству несколько мгновений свободы от постоянного страха перед фараонами, навуходоносорами и дариями, каждое слово которых было священным законом.

Так продолжалось и после того, как богопомазанные деспоты начали уступать место более современным формам правления. Крайне живучая идея утопического государства на земле, иногда мыслившегося по какому-нибудь небесному образцу, стала причиной страшных преступлений во имя идеала. Одной из первых попыток устроить Эдем, основанный на всеобщем равенстве, было тоталитарное социалистическое государство, созданное миссионерами-иезуитами в Парагвае. Оно сумело совместить максимальное равенство с максимальной несвободой и держалось лишь на максимальном устрашении. Оно должно было послужить уроком тем, кто стремился исправить человеческую природу. Однако исправление человеческой природы, лежащее в самой основе тоталитарного порыва, — идея, по сути, религиозная.

У Джорджа Оруэлла, безбожника-аскета, чьи романы рисуют незабываемую картину возможной жизни в тоталитарном государстве, не было на этот счет никаких сомнений. «С тоталитарной точки зрения, — писал он в 1946 году в „Подавлении литературы“, — историю не изучают, а создают. Тоталитарное государство, в сущности, является теократией, а его правящая каста, чтобы сохранить свое положение, должна считаться непогрешимой». (Заметьте, что он писал это в том же году, когда после десятилетней борьбы с фашизмом принимался — с еще большим запалом — за поклонников коммунизма.)

Чтобы иметь тоталитарный склад ума, не обязательно носить форму и ходить с плеткой или дубинкой. Необходимо лишь желать собственного порабощения и наслаждаться порабощением других. В тоталитарной системе рабское восхваление безупречного вождя непременно идет рука об руку с потерей всякой индивидуальности и частной жизни, особенно в вопросах секса, а также в обличении и наказании отступников — «ради их же блага». Решающим, вероятно, является сексуальный элемент, ведь даже последний тугодум способен понять то, что подметил Натаниель Хоторн в романе «Алая буква»: меж угнетением и развратом существует глубинная связь.

На заре человеческой истории тоталитарный принцип был доминирующим. Государственная религия давала исчерпывающий, «тотальный» ответ на все вопросы: от места человека в общественной иерархии до правильного питания и секса. Не только раб, но и всякий человек был собственностью, а люди умственного труда лишь укрепляли абсолютизм. «Мыслепреступление», наиболее яркое проявление тоталитарной идеи, придуманное Оруэллом, было обычным делом. Нечистая мысль, не говоря уже о мысли еретической, могла кончиться сдиранием кожи заживо. Обвинение в одержимости дьяволом или связях с Врагом Рода

Человеческого было равносильно приговору. Впервые адскую сущность такого общества Оруэлл понял очень рано, еще в школе под управлением христианских садистов, где невозможно было знать, нарушил ли ты правила. Что бы ты ни делал, сколько бы ты ни осторожничал, тебя всегда могли уличить в неизвестном тебе грехе.

Из той ужасной школы можно было уйти (с пожизненной травмой, как у миллионов других детей), но, согласно идеологии религиозного тоталитаризма, нельзя убежать из мира первородного греха, вины и боли. Даже после смерти тебя поджидает бесконечная расплата. По мнению самых крайних идеологов религиозного тоталитаризма, вроде Жана Кальвина, который позаимствовал свою ужасную доктрину у святого Августина, бесконечная расплата может поджидать тебя еще до твоего рождения. Давным-давно предначертано, какие души будут «избраны», когда настанет время отделять овец от козлищ. На этот предвечный приговор не подать апелляции, и никакие добрые дела и молитвы не спасут того, кто не попал в число счастливчиков. Женева Кальвина была прототипом тоталитарного государства, а сам Кальвин — садистом, изувером и убийцей, который заживо сжег Сервета (одного из выдающихся мыслителей и вольнодумцев того времени). Менее ужасные страдания самих кальвинистов, вынужденных всю жизнь впустую беспокоиться, «избрали» их или нет, хорошо схвачены в романе Джорджа Элиота «Адам Вид», а также в старой английской народной сатире на Свидетелей Иеговы, Плимутское Братство и прочие секты, нагло заявляющие, что избраны именно они и им одним известно точное число тех, кто избежит преисподней:

Лишь мы избранники небес, а вам пусть рай не снится. В аду полно свободных мест — мы не хотим тесниться.

Жизнь моего безобидного, но слабовольного дяди испортили именно такие представления. Сегодня Кальвин кажется нам фигурой из далекого прошлого, однако те, кто от его имени захватывал и использовал власть, по-прежнему с нами — под более кроткими ярлыками пресвитерианцев и баптистов. Стремление запрещать книги, вводить цензуру, затыкать рты несогласным, проклинать тех, кто вне системы, вторгаться в частную жизнь и твердить об эксклюзивном спасении — все это в самой природе тоталитаризма. Исламский фатализм, согласно которому Аллах предрешил все заранее, роднит с тоталитаризмом полное отрицание автономии и свободы личности, а также спесивая, несносная уверенность в том, что ислам уже содержит в себе все знания, которые могут кому-либо понадобиться.

Вот почему издатели выдающейся антитоталитарной антологии, опубликованной в 1950 году, не могли назвать ее иначе, как «Поверженный бог». Я немного знал и временами работал на одного из них — британского социалиста Ричарда Кроссмана. В предисловии к антологии он написал:

Интеллектуалу материальные удобства относительно неважны; более всего он ценит свободу духа. Сила католической церкви всегда заключалась в требовании безоговорочно пожертвовать этой свободой и в причислении гордыни духа к смертным грехам. Новообращенный коммунист, отдавая душу на милость канонического права Кремля, чувствовал примерно то же облегчение, что католицизм приносит интеллектуалу, утомленному и истерзанному привилегией свободы.

Единственная книга, предвидевшая все это на целых тридцать лет раньше, — небольшая, но блестящая работа под названием «Практика и теория большевизма», опубликованная в 1919 году. Задолго до того, как Артур Кестлер и Ричард Кроссман начали анализировать поражение

задним числом, катастрофа была предсказана с прозорливостью, вызывающей восхищение по сей день. Безжалостным и едким критиком новой религии был Бертран Рассел. Благодаря своему атеизму он оказался дальновидней многих наивных «христианских социалистов», которым мерещились в России зачатки нового рая на земле. Кроме того, он оказался дальновидней правящих христианских кругов в своей родной Англии. Их печатный рупор, лондонская *Times*, пришла к мнению, что объяснение русской революции надо искать в «Протоколах сионских мудрецов». Эту омерзительную подделку, сфабрикованную православной тайной полицией России, перепечатало *Eyre and Spottiswoode*, официальное издательство англиканской церкви.

Учитывая историческую падкость религии до диктатуры на земле и абсолютного контроля в потустороннем мире, хочется спросить: как же она встретила «светский» тоталитаризм нашего времени? Для начала следует сказать несколько слов о фашизме, нацизме и сталинизме.

Фашистское движение, предтечу и вдохновителя национал-социализма, характеризовала вера в органическое корпоративное общество под руководством вождя или наставника. (Фасция была символом ликторов, древнеримских приставов. Она представляла собой перевязанный пучок прутьев с топором внутри и олицетворяла единство и власть.) Возникнув на почве бедствий и унижений Первой мировой войны, фашистские движения желали защитить традиционные ценности от большевизма и исповедовали национализм и благочестие. То, что первые и самые пламенные фашисты появились в католических странах, вряд ли случайность, и уж никак нельзя назвать случайностью то, что католическая церковь в целом с симпатией относилась к идее фашизма. Она не просто считала коммунизм своим заклятым врагом, но еще и видела ненавистных евреев в высших эшелонах ленинской партии. Стоило Бенито Муссолини захватить власть в Италии, как Ватикан заключил с ним официальное соглашение, известное как Латеранский договор 1929 года. По этой сделке католичество становилось единственной официальной религией Италии и получало монопольные права в вопросах рождений, брака, смерти и образования, а взамен призывало верующих голосовать за партию Муссолини. Папа Пий XI отзывался о дуче (что означает «вождь») как о «человеке, ниспосланном провидением». Выборы фигурировали в политической жизни Италии совсем недолго, но церковь все же настояла на роспуске центристских католических партий под руководством мирян и участвовала в создании псевдопартии «Католическое действие», копии которой позднее возникли еще в нескольких странах. Церковь была надежным союзником фашистских режимов в Испании, Португалии и Хорватии. Испанскому генералу Франко было позволено именовать свое вторжение в страну и уничтожение республики почетным титулом «*La Cruzada*» — «крестовый поход». Ватикан то поддерживал, то отказывался критиковать опереточные потуги Муссолини воссоздать пародию на Римскую империю путем захвата Ливии, Абиссинии и Албании: в этих странах или вообще не было христиан, или христиане были неправильные, восточные. Оправдывая использование отравляющих газов и другие зверства в Абиссинии, Муссолини, среди прочего, даже назвал упорство ее обитателей в монофизитской ереси — неверной догме о воплощении Христа, осужденной папой Львом и Халкидонским собором в 451 году.

В Центральной и Восточной Европе дела обстояли едва ли лучше. В Венгрии церковь тепло приветствовала крайне правый военный переворот под руководством адмирала Хорти, как приветствовала она и аналогичные фашистские движения в Словакии и Австрии. (Во главе марионеточного нацистского режима в Словакии и вовсе стоял рукоположенный священник по имени отец Тисо.) Во время аншлюса австрийский кардинал с энтузиазмом встретил гитлеровское вторжение.

Во Франции крайне правые провозгласили «*Meilleur Hitler Que Blum*»^[17] — иными

словами, лучше немецкий диктатор-расист, чем законно избранный французский социалист-еврей. Такие католические фашистские организации, как «Аксьон франсез» Шарля Морра и «Огненный крест», не чураясь насилия, вели кампанию против французской демократии и не скрывали своей главной заботы: упадка Франции, начавшегося в 1899 году с оправдания капитана-еврея Альфреда Дрейфуса. После прихода немцев эти силы с готовностью пособничали в арестах и убийстве французских евреев, а также в депортации других французов в концентрационные лагеря. Вишистский режим, идя навстречу клерикалам, убрал лозунг 1789 года («Liberte, Egalite, Fraternite»^[18]) с национальной валюты и заменил его девизом добропорядочного христианина: «Famille, Travail, Patrie»^[19].

Даже в Англии, где им симпатизировали гораздо меньше, фашисты все же нашли свою аудиторию в респектабельных кругах при посредстве таких интеллектуалов-католиков, как Томас Элиот и Ивлин Во.

В соседней Ирландии «синерубашечники» генерала О'Даффи (который посылал добровольцев в Испанию на помощь Франко), в сущности, были ответвлением католической церкви. Уже в апреле 1945 года, получив известие о смерти Гитлера, президент Имон де Валера надел цилиндр, вызвал служебную машину и отправился в немецкое консульство приносить официальные соболезнования. В результате таких настроений несколько католических государств, включая Ирландию, Испанию и Португалию, не были приняты в ООН в момент ее основания. Церковь приложила усилия, чтобы извиниться за все это, но пособничество фашизму — несмываемое пятно на ее истории. Оно было не кратковременным или поспешным решением, но, скорее, деловым альянсом, который развалился лишь после того, как эпоха фашизма стала достоянием истории.

Вопрос об отношении церкви с немецким национал-социализмом значительно сложнее, но и здесь картина не получается особенно радостной. Несмотря на то, что движение Гитлера также исповедовало антисемитизм и антикоммунизм, Ватикан понимал, что нацизм представляет угрозу и власти церкви. Во-первых, он был квазизыческим феноменом, в перспективе стремившимся заменить христианство псевдонордическими ритуалами и зловещими расовыми мифами, основанными на сказке об арийском превосходстве. Во-вторых, он призывал к истреблению инвалидов и душевнобольных и довольно рано начал применять эту политику не к евреям, а к немцам. К чести церкви следует сказать, что немецкие священники сразу же осудили эту гнусную евгенику.

Но если бы его действиями руководили этические принципы, Ватикану не пришлось в течение последующих пятидесяти лет тщетно оправдываться и извиняться за свою пассивность и бездействие, заслуживающие всяческого презрения. На самом деле «пассивность» и «бездействие» здесь, возможно, не самые удачные слова. Решение ничего не предпринимать — это сознательная политика. Позицию церкви, к сожалению, легко описать и объяснить с точки зрения «реальной политики», целью которой была не победа над нацизмом, но примирение с ним.

Свое первое дипломатическое соглашение 8 июля 1933 года, через несколько месяцев после захвата власти, правительство Гитлера заключило именно с Ватиканом. В обмен на сохранение контроля над обучением детей немецких католиков, прекращение нацистской пропаганды, обличающей жестокое обращение с детьми в католических школах и приютах, и другие привилегии для церкви, Святой престол приказал Католической центристской партии самораспуститься и без лишних церемоний запретил католикам проявлять любую политическую активность по любому вопросу, который режим сочтет закрытым для обсуждения. После того, как церковь подписала эту капитуляцию, на первом же совещании своего кабинета Гитлер объявил, что новое положение вещей имеет «особую важность в борьбе

с международным еврейством». Он не ошибся. И если он сам не верил собственному везению, его вполне можно понять. Двадцать три миллиона католиков Третьего рейха, многие из которых проявили огромное личное мужество, пытаясь остановить победное шествие нацизма, теперь были обескровлены и нейтрализованы как политическая сила. Их собственный Святейший Отец, по сути, приказал им отдать все худшему кесарю в истории человечества. С того момента нацисты получили постоянный доступ к приходским книгам, с помощью которых выявлялись те, кто, по Нюрнбергским расовым законам, был недостаточно «расово чист» и потому не имел шансов пережить бесконечные преследования.

Среди кошмарных последствий этой моральной капитуляции был параллельный нравственный коллапс немецких протестантов. Стремясь не допустить особого статуса для католиков, они опубликовали собственное соглашение с фюрером. Ни одна протестантская церковь, однако, не зашла так далеко, как католические иерархи, постановившие ежегодно праздновать день рождения Гитлера 20 апреля. В этот знаменательный день, по распоряжению папы, берлинский кардинал регулярно передавал «самые теплые поздравления фюреру от имени всех епископов и епархий Германии». Пожелания счастья сопровождались «истовыми молитвами, что обращают к небесам со своих алтарей немецкие католики». Приказ папы исполнялся неукоснительно.

Справедливости ради надо сказать, что эта постыдная традиция родилась лишь в 1939 году, когда папа в Риме сменился. Папа Пий XI всегда испытывал глубочайшее подозрение к гитлеровскому государству и его очевидной способности творить страшное зло. (Во время первого визита Гитлера в Рим, к примеру, Святейший Отец демонстративно удалился из города в папскую резиденцию в Кастель Гандольфо.) Однако больного и дряхлого Пия XI на протяжении всех 1930-х годов переигрывал его же госсекретарь, Эудженио Пачелли. Есть все основания полагать, что Его Святейшество подготовил, по крайней мере, одну энциклику, выражающую некоторую обеспокоенность бедственным положением евреев Европы, но Пачелли не дал ей хода, поскольку имел другие планы. Сегодня Пачелли известен нам как папа Пий XII, занявший престол после смерти своего бывшего начальника в 1939 году. Через четыре дня после своего избрания Коллегией кардиналов Его Святейшество направил в Берлин письмо следующего содержания:

Блистательному Адольфу Гитлеру, Фюреру и Канцлеру Германского Рейха!

Начиная Наш Понтификат, желаем заверить Вас, что, как и прежде, преданы делу духовного здоровья немецкого народа, вверенного Вам... В те долгие годы, что Мы провели в Германии, Мы делали все, что в Нашей власти, для установления гармоничных отношений меж Церковью и Государством. Теперь, когда обязанности, сопряженные с Нашей должностью пастыря, расширили Наши возможности, тем более ревностной будет Наша молитва о достижении этой цели. Да будет отпущено немецкому народу процветание и прогресс во всякой деятельности!

Через шесть лет после этого послания, безнравственного и бессодержательного, некогда процветавший, цивилизованный немецкий народ глядел по сторонам и не видел вокруг камня на камне, а безбожная Красная Армия подступала к Берлину. Но я завел речь об этой смене вех по другой причине. Католикам положено верить, что папа есть викарий Христа на земле и хранитель ключей святого Петра. Разумеется, они вольны верить и в это, и в то, что бог решает, когда закончить правление одного Папы или (что более важно) начать правление другого. В таком случае они должны верить в божье благоволение на смерть антинацистского папы и восшествие на престол пронацистского папы за несколько месяцев до вторжения Гитлера в

Польшу и начала Второй мировой войны. Пожалуй, еще можно закрыть глаза на то, что 25% эсэсовцев в той войне были практикующими католиками, и что ни одному католику не пригрозили отлучением от церкви за участие в военных преступлениях. (Йозефа Геббельса, правда, все-таки отлучили, но это случилось раньше, к тому же он как-никак совершил более страшный проступок: женился на протестантке.) Ни в людях, ни в их институтах нет совершенства, кто же спорит. Но нет и более наглядного доказательства того, что священные институты созданы человеком.

Пособничество продолжилось даже после войны, когда объявленных в розыск нацистских преступников тайком вывозили в Южную Америку по печально знаменитым «крысиным ходам». Именно Ватикан, способный помочь с паспортами, документами, деньгами и связями, организовывал выезд из Европы, а также необходимое укрытие и поддержку на другом конце. Все это усугублялось сотрудничеством с крайне правыми диктатурами южного полушария, многие из которых были построены по фашистской модели. Такие беглые палачи, как Клаус Барби, нередко находили себе новые карьеры, прислуживая латиноамериканским режимам. Сами режимы — вплоть до начала их коллапса в последние десятилетия XX века — всегда могли рассчитывать на поддержку местного католического священства. Связь церкви и фашизма оказалась долговечней Третьего рейха.

В самый темный час прошлого столетия многие христиане ценой собственной жизни защищали других людей, но статистическая вероятность того, что они поступали так по наказу какого-либо священника, практически несущественна. Вот почему мы чтим память тех редких верующих, кто, подобно Дитриху Бонхейферу и Мартину Нимоллеру, следовал исключительно наказам своей совести. Папский престол до 1980 года не мог найти кандидата на канонизацию в контексте «окончательного решения», да и тогда сумел выявить лишь довольно неоднозначного священника, который (после многолетней поддержки политического антисемитизма в Польше), очевидно, проявил благородство в Освенциме. Более ранний кандидат, простой австриец по имени Франц Ягерштаттер, к сожалению, не подошел. Да, он отказался служить в гитлеровской армии на том основании, что имел приказ с самого верха любить ближнего своего, но в тюрьме, накануне казни, к нему явились исповедники и сказали, что земные законы нарушать нельзя. В целом нерелигиозные европейские левые в борьбе с нацизмом показали себя с гораздо лучшей стороны, пусть даже многие из них и верили в существование пролетарского рая за Уралом.

Нередко забывают, что триада Оси включала в себя имперскую Японию, во главе которой стоял не просто религиозный человек, но самое настоящее божество. Если в какой-либо немецкой или итальянской церкви и обличали чудовищную ересь веры в божественность императора Хирохито, мне не удалось это выяснить. От святого имени этого млекопитающего, переоцененного до полного абсурда, разграблялись и порабощались огромные территории в Китае, Индокитае и Океании. От его же имени были принесены в жертву миллионы оболваненных пропагандой японцев. Культ этого бога-царя достиг такого накала, что в конце войны существовало опасение, что весь японский народ может совершить самоубийство, если жизнь императора окажется под угрозой. В связи с этим ему позволили «остаться», но потребовали, чтобы он называл себя просто императором, а если и немного божественным, то все же не богом в строгом смысле этого слова. Столь почтительное отношение к силе религиозных настроений равносильно признанию, что вера и поклонение богам толкают людей на самые страшные поступки.

Таким образом, всякий, кто противопоставляет религии «светскую» тиранию, рассчитывает, что мы забудем две вещи: связи христианских церквей с фашизмом и их капитуляцию перед лицом национал-социализма. Это не мои слова — в этом признались сами церковные власти. Их нечистую совесть хорошо иллюстрирует подлог, с которым приходится

бороться до сих пор. На религиозных сайтах и в религиозной пропаганде вам может встретиться следующее заявление, якобы сделанное в 1940 году Альбертом Эйнштейном:

Когда в Германию пришла революция, я, будучи предан свободе, ждал, что университеты встанут на ее защиту, ведь они всегда хвастали своей приверженностью делу истины; но нет, университеты немедленно умолкли. Тогда я стал надеяться на выдающихся редакторов, чьи пламенные колонки во дни минувшие провозглашали любовь к свободе; но не прошло и нескольких недель, как они умолкли, подобно университетам... Лишь церковь твердо преграждала путь гитлеровской кампании против истины. Я никогда не испытывал особенного интереса к церкви, но теперь чувствую любовь и восхищение, ибо одной лишь церкви хватило духа и решимости встать на защиту интеллектуальной истины и нравственной свободы. А стало быть, я вынужден признать: то, что я прежде презирал, теперь безоговорочно благодарю.

Это «признание Эйнштейна» впервые появилось в журнале *Time* (без указания источника). Его цитировал в общенациональном эфире известный священник и рупор американской католической церкви Фултон Шин, и оно до сих пор не вышло из оборота. Как отмечает аналитик Уильям Уотерхаус, стиль признания совершенно неэйнштейновский. Во-первых, риторика слишком цветиста. Нет ни одного слова о преследовании евреев. Сдержанный и вдумчивый Эйнштейн выставляет себя в нелепом свете, заявляя, что некогда «презирал» то, к чему «никогда не испытывал особого интереса». Еще одна проблема в том, что этого признания нет ни в одной антологии высказываний Эйнштейна, письменных или устных. В конце концов, Уотерхаусу удалось найти неопубликованное письмо 1947 года в Эйнштейновском архиве в Иерусалиме, где старик жалуется, что однажды хорошо отозвался о неких немецких «церковниках» (не о «церквях»), и замечание это раздули до неузнаваемости.

Любой, кто хочет знать, что Эйнштейн на самом деле говорил в первые дни гитлеровского варварства, может легко найти его слова. К примеру:

Надеюсь на оздоровление обстановки в Германии и на то, что в будущем таких ее великих сынов, как Кант и Гете, будут не просто славить время от времени, но принципы, которым они учили, возобладают в общественной жизни и общественном сознании.

Вполне очевидно, что он, как и всегда, «уповал» на наследие эпохи Просвещения. Те, кто пытается перевернуть слова человека, давшего нам новое понимание вселенной (а также те, кто, в лучшем случае, молчал, пока других евреев депортировали и истребляли), лишь выдают уколы собственной совести.

От советского и китайского сталинизма, с его непомерным культом личности и извращенным равнодушием к жизни и правам человека, трудно ожидать многих точек соприкосновения с религиями-предшественницами. Начать с того, что Русская православная церковь была главной подпоркой самодержавия, а сам царь считался ее формальным главой и существом чуть повыше рангом, чем простые смертные. В Китае христианские церкви в своем подавляющем большинстве отождествлялись с теми самыми «концессиями», что были навязаны колониальными империями и стали одной из основных причин революции. Это не извиняет ни убийства священников и монахинь, ни осквернения церквей (как нельзя извинить поджоги церквей и убийства священников в ходе борьбы Испанской республики с католическим фашизмом), но после долгого союза религии с коррумпированной светской властью

большинству стран приходится пройти по крайней мере через одну антиклерикальную фазу: вспомним Кромвеля, Генриха VIII, Французскую революцию и Рисорджименто. В условиях войны и общественного коллапса, царивших в России и Китае, эти интерлюдии были особенно кровавы. (Добавлю, впрочем, что ни один серьезный христианин не станет надеяться на восстановление религии в этих странах в ее прежнем виде: в России церковь была охранителем крепостного права и инициатором еврейских погромов, а в Китае миссионер, барыга и концессионер были сообщниками преступления.)

Безусловно, Ленин и Троцкий были убежденными атеистами, полагавшими, что религиозные иллюзии можно ликвидировать государственной политикой, а непристойно обильные богатства церкви — отобрать и национализировать. В рядах большевиков, как и среди якобинцев в 1789 году, были те, кто видел в революции некую альтернативную религию, связанную с мифами об искуплении и мессианстве. Для Иосифа Сталина, который учился на священника в духовной семинарии в Грузии, вопрос религии сводился к власти. «Сколько дивизий у папы римского?» — задал он однажды свой знаменитый глупый вопрос.^[20] Сталин педантично копировал папское обыкновение подгонять науку под догму: он был уверен, что шарлатан Трофим Лысенко раскрыл тайну генетики и гарантирует небывалые урожаи особо вдохновенных овощей. По мере того, как его режим становился более националистическим и государственным, этот кесарь (которому послушно воздавали все, что можно) позаботился обеспечить себя марионеточной церковью, чтобы ее традиционное влияние дополняло его власть. Это особенно проявилось во время Второй мировой войны, когда вместо «Интернационала» государственным гимном СССР стала пропагандистская ода вполне в духе 1812 года (и это в то самое время, когда «добровольцы» из нескольких фашистских государств Европы вторглись на территорию России под святым знаменем крестового похода против «безбожных» коммунистов). В незаслуженно обойденном вниманием эпизоде «Скотного двора» Оруэлл позволяет ворону Моисею, давно каркавшему о райских кущах в небесах, вернуться на ферму после победы Наполеона над Снежком и проповедовать животинам полегковерней. Оруэлловская аллегория того, как Сталин манипулировал Русской православной церковью, как всегда, была в яблочко. (После войны к очень похожей тактике прибегли польские сталинисты: они легализовали католическое объединение под названием «Рах Christi» и выделили ему места в парламенте, к вящей радости таких сочувствующих католиков-коммунистов, как Грэм Грин.) В Советском Союзе велась антирелигиозная пропаганда самого банального материалистического пошиба: в ленинских храмах нередко были витражные стекла, а в официальном музее атеизма хранились показания русского космонавта, не видевшего в космосе бога. В этом идиотизме сквозило не меньше презрения к народу-простофиле, чем в любой чудотворной иконе. Великий польский поэт и нобелевский лауреат Чеслав Милош писал в своей классической антитоталитарной работе «Подневольный ум», вышедшей в 1953 году:

Я знаю немало христиан — поляков, французов, испанцев, — которые являются последовательными сталинистами в политике, но не вполне последовательными в душе. Они верят, что Бог внесет свои исправления после того, как будут приведены в исполнение кровавые приговоры всемогущих титанов Истории. Такая логика завела их довольно далеко. Они утверждают, что история следует неумолимым законам, существующим по воле Бога; классовая борьба — один из таких законов; XX век — век победы пролетариата, борьбу которого направляет коммунистическая партия; Сталин, предводитель коммунистической партии, исполняет закон истории — иначе говоря, божью волю, — следовательно, ему следует подчиняться. Обновление человечества возможно лишь по российскому образцу, а потому ни один христианин

не должен противостоять единственно верной — пусть и жестокой — идеологии, которая создаст на всей планете новый сорт людей. Такую логику часто используют церковные функционеры, обслуживающие партию. «Христос — это новый человек. Новый человек — это советский человек. Значит, Христос — это советский человек!» — сказал как-то Юстиниан Марина, румынский патриарх.

Люди, подобные Марине, несомненно, заслуживают одновременного презрения и жалости, но их поведение, по своей сути, ничем не хуже бесчисленных пактов церкви с империей, церкви с монархией, церкви с фашизмом, церкви с государством, — пактов, которые неизменно оправдываются необходимостью временного союза ради «высших» целей и воздают кесарю («царь» происходит именно от этого слова), даже если он «безбожен».

Любому политологу и антропологу хорошо знакомо то, что издатели и авторы «Поверженного Бога» запечатлели в бессмертной светской прозе: хорошо понимая, до какой степени общество пропитано набожностью и суеверием, адепты коммунистического абсолютизма стремились не преодолеть религию, но заменить ее. Торжественное восхваление непогрешимых правителей, источников нескончаемой благодати; перманентные поиски еретиков и раскольников; поклонение мумиям мертвых вождей; жуткие показательные процессы с невероятными признаниями, сделанными под пытками... Все это прекрасно укладывалось в знакомую картину. Укладывалась в нее и охота на ведьм во время эпидемий и голода, когда власти маниакально хватали всех виновников, кроме настоящего. (Великая Дорис Лессинг как-то рассказала мне, что вышла из коммунистической партии, узнав, что сталинские инквизиторы разграбили музеи православия и царизма и пустили в ход старые орудия пыток.) Укладывались и неутраченные речи о «светлом будущем», наступление которого в один прекрасный день искупит все преступления и развеет все мелочные сомнения. Старая религия учила: «Extra ecclesiam, nulla salus»^[21]. «Внутри революции — все. — говаривал Фидель Кастро. — Против революции — ничего».

Интересно, что именно на коммунистической периферии под властью Кастро зародилась причудливая мутация, названная оксимороном «теология освобождения». Примкнувшие к ней священники и даже некоторые епископы вводили «альтернативную» литургию, укореняя абсурдную идею, что Иисус из Назарета на самом деле был завзятым социалистом. Из комбинации здравых и дурных соображений (сальвадорский епископ Ромеро обладал мужеством и принципами, в отличие от некоторых священников из никарагуанских «базовых общин») папский престол объявил это течение еретическим. Жаль, что ни фашизм, ни нацизм не дождались столь же решительного, недвусмысленного осуждения.

В очень редких случаях — к примеру, в Албании — коммунизм пытался извести религию на корню и провозгласить чисто атеистическое государство. Это закончилось лишь еще более раздутыми культами таких посредственных личностей, как диктатор Энвер Ходжа, а также тайными крещениями и ритуалами, которые свидетельствовали о полном отчуждении простых людей от режима. В современной светской полемике нет даже намека на призыв к запрету религиозных обрядов. В «Будущем одной иллюзии» Зигмунд Фрейд совершенно справедливо отмечает, что религиозное чувство в принципе неискоренимо, пока человечество не сумеет преодолеть страх смерти и склонность выдавать желаемое за действительное. Ни первое, ни второе не представляется вероятным. Тоталитарные режимы лишь продемонстрировали, что религиозное чувство — потребность в поклонении — может принять еще более чудовищные формы, если его подавляют. Едва ли это комплимент нашему пристрастию к обожествлению.

В самые первые месяцы этого века я посетил Северную Корею. Там, в герметичном пространстве, огороженном с четырех сторон морем или почти наглухо закрытыми границами,

заключена страна, целиком посвятившая себя подобострастию. Священный долг гражданина — подданного — от восхода до заката славить Совершенное Существо и его Отца. Хвала раздается в каждом школьном кабинете. Ей посвящен каждый фильм, каждая опера, каждая пьеса. Ей отданы все телепередачи и радиовещание, а также все книги, журналы и газетные статьи, все спортивные соревнования и все рабочие места. Я, бывало, гадал, каково было бы вечно петь осанну. Теперь я знаю. Не забыли в Северной Корее и про дьявола: недремлющее зло иностранцев и неверующих сдерживается постоянной бдительностью и ежедневными сеансами ненависти к «чужим» без отрыва от производства. Северокорейское государство родилось примерно в то же время, когда вышел роман «1984», и складывается впечатление, что святому отцу нации Ким Ир Сену подарили эту книгу и попросили осуществить на практике. Но даже Оруэлл не решился написать, что рождение Большого Брата сопровождалось чудесами и знамениями, вроде птиц, что приветствовали великое событие человеческим языком. Более того, Внутренняя Партия Океании не тратила миллиарды скудных долларов во время ужасного голода, доказывая, что смехотворное млекопитающее Ким Ир Сен и млекопитающее Ким Чен Ир, его жалкий сынок, суть два воплощения одной и той же персоны. (Согласно этой версии арианской ереси, которую так осуждал архиепископ Афанасий, Северная Корея — единственное государство, возглавляемое мертвецом: Ким Чен Ир — глава партии и армии, но президентский пост навеки закреплен за его покойным отцом, что делает Северную Корею некрократией или мавзолеократией. Еще одна ипостась, и режим сделается Святой Троицей.) О загробной жизни в Северной Корее не говорят, поскольку побег в любом направлении строго воспрещается, но при этом никто и не утверждает, что Кимы будут властвовать над тобой и после твоей смерти. Тем, кто изучает Северную Корею, очевидно, что она представляет собой не крайнюю форму коммунизма (он почти не упоминается посреди экстатических восхвалений), но, скорее, изощренную профанацию конфуцианства и культа предков.

Когда я уезжал из Северной Кореи со смешанным чувством облегчения, гнева и жалости, остроту которого помню до сих пор, — я уезжал не только из тоталитарного, но также из религиозного государства. С тех пор мне довелось общаться со многими из тех, кто храбро пытается подорвать эту бесчеловечную систему изнутри и снаружи. Признаюсь сразу, что среди храбрейших противников режима есть христиане-фундаменталисты. В недавнем интервью один из этих мужественных людей честно рассказал, как нелегко было проповедовать идею спасителя полуголодным, запуганным одиночкам, сумевшим сбежать из своего тюремного государства. Есть что-то слишком знакомое, говорили они, в речах о непогрешимом, всемогущем избавителе. Им бы для начала вполне хватило миски риса, маленького окошка в мир открытой культуры и передышки от уродливой религии принудительного энтузиазма. Те, кому посчастливилось добраться до Южной Кореи или США, еще имели шанс столкнуться с другим мессией. Уголовник и злостный неплательщик налогов Мун Сон Мен, бессменный глава «Церкви Объединения» и видный спонсор американских крайне правых, является одним из покровителей шайки «разумного замысла». Видную роль в этом так называемом движении играет Джонатан Уэллс, написавший бредовый антидарвинистский пасквиль «Иконы эволюции» и никогда не забывающий именовать своего богочеловеческого гуру должным образом: «Отец». Вот трогательное признание самого Уэллса:

«Слова Отца, мои исследования и мои молитвы убедили меня, что свою жизнь я должен посвятить уничтожению дарвинизма и на этом пути последовать примеру соратников из Церкви Объединения, что уже посвятили свои жизни уничтожению марксизма. Когда в 1978 году Отец поручил мне (вместе с десятком других выпускников семинарии) поступить в аспирантуру, я был счастлив шансу броситься в

бой».

Книга г-на Уэллса едва ли удостоится даже сноски в истории чуши. Однако, увидев святых «Отцов» в действии в обеих Кореях, я живо представил себе, что творилось на «Выжженной земле» в штате Нью-Йорк, когда верующие правили бал.

Религия вынуждена признать, что даже в своих самых кротких проявлениях предлагает «тотальное» решение, требующее определенной слепоты в вере, а также подчинения всех аспектов частной и общественной жизни перманентному всевышнему надзору. В условиях такого постоянного контроля и неустанной покорности, обычно подкрепляемых угрозой вечного отлучения, млекопитающие не всегда показывают себя с лучшей стороны. Конечно, свобода от религии тоже не всегда порождает идеальных млекопитающих. Взять лишь два ярких примера: Джон Бернал, один из выдающихся и наиболее просвещенных ученых XX века, свято верил в Сталина и потратил значительную часть своей жизни на оправдание преступлений дорогого вождя. Генри Меикен, автор великолепной антирелигиозной сатиры, чересчур любил Ницше и отстаивал разновидность «социал-дарвинизма», включавшую в себя евгенику и презрение к немощным и больным. Еще он питал слабость к Адольфу Гитлеру и написал преступно снисходительный отзыв на «Mein Kampf». Гуманизму есть в чем раскисать. Но в том-то и дело, что он может раскисать в своих преступлениях и преодолеть их, следуя собственным правилам. Ему нет нужды сотрясать основы никакого окаменевшего мировоззрения. Тоталитарная система, какую бы внешнюю форму она ни приняла, всегда подразумевает фундаментализм и веру.

В своем непревзойденном анализе тоталитаризма Ханна Арендт отвела особое место антисемитизму не из любви к собственному племени. Представление о том, что группу людей можно приговорить — по национальному или религиозному признаку — на веки вечные без права на апелляцию было (и остается) тоталитарным по своей сути. Неслучайно Гитлер начинал с распространения этого бредового предрассудка, а Сталин в конце своей жизни стал одновременно и его сторонником, и жертвой. Однако сотни лет до них угаснуть этому вирусу не давала религия. Святой Августин откровенно смаковал сказки о Вечном Жиде и об изгнании всего еврейского народа, считая их доказательством божественной справедливости. Есть здесь и доля вины самой еврейской ортодоксии. Претендуя на «избранность» и эксклюзивный договор с Всевышним, они навлекали на себя ненависть и подозрения, а также проповедовали разновидность расизма. Впрочем, адепты тоталитаризма более всего ненавидели светских евреев, что снимает вопрос о «вине жертвы». Вплоть до XX века устав иезуитов требовал принимать в орден только тех, кто мог доказать отсутствие «еврейской крови» у нескольких поколений своих предков. Ватикан учил, что на всех евреях лежит наследственная вина в богоубийстве. Французская церковь науськивала толпу на Дрейфуса и «интеллектуалов». Ислам так и не простил «евреев» за то, что они не признали в Мухаммеде посланника небес. Религия несет ответственность за то, что ее священные книги из поколения в поколение раздували одну из самых примитивных иллюзий человечества: племенные, династические и расовые различия.

Связь между религией, расизмом и тоталитаризмом обнаруживает и другая гнуснейшая диктатура XX века, а именно подлый режим апартеида в Южной Африке. Он был не просто идеологическим подспорьем говорящего по-голландски племени в эксплуатации людей с другим оттенком кожи — он был воплощенной разновидностью кальвинизма. Голландская реформатская церковь учила, что Библия запрещает смешение белых и черных, не говоря уже об их равноправном сосуществовании. Расизм тоталитарен по своей природе: он ставит на жертву вечное клеймо и лишает ее права даже на малую толику собственного достоинства или частной жизни; он лишает ее даже элементарного права заниматься любовью, создавать семью и

заводить детей с любимым человеком из «неправильного» племени; он аннулирует любовь законом... Такой была жизнь миллионов людей на «христианском Западе» уже в наши дни. Правившая в ЮАР Национальная партия, также зараженная антисемитизмом и стоявшая на стороне нацистов во время Второй мировой войны, использовала бредни церковников, чтобы оправдать собственный миф о бурском «исходе», дававший им исключительные права на «земле обетованной». В итоге африканерская пермутация сионизма породила отсталое деспотическое государство, в котором все остальные народности были лишены всяких прав, а выживанию самих африканеров угрожали коррупция, хаос и жестокость. Тогда склеротичная церковная верхушка получила божественное откровение, которое сделало возможной постепенную ликвидацию апартеида. Но это не позволяет простить то зло, что творила религия, пока была уверена в собственной мощи. Спасение южноафриканского общества от варварства и коллапса — заслуга многих светских христиан и евреев, а также многих бойцов-атеистов и агностиков из Африканского национального конгресса.

Минувшее столетие подарило нам и другие импровизации на старую тему диктатуры, озабоченной не только вопросами светского или будничного характера. Примеров множество: от в меру возмутительных и оскорбительных (Греческая православная церковь приветствовала темные очки и стальные шлемы военной хунты 1967 года лозунгом «Греция для греков-христиан») до поработивших все и вся Красных кхмеров Камбоджи, которые вели свою родословную от доисторических храмов и легенд. (Упоминавшийся выше король Сианук попеременно дружил и соперничал с Красными кхмерами и укрывался от них в комфортабельном изгнании под крылом китайских сталинистов. Он тоже умел по необходимости играть божественного монарха.) Иранский шах называл себя «тенью божьей», а также «светочем арийцев». В перерывах между враньем он подавлял светскую оппозицию и старательно выставлял себя хранителем шиитских святынь. На смену его мании величия пришла родственная ей хомейнистская ересь «веляят-э-факих», по которой муллы имеют тотальный контроль над обществом. (Сами муллы утверждают, что никто не может отменить святые слова их покойного вождя.) На самом краю спектра находится первобытное пуританство талибов, которые непрерывно гадали, что бы еще запретить (и запрещали все — от музыки до бумаги из макулатуры, поскольку та могла содержать клочок выброшенного Корана) и как бы еще наказать грешников (гомосексуалистов закапывали заживо). Альтернатива этому кошмару — не химера светской диктатуры, а борьба за светский плюрализм и за право не верить и не принуждаться к вере. Сегодня эта борьба стала неотложным и неизбежным долгом каждого. Сегодня эта борьба — вопрос жизни и смерти.

Глава восемнадцатая

Соппротивление разума

Потому в стране нашей я один из немногих людей, кто не утратил религиозной веры, но никогда ее и не имел... Такая особенность моего раннего воспитания пусть и совершенно случайно, но все же привела к одному прискорбному последствию, достойному внимания. Взгляды, противные взглядам всего мира, достались мне от отца с наставлением благоразумно прятать их от мира. Столь ранний урок в сокрытии собственных мыслей сопровождался некоторым моральным ущербом.

Джон Стюарт Милль. Автобиография

Le silence eternel de ces espaces infinis m'effraie.^[22]

Блез Паскаль. Мысли

Бывает, псалмы вводят в заблуждение. К примеру, знаменитое начало сто двадцатого псалма («Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя») в английском переводе утверждение, хотя в оригинале имеет форму вопроса: откуда придет помощь? (Сомнения прочь: дежурный ответ гласит, что иммунитет от всякого зла и страдания дает вера в бога.) Далее, автор псалмов, кто бы он ни был, явно остался так доволен слогом и звучанием тринадцатого псалма, что почти буквально воспроизвел его в пятьдесят втором. Обе версии начинаются с идентичного утверждения: «Сказал безумец в сердце своем: „нет Бога“».

Этому бессодержательному замечанию почему-то приписывают такой вес, что оно веками кочует из одной религиозной апологии в другую. На самом деле из него можно сделать только один осмысленный вывод: неверие — причем не просто ересь или отступничество, но именно неверие, — было известно уже в ту отдаленную эпоху. Учитывая, как свирепо и безраздельно властвовала тогда религия, пожалуй, правда, что только безумец не оставил бы свое неверие при себе — а если бы оставил, то не совсем ясно, каким образом автор псалмов узнал бы о его существовании. (Советских диссидентов сажали в психиатрические больницы за «бред реформаторства». Власти вполне резонно полагали, что всякий ненормальный, ратующий за реформы, совершенно утратил инстинкт самосохранения.)

Наш вид никогда не будет знать недостатка в глупцах, но осмелюсь предположить, что число легковверных идиотов, веривших в бога, как минимум не уступает числу простаков и олухов, думавших наоборот. Было бы нескромно утверждать, что среди атеистов интеллект и любопытство встречаются чаще, но факты таковы: всегда находились люди, замечавшие и невероятность бога, и вероятность его человеческого происхождения, и зло, творимое от его имени, и возможность менее губительных верований и объяснений. Мы никогда не узнаем этих мужчин и женщин поименно, потому что во всех краях и во все времена их голоса беспощадно подавлялись. По той же причине мы никогда не узнаем, сколько внешне набожных людей втайне не верили в бога. Еще в XVIII и XIX столетиях, в относительно свободном обществе Великобритании и США такие состоятельные и респектабельные скептики, как Джеймс Милль и Бенджамин Франклин, не решались говорить о своих взглядах открыто. А потому, читая о великолепии «христианской» живописи и архитектуры или об «исламской» астрономии и

медицине, следует помнить, что речь на самом деле идет о достижениях цивилизации и культуры (отчасти предвосхищенных ацтеками и китайцами), которые имеют столько же общего с «верой», сколько более ранние достижения имели с империализмом и человеческими жертвоприношениями. За редкими исключениями, нам не дано знать, сколько архитекторов, художников и ученых берегли свои сокровенные мысли от пристального взгляда правоверных. Галилей, быть может, и дальше спокойно смотрел бы в свой телескоп, если бы опрометчиво не признался, что его наблюдения имеют космологическое значение.

Сомнение, скепсис и откровенное неверие в своей основе всегда имели ту же форму, что и сегодня. Кто-нибудь наблюдательный всегда замечал отсутствие или ненужность перводвигателя в естественном порядке вещей. Кто-нибудь проницательный всегда подмечал, что религия отражает человеческие упования и человеческий образ мыслей. Никогда не было так уж трудно понять, что религия плодит ненависть и конфликты, и что опирается она на невежество и суеверия. Сатирики и поэты, философы и ученые отмечали: если бы у треугольников были боги, эти боги имели бы три стороны, так же как боги фракийцев имели светлые волосы и голубые глаза.

Историю столкновений наших мыслительных способностей с организованной религией, пожалуй, можно вести (хотя во многих умах такие столкновения, вероятно, имели место и раньше) от суда над Сократом в 399 году до н.э. В данном случае мне совершенно не важно, что мы не знаем наверняка, существовал ли Сократ на самом деле. Его биография и его слова дошли до нас из вторых рук, хотя и не в такой же степени, как книги еврейской и христианской Библии или исламские хадисы. Философия, впрочем, не занимается «откровениями», и потому не нуждается в демонстрациях «подлинности». Кое-какие правдоподобные сведения о жизни Сократа (стойкий солдат, внешне чем-то напоминающий Швейка; сварливая жена; каталепсия) у нас есть, а большего и не требуется. Если верить Платону, возможному очевидцу описываемых событий, когда Афины попали под власть тирании и паранойи, Сократа обвинили в безбожии. Он знал, что дни его сочтены. Более того, благородные слова «Апологии» ясно свидетельствуют, что Сократ, в отличие от более позднего героя перед лицом инквизиции, не отрекался от своих взглядов в надежде спастись. Хотя он и не был атеистом, неблагонадежным его сочли совершенно резонно: он отстаивал свободу мысли и интеллектуального поиска, а также отвергал любые догмы. Он говорил, что «знает» лишь одно: как велико его невежество. (Я и теперь считаю это определением образованного человека.) Согласно Платону, этот великий афинянин безропотно подчинился городскому обычаю. На суде он показал, что стал философом по велению Дельфийского оракула. На смертном одре, приговоренный к чаше цикуты, он говорил о возможной жизни после смерти, в которой те, кто сбросил ярмо этого мира при помощи мыслительных упражнений, быть может, продолжат жить в виде чистого разума. Но даже в тот миг он, как всегда, не преминул добавить, что все, возможно, совсем не так. Вопрос, как всегда, заслуживал обсуждения. Философия начинается там, где кончается религия, так же как химия начинается, когда выдыхается алхимия, так же как на смену астрологии приходит астрономия.

У Сократа можно поучиться двум чрезвычайно важным вещам. Во-первых, совесть у нас врожденная. Во-вторых, верующих догматиков легко переспорить и выставить на посмешище — достаточно притвориться, что принимаешь их проповеди за чистую монету.

Сократ полагал, что у него есть демон, он же оракул, он же внутренний поводырь, к мнению которого стоит прислушиваться. Такое ощущение в той или иной степени есть у любого психически здорового человека. Адам Смит говорил о неотлучном, неслышимом собеседнике, готовом поправить и дать критический совет. Зигмунд Фрейд писал, что голос разума тих, но очень настойчив. Клайв Льюис поспешил сделать вывод, что наличие совести

свидетельствует о божьей искре. Современная речь — довольно метко — называет совестью то, что заставляет нас хорошо себя вести, даже когда никто не видит. Что бы ни происходило, Сократ напрочь отказывался говорить то, в чем сомневалась его совесть. Иногда, заподозрив себя в казуистике или потворстве толпе, он умолкал на полуслове. Своим же судьям он сказал, что во время последнего слова «оракул» ни разу не велел ему остановиться. Те, кто считает существование совести доказательством божественного замысла, выдвигают аргумент, который просто нельзя опровергнуть, потому что нет фактов ни за, ни против него. Однако случай Сократа показывает, что истинно совестливым людям нередко приходится выбирать между совестью и религией.

Сократу грозила казнь, но даже в случае обвинительного приговора он мог избрать менее жестокое наказание. Вместо этого он сказал, тоном почти оскорбительным, что готов уплатить смехотворный штраф. Не оставив разгневанным судьям иного выбора, кроме высшей меры, он далее объяснил, почему гибель по их приказу ничего для него не значит. В смерти, сказал он, нет ужаса: в ней либо вечный покой, либо шанс на бессмертие, а то и на встречу с Орфеем, Гомером и другими великими греками прошлого. В таком счастливом случае, сухо заметил он, можно с радостью умереть и не один раз. И нам уже не важно, что нет больше Дельфийского оракула, и что Орфей и Гомер — фигуры вымышленные. Суть в том, что Сократ высмеивал своих обвинителей на их территории. Он, в сущности, говорил: я не знаю правды о смерти и богах, но готов поклясться чем угодно, что и вы ее не знаете.

О том, как Сократ и его вкрадчивые, но неумолимые вопросы действовали на религию, можно судить по пьесе, написанной и поставленной при его жизни. В «Облаках» Аристофана действует философ по имени Сократ, возглавляющий школу скептиков. Один местный крестьянин осыпает его полным набором глупых вопросов, что любят задавать правоверные. Если нет Зевса, начинает он, кто ж тогда насылает дождь и орошает посевы? Сократ предлагает крестьянину разок воспользоваться головой: если бы дождь насылал Зевс, он мог бы лить и прямо из безоблачного неба, не так ли?

Раз этого не происходит, разумней заключить, что причина дождя в облаках. Ладно, говорит крестьянин, но кто же тогда присылает облака? Уж это-то наверняка Зевс. Отнюдь, отвечает Сократ и рассказывает про ветер и тепло. Откуда же, не унимается старый пейзажник, в таком случае берутся молнии, карающие лжецов и других злодеев? Молнии, мягко объясняют ему, не очень-то различают праведных и неправедных. Не раз видели, что они бьют даже в храм самого Зевса Олимпийского. Последний довод убеждает крестьянина, хотя в дальнейшем он раскаивается в своем богохульстве и сжигает школу скептиков вместе с Сократом. Многих вольнодумцев постигла такая же участь; многим лишь чудом удалось ее избежать. Все ключевые схватки из-за права на свободу мысли, свободу слова и свободу научных исследований начинались с попыток религии задушить иронию и любознательность узколобостью и буквализмом.

В сущности, спор с верой начинается и кончается Сократом, и каждый, при желании, волен встать на сторону городских обвинителей, защитивших афинскую молодежь от его вредных рассуждений. Однако нельзя сказать, что суеверию он противопоставил науку. Один из обвинителей утверждал, что Сократ называл Солнце булыжником, а Луну — куском Земли (второе было бы чистой правдой), но тот отклонил обвинение, заявив, что это проблема Анаксагора. И действительно, этого ионийского философа ранее преследовали за то, что он считал Солнце раскаленным камнем, а Луну — куском земли. Но Анаксагор уступал в прозорливости Левкиппу и Демокриту, полагавшим, что все состоит из атомов в непрерывном движении. (Вполне вероятно, что и Левкиппа на самом деле не было, и это тоже ничего не меняет.) Важнейшая черта блестящей «атомистической» школы в том, что вопрос о

первопричине вещей она считала лишним. Вряд ли какой ум в то время мог зайти дальше.

Таким образом, проблема «богов» оставалась нерешенной. Эпикур, перенявший атомистическое учение Демокрита, не мог вполне разувериться в «их» существовании, но и не видел оснований верить, что боги играют какую-либо роль в людских делах. Какое «им» дело до повседневной человеческой жизни, не говоря уже о человеческой политике? Они избегают ненужных страданий, и людям следует поступать так же. Вот почему не стоит бояться смерти, а гадание по внутренностям животных и прочие потуги узнать волю богов — абсурдная трата времени.

В некоторых отношениях самый обаятельный основатель антирелигии — поэт Лукреций, страстный поклонник трудов Эпикура, живший в I веке до н.э. В ответ на возрождение старинных культов при императоре Августе он написал остроумную, блестящую поэму «De Rerum Natura», или «О природе вещей». В Средние века ее едва не уничтожили христианские фанатики; сохранилась лишь одна рукописная копия. Лишь по счастливой случайности нам известно, что во времена Цицерона (он первым опубликовал поэму Лукреция) и Юлия Цезаря кто-то спас от забвения атомистическую теорию. Предвосхищая Дэвида Юма, Лукреций писал, что перспектива грядущего уничтожения ничуть не страшней небытия, из которого мы пришли. Предвосхищая Фрейдера, он высмеивал тех, кто заранее устраивает свои похороны и гробницы — в тщеславной и пустой надежде хоть как-то поприсутствовать при собственном погребении. Как и Аристофан, он считал, что объяснение погоды в самой погоде, а все, что глупые, эгоистичные людишки списывают на божественное провидение и адресатом чего себя мнят, природа делает «без участия богов»:

Кто бы размеренно вел небеса и огнями эфира
Был в состоянии везде согревать плодоносные земли
Иль одновременно быть повсюду во всякое время,
Чтобы и тучами тьму наводить, и чтоб ясное небо
Грома ударами бить, и чтоб молнии метать, и свои же
Храмы порой разносить, и, в пустынях сокрывшись, оттуда
Стрелы свирепо пускать, и, минуя нередко виновных,
Часто людей поражать, не достойных того и невинных?^[23]

Много сотен лет атомизм свирепо преследовался по всей христианской Европе на резонном основании, что объяснял природу гораздо лучше, чем религия. Но, подобно нервущейся мысленной нити, труд Лукреция продолжал жить в некоторых ученых умах. Исаак Ньютон, разумеется, был верующим (не только в христианство, но и в целый букет псевдонаук), но включил девяносто строк «De Rerum Natura» в первые черновики своих «Начал». «Пробиришки» Галилея, опубликованный в 1623 году, хотя прямо и не ссылается на Эпикура, до такой степени полагается на атомистическую теорию, что и поклонники, и критики прозвали его «эпикурейской книгой».

Учитывая террор против науки в первые столетия после воцарения христианства (Августин полагал, что языческие боги существуют на самом деле, но являются демонами, а Земле меньше шести тысяч лет), когда благоразумные люди на словах всегда платили дань религии, неудивительно, что возрождавшаяся философия нередко говорила обманчиво набожным языком. Последователи различных философских школ, дозволявшихся в Андалузии во времена ее недолгого расцвета, создали синтез учений Аристотеля, иудаизма, христианства и ислама. Им разрешалось обсуждать двоякость истины, а также сравнительный вес разума и откровения.

Идею «двойственной истины» отстаивали последователи Аверроэса; ее же, по понятным причинам, строго осуждала церковь. Фрэнсис Бэкон, писавший во время правления королевы Елизаветы, говаривал (возможно, под влиянием Тертуллиана, утверждавшего, что от абсурда его вера только крепнет), что вера всего сильнее, когда предмет ее наименее податлив разуму. Живший несколькими десятилетиями позже Пьер Бейль любил привести все возможные доводы разума против какого-либо верования, а под конец заключить: «тем более велик триумф выстоявшей веры». У нас есть основания полагать, что делал это он не только для того, чтобы избежать наказания. Не за горами было время, когда ирония сама станет наказывать и смущать фанатиков и буквалистов.

Но фанатики и буквалисты не могли уступить без арьергардных боев и масштабного возмездия. В течение недолгого, но славного времени в XVII столетии стойкая маленькая Голландия давала приют многим мыслителям, среди которых был и Бейль (переехавший туда в целях безопасности), и Рене Декарт (переехавший по той же причине). Именно в Голландии, за год до суда инквизиции над Галилеем, родился великий философ Барух Спиноза, отпрыск испанских и португальских евреев, которые, в свою очередь, эмигрировали в Голландию, спасаясь от гонений. 27 июля 1656 года старейшины амстердамской синагоги издали следующий «херем», то есть проклятие, или фетву, касательно трудов Спинозы:

По приговору ангелов и святых мы отлучаем, изгоняем, проклинаем и предаем анафеме Баруха де Эспинозу с согласия старейшин и сего святого собрания, в присутствии Священного Писания, силой 613 законов, в нем записанных, анафемой, какой Иисус Навин проклял Иерихон, проклятьем, какое наложил на детей Елисей, и всеми проклятиями, записанными в законе. Да будет он проклят днем и да будет он проклят ночью. Да будет он проклят, когда спит, да будет проклят, когда бодрствует, да будет проклят, когда выходит из дома и когда входит в дом. Господь да не помилует его, гнев и ярость Господа да воспылают отныне против сего человека и да наложат на него все проклятия, записанные в книге закона. Господь да не оставит под солнцем его имени и да изгонит его на погибель изо всех колен Израиля всеми проклятиями небес, что записаны в книге закона.

Многочисленное проклятие кончалось приказом всем евреям избегать любого контакта со Спинозой и под страхом наказания воздерживаться от чтения «любого труда, им сочиненного или написанного». (Кстати, под «проклятьем, какое наложил на детей Елисей», имеется в виду весьма нравоучительный библейский эпизод, в котором Елисей разозлился на детей, подтрунивавших над его лысиной, и попросил бога прислать медведиц, чтобы те порвали детей в клочья. Медведицы, сообщает Библия, не заставили себя ждать. Может, все-таки не зря Томас Пейн говорил, что не может верить религии, сеющей ужас в душе ребенка?)

Ватикан и кальвинистские власти Голландии горячо одобрили истеричную иудейскую анафему и принялись общими усилиями искоренять труды Спинозы по всей Европе. Разве он не сомневался в бессмертии души? Разве не призывал к отделению церкви от государства? Ату его! Это теперь презренного еретика считают автором самой оригинальной работы в истории философии о дихотомии души и тела, а его размышления о человеческой жизни принесли думающим людям больше истинного утешения, чем любая религия. До сих пор спорят, был ли Спиноза атеистом, и кажется странным, что нам приходится спорить о том, можно ли назвать атеизмом пантеизм. В терминологии пантеизма бог фигурирует, но в спинозовском определении бога, явленного во всей целостности природы, почти не остается места богу религии. Если всепроникающее, предвечное божество есть часть собственного творения, откуда

взяться богу, который вмешивается в дела людей, — не говоря уже о боге, который ввязывается в кровавые деревенские стычки еврейских и арабских племен? Бог Спинозы не мог ни написать, ни вдохновить, ни завещать избранной секте или племени никаких текстов. (Вспоминается вопрос, который слышали первые христианские миссионеры, добравшиеся до Китая: если бог явил себя людям, почему ему понадобилось столько веков, чтобы известить китайцев? «Ищите знания даже в Китае», — говорил пророк Мухаммед, невольно сознавая, что величайшая на тот момент цивилизация находится на самой дальней периферии его сознания.) Дело Демокрита и Эпикура продолжили Ньютон и Галилей; эстафету Спинозы подхватил Эйнштейн. На вопрос некоего раввина он недвусмысленно ответил, что верит лишь в «бога Спинозы», а не в божка, «которого занимает судьба и поступки людей».

Спиноза сменил свое еврейское имя на Бенедикта, на двадцать лет пережил амстердамскую анафему и умер смертью настоящего стоика, до самого конца не оставляя спокойных, разумных бесед. Он умер от стеклянной пыли в легких. Всю свою жизнь он точил и полировал линзы для телескопов и медицины: прекрасное научное занятие для того, кто учил людей видеть острее и дальше. «Все наши нынешние философы, — писал Генрих Гейне, — возможно, о том часто и не догадываясь, смотрят сквозь очки, ошлифованные Барухом Спинозой». Через сто лет поэмы Гейне будут бросать в костер безмозглые нацистские громилы, считая, что даже ассимилированный еврей не может быть истинным немцем. Пугливые, отсталые евреи, которые подвергли остракизму Спинозу, выбросили жемчужину, стоившую всего их племени. Тело их отважнейшего сына было украдено и, можно не сомневаться, подвергнуто и другим ритуалам осквернения.

Спиноза предчувствовал это. В своих письмах он писал слово «Caute!» (что на латыни значит «будь осторожен») и рисовал под ним розочку — знак хранить секрет. Секретничать ему приходилось не только в письмах: издателю своего знаменитого «Богословско-политического трактата» он представился под чужим именем, а авторскую страницу оставил пустой. Его запрещенные труды (многие из которых могли бы погибнуть вместе с ним, если бы не инициатива и смелость одного из друзей) вели подпольное существование в работах других. В «Историческом и критическом словаре» Пьера Бейля, вышедшем в 1697 году, ему отведена самая длинная статья. Работу Монтескье «О духе законов», появившуюся в 1748-м, сочли настолько близкой трудам Спинозы, что церковные власти Франции принудили автора отречься от еврейского чудовища и публично подтвердить свою веру в (христианского) творца. Великая французская «Энциклопедия» под редакцией Дени Дидро и Д'Аламбера, ставшая символом всей эпохи Просвещения, содержит огромную статью о Спинозе.

Я не хотел бы повторить грубейшую ошибку апологетов христианства. Они прикладывали неимоверные усилия, тщаь доказать, что мудрецы, писавшие до прихода Христа, на самом деле были его пророками и предтечами. (Еще в XIX веке Уильям Эварт Глэдстоун перевел почем зря море бумаги, пытаясь представить христианами древних греков.) У меня нет права приписывать атеизм философам прошлого. Однако у меня есть право заметить, что из-за религиозной нетерпимости мы не только не знаем их сокровенных мыслей, но и едва не лишились их опубликованных книг. Даже Декарт, во многом конформист, благоразумно живший в более свободной атмосфере Нидерландов, предложил такие лаконичные слова для своего надгробия:

«Хорошо жил тот, кто хорошо прятался».

Нелегко, к примеру, определить, насколько искренними противниками религии были Пьер Бейль и Вольтер. Разумеется, святотатство и сатира были их излюбленным оружием, и ни один обладатель слепой веры не мог прочесть их труды без серьезного для этой веры ущерба. Их

книги стали бестселлерами своего времени; благодаря им новые образованные слои общества уже не могли дословно верить библейским историям. Бейль наделал особенно много полезного шуму, показав, что деяния Давида, якобы написавшего псалмы, представляют собой карьеру беззастенчивого бандита. Он же отмечал нелепость утверждения, что религиозная вера улучшает поведение людей, а неверие ухудшает его. Такой вывод подсказывал здравый смысл, о нем свидетельствовали обширные наблюдения, и именно за его изложение и друзья, и враги подозревали Бейля в неявном, подспудном атеизме. При этом свои выводы он сопровождал — охранял — гораздо более многочисленными кивками в сторону ортодоксии, что, вероятно, и позволило появиться второму изданию его успешного труда. Вольтер уравнивал собственные безжалостные насмешки над религией кое-какими проявлениями набожности и в шутку предложил одну половину его могилы (как же все-таки они все любили распространяться о своих похоронах!) расположить внутри церкви, а другую снаружи. Но тот же Вольтер отстаивал гражданские права и свободу совести в знаменитой кампании за оправдание протестанта Жана Каласа, которого сначала колесовали, предварительно раздробив кости молотками, а затем повесили за «преступную» попытку обратить одного из своих домашних в протестантство. Даже аристократ не был застрахован от преследований, о чем прекрасно знал и сам Вольтер, издавший Бастилию изнутри. Все это, по крайней мере, стоит иметь в виду.

Иммануил Кант какое-то время полагал, что все планеты населены, и что нравственность их населения улучшается по мере удаления от Солнца. Но даже при таких взглядах на космос, довольно милых в своей ограниченности, он сумел выдвинуть убедительные аргументы против любых доказательств бытия божия, полагающихся на разум. Кант показал, что давно знакомый нам телеологический аргумент, и тогда пользовавшийся особой популярностью, при известной доле эквилибристики указывает на наличие архитектора, но никак не творца. Он отверг космологическое доказательство, гласившее, что существование одной вещи необходимо предполагает существование другой, — заявив, что оно лишь перефразирует онтологическое. Чтобы разделиться с онтологическим доказательством, он показал несостоятельность утверждения, что бог, коль скоро его можно вообразить или выразить предикатом, должен обладать признаком существования. Эту же старинную чушь ненароком опровергает Пенелопа Лайвли в осыпанном премиями романе «Лунный тигр». Называя свою дочь Лизу «глуповатым ребенком», она, тем не менее, с радостью цитирует ее простодушные, но изобретательные вопросы:

«А драконы есть?» — спросила она. Я сказала, что нет. «А раньше были?» Я сказала, что все свидетельствует об обратном. «Но если есть слово „дракон“, — сказала она, — значит, когда-то же были драконы».

Кому не приходилось беречь невинное создание от опровержения такой онтологии? Но ради краткости — да и надо же когда-нибудь взрослеть — я процитирую Бертрانا Рассела:

«Кант возражает, что существование не есть предикат. Сто талеров, что существуют лишь в моем воображении, имеют все те же предикаты, что и сто настоящих талеров».

Я привожу опровержения Канта в обратном порядке, чтобы вспомнить одно дело, в архивах венецианской инквизиции датированное 1573 годом. Человек по имени Маттео де Винченти высказал следующее мнение по поводу догмы об «истинном присутствии» Христа в евхаристии: «Как можно верить этому вздору? Это же сказки. Лучше я буду верить, что у меня деньги в

кармане». Кант не знал о своем предшественнике из простонародья. Позже, переключившись на более благодарную тему этики, он, возможно, не знал и того, что его «категорический императив» перекликается с «золотым правилом» раввина Хиллеля. Кантианский принцип призывает нас поступать «так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы». ^[24] Эта формулировка взаимной выгоды и солидарности не требует никакого сверхъестественного надзирателя. Зачем он нужен? Нравственность не продукт религии. Она появилась раньше.

Поразительно, как много великих умов эпохи Просвещения мыслили сходным образом, пересекались друг с другом и тщательно подыскивали осторожные формулировки для своих взглядов или же доверяли их лишь узкому кругу образованных, сочувствующих людей. Один из моих излюбленных примеров — Бенджамин Франклин. Он, вопреки молве, не открывал электричества, но, несомненно, способствовал пониманию его принципов и практическому использованию. К последнему относится громоотвод, положивший конец спорам о том, не бог ли это наугад карает нас вспышками молний. Теперь громоотводы имеются на каждой колокольне и на каждом минарете. Рассказывая общественности о своем изобретении, Франклин писал:

Радуетса Господь, ибо в милости своей наконец раскрыл роду человеческому способ уберечь жилища и другие строения от вреда, чинимого громом и молнией. Способ сей таков...

Далее он перечисляет обыкновенные домашние предметы (медную проволоку, вязальную спицу, «несколько мелких креплений»), необходимые для чуда.

Мы видим безупречное внешнее соответствие господствующему мировоззрению, приправленное маленькой, но очевидной колкостью: словом «наконец». Разумеется, вы вольны верить в чистосердечность Франклина и его желание публично воздать Всевышнему должное за то, что тот после стольких лет сжалился и все-таки раскрыл свой секрет. Но в словах Франклина явно слышится эхо Прометея, укравшего огонь у богов. А наследникам Прометея в те дни приходилось быть начеку. В Бирмингеме толпа, науськанная партией тори, с криками «за церковь и короля» разнесла на куски лабораторию Джозефа Пристли, фактического первооткрывателя кислорода. Чтобы возобновить работу, ему пришлось увезти свои унитариянские убеждения на другую сторону Атлантики. (В этих историях нет идеальных героев: Франклин интересовался масонством не меньше, чем Ньютон алхимией, да и Пристли был приверженцем теории флогистона. Не стоит забывать, что мы говорим о детстве нашего вида.)

Эдвард Гиббон был шокирован тем, что узнал о христианстве, работая над своей грандиозной «Историей упадка и разрушения Римской империи». Один из первых экземпляров он отправил Дэвиду Юму, который предупредил его о возможных неприятностях — и не ошибся. Юм принимал у себя в Эдинбурге Бенджамина Франклина и ездил в Париж на встречу с издателями «Энциклопедии». Энциклопедисты, временами бравировавшие своим безбожием, поначалу были разочарованы, когда осторожный шотландский гость заметил, что атеистов нет, а следовательно, может не быть и самого атеизма. Возможно, Юм больше пришелся бы им по нраву, если бы лет десять спустя они прочли его «Диалоги о естественной религии».

«Диалоги» основаны на одном из диалогов Цицерона, причем сам Юм явно (хотя и осторожно) выступает в роли Филона. Традиционные рассуждения о существовании бога здесь несколько видоизменены в свете новых фактов и логических выкладок. Возможно, заимствуя идеи Спинозы (значительная часть трудов которого по-прежнему была доступна лишь из

вторых рук), Юм высказывает мысль, что вера в совершенно простого и вездесущего бога, по сути, есть скрытое признание в атеизме, поскольку у такого бога не может быть ничего, подходящего под определение «разума» или «воли». Более того, даже если у него каким-то образом имеются такие атрибуты, это не отменяет древний вопрос Эпикура:

Если он желает предотвратить зло, но не может, он бессилён. Если может, но не желает, он злонамерен. Если и может, и желает — откуда берется зло?

Атеизм проходит сквозь этот мнимый парадокс, как лезвие Оккама. Даже если вы верите в бога, нелепо воображать, что бог должен перед вами оправдываться. И все же верующий взваливает на себя невыполнимую задачу толкования воли неизвестного, тем самым обрекая себя на нелепые вопросы. Но стоит отбросить допущение о существовании бога, и мы можем оглядеться и пустить в ход свой разум — наше единственное достояние. (Ответ Юма на неизбежный вопрос о происхождении всех живых существ предвосхищает Дарвина. В сущности, Юм говорит, что они эволюционируют: приспособленные выживают, неприспособленные вымирают.) В завершение Юм не дает явного перевеса ни деисту Клеанту, ни скептику Филону. Возможно, он, по своему обыкновению, перестраховался, — или же перед нами свидетельство привлекательности деизма в додарвиновскую эпоху.

Даже великий Томас Пейн, друг Франклина и Джефферсона, отвергал те самые обвинения в атеизме, которые ничуть не боялся на себя навлечь. Он взялся разоблачать преступления и ужасы Ветхого Завета — а с ними и глупые мифы Нового — для того, чтобы оправдать бога. Никакое великое и благородное божество, утверждал он, не может нести ответственность за подобное зверство и скудоумие. В «Веке разума» Пейн чуть ли не впервые в истории открыто выразил презрение к организованной религии. Книга имела огромное влияние по всему миру. Тем временем его американские друзья и современники, вдохновленные, в том числе, и его идеями, провозгласили независимость от ганноверских узурпаторов с их карманной англиканской церковью, а также сумели сделать нечто невиданное и неслыханное: написать демократическую, республиканскую конституцию, где не было ни слова о боге, а религия упоминались лишь в связи с гарантией ее отделения от государства. На смертном одре почти все американские отцы-основатели обошлись без священника; обошелся без него и Пейн, хотя в последние часы его осаждали религиозные хулиганы, требовавшие от него принять Христа и спастись. Как и Дэвид Юм, Пейн отказался от подобного утешения, и его наследие пережило клеветнический слух о том, что перед смертью он молил церковь о прощении. (Уже один факт, что любители бога искали таких предсмертных «покаяний», а тем более измышляли их впоследствии, красноречиво свидетельствует, насколько неверна их вера.)

Чарлз Дарвин родился еще при жизни Пейна и Джефферсона, его трудам суждено было развеять туман незнания о происхождении растений, животных и других явлений природы, в котором им приходилось идти вперед. Но даже Дарвин, приступая к карьере ботаника и естествоиспытателя, не сомневался, что действует в полном соответствии с божьим замыслом. Одно время он даже собирался стать священником. Чем больше открытий он совершал, тем больше он старался примирить их с верой в высший разум. Как и Эдвард Гиббон, он предчувствовал, что публикация вызовет скандал, и (уже в отличие от Гиббона) снабдил свою работу оборонительными пассажами. Первое время он спорил сам с собой вполне в духе современных жертв «разумного замысла». Столкнувшись с неопровержимыми доказательствами эволюции, почему бы не объявить, что бог, оказывается, еще более велик, чем мы думали? Открытие законов природы «должно расширить наше понимание силы всеведущего Творца». Не вполне убедив даже себя, Дарвин опасался, что его первые работы, посвященные

естественному отбору, станут концом его репутации, равносильным «признанию в убийстве». Кроме того, он понимал: стоит ему доказать, что организмы приспособляются к окружающей среде, как придется признать кое-что еще более пугающее, а именно отсутствие первопричины и божественного плана.

Симптомы старого доброго разговора между строк рассыпаны по всему первому изданию «Происхождения видов». Термин «эволюция» не встречается нигде, притом, что нередко упоминается «творение». (Поразительно, что его первые записные книжки 1837 года были озаглавлены «Трансмутация видов». Дарвин как будто использовал архаический язык алхимиков.) Заглавная страница «Происхождения видов» содержал замечание, позаимствованное — что немаловажно — у респектабельного Фрэнсиса Бэкона, писавшего о необходимости изучать не только слово божье, но и его «труды». В «Происхождении человека» Дарвин был готов пойти немного дальше, но все же позволил своей набожной и горячо любимой жене Эмме внести некоторые редакторские исправления. Лишь в своей автобиографии, не предназначенной для публикации, да в некоторых письмах друзьям он признавался, что полностью утратил веру. Его «агностицизм» был обусловлен не только работой, но и жизнью: он потерял немало близких людей и не мог примирить свои потери ни с каким любящим творцом, не говоря уже о христианском аде. Как и многие люди, даже самые одаренные, он не избежал солипсизма, при котором вера приходит и уходит под давлением жизненных обстоятельств, и вся вселенная, кажется, озабочена твоей судьбой. Тем большего восхищения — наравне с Галилеем — заслуживает научный подвиг Дарвина, поскольку в науке им двигало одно лишь стремление к истине. И не важно, если частью этого стремления поначалу была тщетная надежда, что истина обязательно послужит *ad maiorem dei gloriam*^[25].

Дарвин также не избежал посмертного оскорбления. Истеричная христианка сфабриковала историю о том, как великий, честный, мучимый сомнениями исследователь перед смертью косился на Библию. Понадобилось время, чтобы разоблачить жалкую мошенницу, видевшую в своей лжи благородный поступок.

В ответ на обвинение в научном плагиате (скорее всего, справедливое) сэр Исаак Ньютон сделал завуалированное признание (в свою очередь, тоже плагиат), что в его работе ему выпала удача «стоять на плечах гигантов». В первом десятилетии XXI века подобное признание требует лишь самого минимального благородства. При помощи обыкновенного ноутбука я могу, когда пожелаю, ознакомиться с жизнью и трудами Анаксагора и Эразма Роттердамского, Эпикура и Витгенштейна. Мне не грозят ни библиотечные ночи при свечах, ни скудость источников, ни трудности связи с единомышленниками из других эпох и стран. Мне не грозит (вот разве что иногда звонит телефон, и хриплые голоса приговаривают меня к смерти или адским мукам, а то и ко всему сразу) неотступный страх, что написанные мною слова приведут к уничтожению моих книг, к изгнанию или гибели моей семьи, к вечному очернению моего имени религиозными мошенниками и лжецами или к мучительному выбору между пытками и отречением от своих взглядов. Я располагаю свободой и доступом к знаниям, какие и не снились первопроходцам. А потому, окидывая взглядом минувшие эпохи, я не могу не заметить, что у всех гигантов, на которых я полагаюсь и на чьих богатырских плечах сижу, время от времени подрагивали жизненно важные коленные суставы, изящно (и халтурно) устроенные эволюцией. Лишь один представитель класса гигантов и гениев неизменно говорил то, что думал, без заметных опасений или излишней осторожности. Поэтому я вновь процитирую Альберта Эйнштейна, о котором распускали так много ложных слухов. В данном случае он обращается к корреспонденту, обеспокоенному одной из таких сплетен:

«То, что пишут о моих религиозных убеждениях, безусловно, ложь, причем ложь

эта повторяется систематически. Я не верю в личного Бога. Этого я никогда не отрицал, но, напротив, выражался предельно ясно. Если и есть во мне какое-то религиозное чувство, то лишь бесконечное восхищение устройством мира, насколько его способна постичь наша наука».

На другой запрос он, годы спустя, ответил так:

«Я не верю в бессмертие личности, а этику считаю делом исключительно человеческим. За ней не кроется никакая надчеловеческая власть».

Эти слова принадлежат человеку, который не зря прославился своим небезразличием, принципиальностью и чувством меры. Одной лишь силой своего гения он создал теорию, которая могла, оказавшись в плохих руках, уничтожить не только весь наш мир, но и все наше прошлое, и саму возможность будущего. Большую часть своей жизни он посвятил благородному бегству от роли карающего пророка. Он предпочитал отстаивать ценности просвещения и гуманизма. Всегда оставаясь евреем (за что пережил изгнание, клевету и гонения), он унаследовал, что мог, из этики иудаизма, но отверг варварские мифы Пятикнижия. Мы в большем долгу перед ним, чем перед всеми раввинами, что когда-либо стонали и еще будут стонать на этой земле. (Когда Эйнштейну предложили стать президентом Израиля, он отказался из-за серьезных сомнений в правильности сионистского пути. Давид Бен-Гурион встретил его отказ с облегчением. В ожидании ответа Эйнштейна он спрашивал у членов своего кабинета: «Что будем делать, если он согласится?»)

Рассказывают, что величайшая из всех викторианок, недавно овдовев, спросила своего любимого премьер-министра из-под траурной вуали, не представит ли он ей неопровержимое доказательство существования бога. Бенджамин Дизраэли немного помолчал перед своей королевой, которую сделал «Императрицей Индии», и ответил: «Евреи, мадам». Многоопытному, но суеверному гению политики казалось, что выживание еврейского народа, его упрямое следование древним сказаниям и ритуалам говорит о вмешательстве высших сил. Он ставил не на ту лошадь. Пусть даже, как он сказал, еврейский народ воспрянул, высвободжаясь из-под двух разных видов гнета. Первым и более заметным была геттоизация по милости невежественных, фанатичных христианских властей. Этот процесс задокументирован слишком хорошо, и мне нечего добавить к сказанному. Но под другим гнетом евреи оказались по собственной милости. Наполеон Бонапарт, к примеру, после некоторых колебаний отменил законы, дискриминировавшие евреев. (Вполне возможно, он рассчитывал на их финансовую поддержку, но это не так важно.) Тем не менее, когда его армии вторглись в Россию, раввины призывали свою паству сплотиться вокруг царя — того самого царя, который их бесчестил, порол, обкрадывал и убивал. Лучше деспот, который ненавидит евреев, чем самое слабое поветрие богохульного французского Просвещения. Вот почему так важно помнить о нелепой, вымученной мелодраме в той амстердамской синагоге. Даже в Голландии, славившейся своей терпимостью, старейшины предпочли пойти на союз с христианами-антисемитами и другими обскурантистами, лишь бы не позволить талантливейшему из соплеменников свободно мыслить.

Иными словами, когда рухнули стены гетто, их обитатели освободились не только от «гоев», но и от раввинов. Последовал бурный расцвет талантов, какой редко бывает в истории. Вырвавшийся из религиозной комы народ внес огромный вклад в медицину, науку, юриспруденцию, политику, искусство. Волны, вызванные этим двойным освобождением, не улеглись до сих пор: стоит лишь вспомнить Маркса, Фрейда и Эйнштейна, а с ними Исаака

Бабеля, Артура Кестлера, Билли Уайлдера, Ленни Брюса, Сола Беллоу, Филипа Рота, Джозефа Хеллера и бесчисленных других.

Если объявят конкурс на самый трагический день в истории человечества, я назову событие, которому посвящен пресный малопрятный праздник Ханука. Это редчайший случай, когда не христианство обворовало иудаизм, но сами евреи беззастенчиво скопировали христианский обычай, отчаянно подыскивая памятную дату, совпадающую с Рождеством. Под тонкой христианской оберткой Рождества, с его горящими поленьями и листьями омелы и падуба, в свою очередь, легко различить языческое солнцестояние, что праздновалось когда-то под сполохами северного сияния. Вот он, итог банального «диалога культур». Впрочем, Иуда Маккавей не помышлял ни о каком диалоге культур, когда возобновил службу в иерусалимском храме в 165 году до н.э. и тем самым установил бессмысленную дату, которую чтят кроткие празднователи Хануки. Род Маккавеев, основавший Хасмонейскую династию, силой возрождал фундаментализм Моисея среди многочисленных эллинизированных евреев Палестины и других регионов. Этих евреев — подлинных провозвестников диалога культур — утомил «закон», им претило обрезание, их интересовала греческая литература, их привлекали физические и интеллектуальные упражнения гимназия, им неплохо давалась философия. Пусть и не напрямую, пусть через римское влияние и память о времени Александра, но они чувствовали притяжение Афин и не желали более мириться с животным ужасом и суеверием Пятикнижия. Приверженцам старого храма они явно казались слишком космополитичными, и вряд ли трудно было обвинить их в «предательстве», когда они дали добро на поклонение Зевсу в том же месте, где дымились кровавые алтари с подношениями неулыбчивому идолу прошлого. Как бы то ни было, едва отец Иуды Маккавея увидел еврея, собиравшегося совершить эллинистическое приношение на старом алтаре, он прирезал его на месте. За несколько лет последовавшего «восстания» Маккавеи убили и насильственно обрезали еще немало ассимилированных евреев, а женщинам, прельстившимся эллинистической вольностью, пришлось еще хуже. Римляне в итоге предпочли агрессивных догматиков Маккавеев менее милитаризованным и фанатичным евреям, щеголявшим на средиземноморском солнце в своих греческих тогах. Так родился шаткий союз между ультраконсервативными ортодоксами Синедриона и имперскими наместниками. Их прискорбное сотрудничество приведет к христианству (еще одной иудейской ереси), неизбежным следствием которого станет рождение ислама. А ведь мы могли обойтись без всего этого.

Разумеется, история все равно была бы полна глупостей и нежелания видеть дальше своего носа. Но связь Афин и человечества не была бы так грубо прервана, и еврейский народ мог бы стать носителем философии, а не бесплодного монотеизма, и учения античных мудрецов не казались бы нам доисторическими. Как-то раз я оказался в кабинете ныне покойного депутата Кнессета рабби Меир Кахане, злобного расиста и демагога, среди сторонников которого можно найти полоумного доктора Баруха Гольдштейна и других воинствующих израильских поселенцев. Своими кампаниями против смешанных браков и за выселение из Палестины всех неевреев Кахане заслужил презрение многих израильтян и евреев диаспоры, сравнивавших его политическую программу с Нюрнбергскими законами нацистов. В ответ на это Кахане начал бессвязно бормотать, что любой араб может остаться, если примет иудаизм строго по законам Галахи (Гитлер, надо признать, не потерпел бы таких послаблений), но затем ему это надоело, и он просто отмахнулся от своих еврейских оппонентов, назвав их «эллинизированным» сбродом. (По сей день евреи-ортодоксы клянут еретиков и отступников словом «апикорос», т.е. «последователь Эпикура».) С формальной точки зрения он был совершенно прав: в основе его фанатизма лежала не «раса», а «вера». Мечтая зажать нос, я с болью думал о мире света и красок, что столько веков назад исчез в черно-белых кошмарах праведных предков этого

немытого варвара. От его сгорбленной фигуры исходила подвальная вонь Кальвина, Торквемады и бен Ладена. Громилы из его партии «Ках» патрулировали улицы в поисках несанкционированных сексуальных связей и нарушителей Шаббата. Мне снова вспоминаются сланцы Бёрджесс. Эту ядовитую ветвь давно надо было отрубить, надо было позволить ей отмереть, пока она не заразила генетическим мусором новые, здоровые ростки. Мы же вместо этого до сих пор живем в ее вредоносной, удушливой тени. А маленькие еврейские дети отмечают Хануку, чтобы не быть чужими на празднике лубочных вифлеемских мифов, с которыми так яростно соревнуется сегодня визгливая пропаганда Мекки и Медины.

Ценность человека меряется не истиной, обладателем коей он является или мнит себя, но искреннее усердие, приложенное в обнаружении истины. Ибо не в обладании, но в поиске истины приумножаются его силы, и лишь в том состоит его непрерывно растущее совершенство. Обладание приносит успокоение, леность, гордыню. Ежели Бог зажал бы в своей правой руке всю истину, а в левой безустанное стремление к истине, хотя бы и с условием, что я вечно буду заблуждаться, и сказал бы: «Выбирай!» — я смиренно приложился бы к его левой руке.

Готхольд Лессинг. Анти-Гёце, 1778 год

Мессия не придет и даже не позвонит!

Израильский хит 2001 года

В своей полемике с проповедником-фундаменталистом Гёце великий Лессинг высказался еще слишком мягко. Его обаятельная скромность создает впечатление, что у него был — мог быть — выбор. На самом деле у нас нет возможности «выбрать» ни абсолютную истину, ни веру. У нас есть лишь право не верить тем, кто действительно считает себя хранителем откровения. У нас есть право сказать, что они обманывают сами себя и пытаются обмануть, а то и запугать других. Разумеется, «выбрать» путь скепсиса и любопытства в любом случае и лучше, и полезней для ума, ведь чего-либо достичь мы можем лишь постоянным напряжением этих способностей. А религии, по остроумному замечанию Саймона Блэкберна в работе о платоновской «Республике», не что иное, как «окаменевшие философии», т.е. философия, из которой убрали все вопросы. «Выбирая» догму и веру вместо сомнения и эксперимента, вы отказываетесь от здоровой трапезы, чтобы жадно сунуть в рот ядовитую жвачку для мозгов.

Фома Аквинский некогда написал трактат о Троице и, скромно находя его одним из своих наиболее удачных творений, возложил на алтарь собора Парижской Богоматери, чтобы бог лично ознакомился с работой, а может быть, и соблаговолил как-нибудь отозваться. («Ангельский доктор» был жертвой того же заблуждения, из-за которого монашек во время омовений заставляли прикрывать ванну занавеской: бытовало мнение, что столь нехитрое устройство отведет божий взор от неприкрытых женских телес. При этом забывалось, что бог, в силу своего всеведения и вездесущности, «видит» все, всегда и везде. Забывалось и то, что до столкновения с непреодолимой занавеской его «взгляд», вне всякого сомнения, проникает сквозь стены и потолки монастыря. Возникает подозрение, что смотреть на свои тела — или, скорее, друг на друга — не давали самим монахиням.)

Как бы то ни было, Фома Аквинский позднее обнаружил, что бог действительно оставил положительную рецензию на его трактат (и по сей день никакой другой автор не может похвастать подобным отличием). Подоспевшие монахи и послушники с благоговейным ужасом увидели, что Фома блаженно левитирует под сводами собора. Будьте уверены: у нас есть рассказы очевидцев.

В один весенний день 2006 года президент Ирана Ахмадинежад в сопровождении

кабинета министров направился к колодцу, находящемуся между Тегераном и святым городом Кум. Рассказывают, что именно в этом резервуаре в 873 году нашел пристанище двенадцатый, он же «сокрытый», имам, чье долгожданное возвращение однажды изумит и спасет мир. Добравшись до места, Ахмадинежад достал свернутый листок бумаги и бросил его в колодец, дабы сокрытый был в курсе успехов Ирана в деле расщепления атома и обогащения урана. Казалось бы, имаму полагается быть в курсе событий независимо от своего местонахождения, но нет: почему-то именно этот колодец служит ему почтовым ящиком. Можно добавить, что незадолго до того президент Ахмадинежад вернулся с Генеральной ассамблеи ООН. Речь, которую он там произнес в присутствии большой «живой» аудитории, широко транслировалась по радио и телевидению. Тем не менее по возвращении в Иран он рассказал своим сторонникам, как на протяжении всей речи его окутывало прозрачное зеленое свечение (зеленый — излюбленный цвет ислама); от сияния этого божественного света вся Генеральная ассамблея сидела не шелохнувшись и не смела сказать ни слова. Несмотря на приватный характер этого феномена (судя по всему, других свидетелей не было), Ахмадинежад увидел в нем еще один знак скорого прихода двенадцатого имама, а также поддержку своего намерения любой ценой сделать Исламскую Республику Иран — погрязшую в нужде, репрессиях, стагнации и коррупции — ядерной державой. При этом он, как и Фома Аквинский, полагал, что двенадцатый, он же «сокрытый», имам не сможет прочесть написанное, если текст не положить ему, так сказать, прямо под нос.

Я видел немало шиитских церемоний и процессий и потому не особенно удивился, когда узнал, что их обрядовая сторона частично позаимствована у католиков. Двенадцать имамов, один из которых «сокрыт» в ожидании то ли возвращения, то ли пробуждения. Горячий культ мученичества, особенно в связи с ужасной гибелью имама Хусейна, покинутого и преданного среди бесплодных равнин Кербелы. Процессии самобичевателей и самоистязателей, охваченные горем и раскаянием из-за того, что их жертвенного лидера бросили в беде. Мазохистский праздник Ашура более всего напоминает испанскую *Semana Santa*, Святую неделю, когда по улицам плывут рясы, кресты, капюшоны и факелы. Уже в который раз мы видим, что монотеистическая религия — это плагиат плагиата слухов о слухах, а кончается эта затянувшаяся цепочка несколькими баснями, выдуманными в далеком прошлом.

Можно выразиться иначе: пока я пишу, новая инквизиция готовится заполучить в руки ядерное оружие. Грандиозная, изобретательная, утонченная персидская цивилизация неуклонно увядает под удушающей властью религии. Большинство ее писателей, художников и интеллектуалов либо в изгнании, либо задавлены цензурой; ее женщин превратили в имущество и сексуальных рабынь; ее молодежь, в своей массе, не имеет ни полноценного образования, ни работы. Иран по-прежнему экспортирует то же, что четверть века назад, когда теократы пришли к власти: фисташки и ковры. Модернизация и технология обошли его стороной. Единственное достижение — ядерная программа.

Так противостояние религии и цивилизации переходит в совершенно иную плоскость. До относительно недавних пор те, кто выбирал власть святош, сполна расплачивались за это сами. Их страны приходили в упадок, их экономика съеживалась, их лучшие умы пропадали впустую или бежали за рубеж, и они всегда плелись в хвосте у стран, научившихся изолировать и усмирять религиозный инстинкт. Государство наподобие Афганистана попросту загнивало. И без того печальная картина стала еще трагичней 11 сентября 2001 года, когда из Афганистана поступил священный приказ экспроприировать два выдающихся достижения современной цивилизации — небоскреб и реактивный самолет — и с их помощью совершить человеческое жертвоприношение. В истерических проповедях прямым текстом объявлялось, что на следующем этапе в руках у воинов апокалипсиса будет оружие Армагеддона. Религиозные

фанатики не могли придумать абсолютно ничего столь же полезного, как небоскреб или пассажирский авиалайнер. Но, продолжая долгую историю плагиата, они смогли украсть эти изобретения, чтобы использовать их для разрушения.

Эта книга посвящена старейшему спору в истории человечества, но во время работы над ней мне почти еженедельно приходилось отрываться и принимать участие во все новых и новых витках этого спора. Дебаты, как правило, принимали уродливые формы: я покидал рабочий стол не для того, чтобы дискутировать с каким-нибудь бывалым иезуитом в Джорджтаунском университете. Нет, я спешил к датскому посольству — проявить солидарность с небольшой демократической страной, когда другие ее посольства были объаты огнем из-за нескольких карикатур в одной копенгагенской газете. Эта конфронтация была особенно угнетающей. Исламские толпы нарушали дипломатическую неприкосновенность и угрожали смертью мирным гражданам, а Его Святейшество Папа Римский и епископ Кентерберийский в ответ на это осудили... карикатуры! Мои коллеги-журналисты наперегонки капитулировали, публикуя репортажи о скандальных изображениях без самих изображений — в эпоху, когда средства массовой информации почти исключительно полагаются на картинку. Тут и там мямлили о необходимости демонстрировать «уважение», но со многими редакторами я знаком лично и могу смело утверждать, что главной причиной их «сдержанности» был обыкновенный страх. Иными словами, кучка религиозных бандитов, разинув пасть, сумела заглушить своими воплями традицию свободы прессы в самом сердце Запада. В 2006 году! К постыдному страху следует добавить нравственную лень релятивизма: никакая нерелигиозная группировка, угрожающая насилием, а тем более прибегающая к нему, не одержала бы столь легкой победы, и никто не бросился бы придумывать для нее оправдания (не то, чтобы она сама утруждала себя оправданиями).

В другие дни газеты пишут о том, что крупнейшее в истории исследование воздействия молитвы в очередной раз установило отсутствие какой-либо корреляции между молитвами о выздоровлении и собственно выздоровлением. (Разве что такая корреляция: у пациентов, которые знали, что за них молятся, было больше послеоперационных осложнений, чем у тех, которые не знали, молятся за них или нет. Лично я, впрочем, не думаю, что это что-либо доказывает.) Тем временем группа ученых в результате самоотверженной кропотливой работы обнаружила в отдаленном уголке канадской Арктики несколько скелетов крупной рыбы, которая жила 375 миллионов лет назад и обладала ранними прототипами пальцев, кистей, локтей и плеч. Как и археоптерикс, являющийся переходной формой между динозаврами и птицами, долгожданный Тиктаалик (названный так по инициативе местного нунавутского населения) — одно из так называемых «недостающих звеньев», помогающих нам пролить свет на истинную природу человека. Охрипшие от крика пропагандисты «разумного замысла» тем временем собирались осаждать попечительский совет очередной школы, требуя, чтобы детям преподавали вздор.

Эти противоречивые известия стали напоминать мне забег: на каждый крошечный шаг науки и разума приходится размашистый, грозный скачок варварства — по милости людей, уверенных в своей правоте и мечтающих о том, что Роберт Лоулл в другом контексте назвал «засильем благочестия и стали».

Религия даже обзавелась специальным ответвлением для изучения конца света. Оно именуется «эсхатологией» и без конца изводит себя картинками уничтожения этого тленного мира. Культ смерти по-прежнему силен, хотя у нас есть все основания полагать, что кроме «тленного мира» у нас ничего нет — и никогда не будет. В то же время перед нами целая вселенная, ждущая открытий и объяснений. Ее изучение, увлекательное уже само по себе, даже самому обыкновенному человеку открывает то, чего когда-то не знали Дарвин и Эйнштейн. Оно

сулит настоящие чудеса исцеления, энергетики и мирного диалога культур. Однако же миллионы людей во всем мире по-прежнему предпочитают пещерные мифы с племенными божками и кровавыми жертвоприношениями. Стивен Джей Гулд в поздних работах великодушно писал, что наука и религия представляют собой «непересекающиеся царства». Что они не пересекаются — совершенно очевидно. Но это не означает, что между ними нет антагонизма.

У религии не осталось оправданий. Благодаря телескопу и микроскопу ее объяснения больше ни на что не годятся. В прошлом, когда картина мира находилась под ее тотальным контролем, она могла предотвращать появление противников; теперь она может лишь чинить препятствия лавине прогресса или пытаться повернуть ее вспять. Да, иногда она искусно примиряется с плодами науки, но лишь для того, чтобы оставить за собой право выбора: меж забвением и обскурантизмом, меж бессилием и откровенным реакционерством. И беда в том, что она запрограммирована выбирать худшую альтернативу. Все, что она может противопоставить негладким-нежданым открытиям в коре нашего мозга, в самых дальних уголках известной вселенной, в белках и кислотах нашего тела, — либо уничтожение во славу господню, либо лживое обещание, что мы «спасемся», если пустим под нож крайнюю плоть, помолимся в заданном направлении или заглотим просфору. Как если бы посреди зимы вам поднесли ароматный, изысканный плод, вызревший в заботливо устроенной теплице, а вы содрали бы с него кожуру вместе с мякотью и принялись понуро глотать косточку.

Более всего нам необходима новая эра Просвещения, основанная на понимании того, что истинный предмет человеческого познания — сам человек. В отличие от своих предшественниц, новая эпоха Просвещения не будет всецело полагаться на героические прорывы одаренных и необычайно храбрых одиночек. Она вполне по силам человеку средних способностей. Чтение литературы, как ради нее самой, так и ради вечных этических проблем, что в ней затрагиваются, может с лихвой заменить священные тексты, оказавшиеся безнравственными фабрикациями. Полная свобода научного поиска и мгновенный электронный доступ огромной массы людей к новым открытиям в корне изменят наши представления о научно-исследовательской работе. Что не менее важно, теперь можно, наконец, попытаться навсегда отделить половую жизнь от страха, болезней и тирании — при условии полного исключения религии из этой сферы. Впервые в нашей истории все это — и не только это — может не сегодня-завтра стать реальностью для каждого человека.

Однако лишь самый наивный утопист скажет, что развитие новой, человеческой цивилизации будет прямолинейным, как фантазии о «прогрессе». Для начала мы должны преодолеть собственное прошлое. Мы должны вырваться из костлявых рук, что тянутся к нам оттуда, пытаясь затащить назад в катакомбы, назад к зловонным алтарям и тайному счастью унижать и унижаться. «Познай самого себя» — говорили древние греки, ненавязчиво предлагая найти утешение в философии. Сегодня очевидно: чтобы освободить свой разум для самопознания, надо знать врага в лицо и готовиться к схватке.

Примечания

Маркс К., Энгельс Ф.Соч. Т. 1. С. 414–415.

Здесь и далее синодальный перевод. — Прим. пер.

Вот к злодеяньям каким побуждала религия смертных (лат.). — Пер. Ф. Петровского.

Книга вышла в 2007 году. — Прим. пер.

Дарвин Ч. *Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь*. Пер. с 6-го изд. (Лондон, 1872). Отв. ред. акад. А.Л. Тахтаджян. — СПб.: Наука, 1991.

Дарвин Ч. *Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь*. Пер. с 6-го изд. (Лондон, 1872). Отв. ред. акад. А.Л. Тахтаджян. — СПб.: Наука, 1991.

Перевод М. Лозинского.

Русский текст дается в синодальном переводе.

Первые слова Симеона в Вульгате (Евангелие от Луки 2:29–30): «Ныне отпускаешь (раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое)». — *Прим. пер.*

Хадис Сахиха аль-Бухари со слов Анаса бин-Малика. — *Прим. пер.*

Коран, сура «Женщины», аят 48. Пер. Н.О. Османова.

«Здесь Родос, здесь и прыгай!»

«И было (случилось) так»; один из самых распространенных оборотов в Библии короля Якова (встречается около 400 раз). — *Прим. пер.*

«Свободный от евреев» (нем.).

В английском варианте «Let my people go». — *Прим. пер.*

Поселок в Гайане, где в ноябре 1978 года более 900 членов американской секты «Peoples Temple» совершили массовое самоубийство по приказу лидера Джима Джонса. Большинство из них погибло, приняв яд, растворённый в чанах с газированным напитком. — *Прим. пер.*

«Лучше Гитлер, чем Блюм».

«Свобода, равенство, братство».

«Семья, труд, родина».

У. Черчилль описывает, как в 1935 г. после обсуждения Сталина с министром иностранных дел Франции Пьером Лавалем численности французской армии на Западном фронте, Лаваль попросил Сталина поддержать католичество в России: «Это бы так помогло мне в делах с папой». «Ого! Папа! — воскликнул Сталин. — А сколько у него дивизий?» — *Прим. ред.*

«Нет спасения вне церкви» (лат.).

Меня пугает вечная тишина этих бесконечных пространств.

Пер. с лат. Ф. Петровского.

Цит. по: История философии: Энциклопедия. — Ми.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002.

К преумножению славы господней (лат.)

Кристофер Хитченс

Бог не любовь: Как религия все отравляет

Год: 2011

Автор: Christopher Hitchens / Кристофер Хитченс

Издательство: Альпина нон-фикшн

ISBN: 978-5-91671-092-2

Язык: Русский

Количество страниц: 368